

Анна Милтон

Обещание длиною в жизнь

Любовь и ненависть — #3

Аннотация

Я обрел свое счастье.

*Наоми Питерсон — девушка, изменившая меня и мир вокруг. Она — та, кого я
больше никогда и ни за что не отпущу.*

Она — моя судьба. Я уверен в этом.

*Я надеялся, время ошибок закончилось. Но прошлое врывается в мою спокойную
жизнь и с поразительным рвением делает все, чтобы разрушить то, что я обрел с
огромным трудом.*

Меня преследует злой рок?

Определенно, я не нахожусь в любимчиках у Судьбы. Но... пошло оно все к чертям.

Я не позволю отнять у меня Наоми — мое настоящее, мое будущее.

Я даю обещание длиною в жизнь, что буду любить тебя до конца своих дней.

А ты, Наоми?

ПЕРВАЯ ГЛАВА

Вот оно — мое счастье. Лежит рядом и тихо сопит.

Я не смог сдержать улыбки, наблюдая за тем, как Наоми во сне пускает слюнку. Ее шелковистые, волнистые волосы цвета беззвездного неба, пахнущие яблоком и корицей, разметались по подушке, и я склонился, чтобы вдохнуть их весенний, свежий аромат.

Она такая милая. И забавная. И чертовски сексуальная.

Она — совершенство.

Моя рука по-хозяйски покоилась на ее тонкой талии, пальцы выводили легкие узоры на нежной, бархатной коже. Я прижался к ней сильнее со спины и прикусил губу до боли, борясь с желанием проникнуть в нее. Но я не сделаю ничего подобного до тех пор, пока она будет спать.

Что ж, придется это исправить, потому что напряжение в боксерах стало нестерпимым.

Стрелки часов не дошли и до половины седьмого утра, и Наоми убьет меня, узнав, что я разбудил ее в такую рань.

Честно говоря, я не спал вот уже около часа. Врывающееся через окно солнечное тепло пекло спину, и после нескольких минут проклятий я нашел-таки в этом плюс. Мне редко удается наблюдать за столь чудесным явлением, как спящая Наоми. Обычно она встает раньше меня — девочонкам нужно больше времени на сборы. И когда я открываю глаза, то с кухни уже веет запахом приготовленного кофе.

Сегодня у Наоми нет первой пары, и весь вчерашний вечер она радостно прыгала по дому, рассыпаясь в благодарностях к господу за его милосердие. Я и не знал, что моя девочка та еще зубрилка. Она вкладывает в учебу всю энергию, нисколько себя не желая, тратя почти все свободное время на рефераты, конспекты и прочую дребедень, которой я насытился по горло в свое время в университете. Врагу не пожелаешь, ну честно. Но мне нравилась ее тяга к учебе. Она была не только красивой, но и умной.

Я чертовски гордился тем, что эта девушка — моя.

Хотя будет несправедливо, если я скажу, что не беспокоился о том, что мы проводили вместе не так много времени, как хотелось бы. Но оставалось довольствоваться тем, что есть. И поэтому я безмерно счастлив, что Наоми не отшивала меня по ночам, хоть и часто уставала.

Черт, если бы не общая крыша под головой, мы бы вообще виделись раз в неделю, как Джессика с Джейсоном. Ребята страдали из-за нехватки общения, однако были не в силах исправить это. К сожалению. Джейс остался в Индианаполисе, поддерживать бизнес, в то время как я успешно обосновался в Рапид-Сити. Правда, до сих пор мне не удалось уладить некоторые проблемки с персоналом, но как раз сегодня должно пройти собеседование — буду выбирать себе ассистента, или ассистентку. Как получится.

Огромных трудов мне удалось уговорить Наоми жить со мной. Ну, как уговорить... я просто привел ее в этот небольшой, но уютный дом, который купил специально для нас, и поставил свою малышку перед фактом. Никогда не забуду ее лицо — во влажных, черных глазах сверкало желание перерезать мне горло.

Ухмыльнувшись нахлынувшим воспоминаниям, я наклонился к лицу Наоми и оставил легкий поцелуй на гладкой щеке. Мне нравилось прикасаться к ней. Словно ее тело было создано для моих рук, которые начинали жить своей жизнью при виде Наоми.

Но больше всего я любил ее губы. Алые, сочные, мягкие. Сколько фантазий, связанных с этим сладким ротиком, создало мое большое воображение.

Черт!

Мой дружок сейчас взорвется.

Я больше не мог терпеть.

— Наоми, — плотно прижавшись к упругой попке, я стиснул в кулаке ткань ее малиновой футболки, поднявшей до груди.

Приковав озверелый взгляд к оголившейся смуглой коже, я громко сглотнул.

Иногда я сходил с ума оттого, что Наоми не понимала, почему я такой озабоченный. Очевидно же! С такой девушкой, как она, я только и мог думать о том, чтобы быть внутри нее, чувствовать ее глубину, тесноту, слушать бесконечно хриплые, высокие стоны. Всегда я парень, причем парень, который в прошлом был зависимым от секса. Правда, с разными партнершами.

До того, как я понял, что люблю Наоми, я не сомневался, что даже будучи семидесятилетним стариканом буду проводить время в обществе молоденьких девушек и ловить от этого кайф. Я никогда не видел себя в будущем мужем и отцом. Я был уверен, что у Бога другие планы на меня.

Мне действительно нравились временные связи и непрекращающиеся вечеринки.

Мне нравилась свобода.

Мне нравилось, что мое сердце не любило...

Когда-то.

— Зак, отвянь, — сонно пробубнила Наоми, убирая мою ладонь со своей груди.

Я растерянно моргнул и уставился на свои пальцы, сжимающие упругую, мягкую плоть.

— Я спать хочу, — подбив под голову подушку, она накрыла себя одеялом.

— А я тебя хочу, — сказал, улыбнувшись, и прижался губами к ее шее.

— Ну, Зак, — Наоми захныкала, и я усмехнулся, целуя пульсирующую жилку.

Похоже, ей стало щекотно, и она заливисто рассмеялась. Развернувшись подо мной, Наоми распахнула большие, темные глаза, и пораженчески вздохнула.

— Это утро одно из тех немногих, когда выпадает возможность побалдеть подольше, а ты взял и жестоко отнял у меня мой кайф, — без раздражения и обиды, а даже с некоторым весельем пожаловалась она.

Я навис над ней, гладя ее лицо.

— Я могу подарить тебе другой кайф, — почему-то с ней я чувствовал себя глупцом, когда пытался флиртовать. — Смекаешь, да?

Наоми прикусила нижнюю губу, и ее вспыхнувший на пухлых щеках румянец заставил мое сердце тарабанить с дикой скоростью.

— Смекаю, — с неожиданной сиплостью, бесспорно придающей голосу Наоми сексуальность, она притянула меня к себе, обвив своей тонкой рукой мою шею. Но не поцеловала, оставив между нами пару миллиметров пространства. Чертовка. Вздумала дразнить меня? — Но мне не хочется.

Я вопросительно вскинул брови.

Не хочется, значит?

— С твоих уст это звучит, как вызов, дорогая, — оскалившись в угрожающей улыбке, я рывком сократил то ничтожное расстояние между нашими губами и впился в Наоми жарким, долгим поцелуем.

Судорожно простонав мне в рот, она скользнула ладонью по моему обнаженному торсу (не люблю спать в одежде, тем более рядом с ней), вызывая приятную дрожь в теле. Я был чертовым вулканом, а ее робкие, дразнящие скольжения приближали меня к извержению. Издав по-настоящему животный, гортанный рык, я схватил Наоми за бедро и закинул ее ногу на свою талию.

Исследуя языком маленький ротик, я медленно спускался рукой к спортивным трусикам-шортам Наоми.

— А ну стоять, — выдохнула она, останавливая меня.

Не понял.

— Я же сказала, секса не будет, — с нескрываемым удовольствием заявила Наоми, выскользнула из-под меня и, потянувшись, покинула кровать.

Я все еще ничего не понимал.

— Не смей уходить, черт подери, — я успел схватить ее за край футболки. — Возбудила меня, а теперь пытаешься удрачить?

Переполз через кровать и чмокнул ее в левый бок. Вздрогнув, Наоми схватилась за мою руку, обвившую ее плотно сжатые друг с другом стройные, загорелые ножки.

— Это ты виноват, — прощебетала Наоми, вяло сопротивляясь мне. — Не надо было будить меня. Теперь сам не спи и мучайся без секса.

Я заурчал, водя языком по ее покрытой мурашками коже.

— Детка, не спорь и прыгай в кроватку, — мне нравилось играть с ней. Мне нравилось, что Наоми понимала меня и отвечала в той же шутливой, несерьезной манере. Хотя сейчас ее голос был тверд, несмотря на дрожь в нем.

— Зак, — развернувшись ко мне лицом, она очаровательно улыбнулась. — Это твое наказание, понял?

— Накажи меня по-другому, — предложил я.

— Размечтался, — выкрутившись из моих рук, Наоми, виляя бедрами, подошла к шкафу-купе. Достав полотенце, она закинула его на свое плечо и, прежде чем покинуть нашу спальню в белых тонах, хитро посмотрела на меня. — Я в душ. А ты приготовь завтрак. Считай, это тоже входит в твое наказание.

Дерьмо. Все-таки не стоило мне будить ее.

— Ты жестока, — я откинулся на подушки и уставился в потолок. — Я же не виноват в том, что хочу тебя.

— Иногда нужно сдерживать своего дружка, — поучительным тоном ответила Наоми, чем вызвала у меня усмешку.

— Ты просишь о невозможном.

— Да неужели.

— Посмотрел бы я на тебя, если бы у тебя был член.

Я мог поклясться, что Наоми покраснела, как рак, после моих слов.

Ну а что? Это ведь действительно сложно. Точнее невозможно. Почти всегда, когда я нахожусь рядом с Наоми, мой член берет бразды правления разумом в свои руки.

Скосив шаловливый взгляд в ее сторону, я увидел то, что ожидал. Наоми низко опустила голову, чтобы скрыть свое смущение. Какая же она сексапильная. Особенно когда краснеет.

— К счастью, его нет, — запоздало отозвалась Наоми и потянула на себя дверь. — Но у меня есть то, без чего твой... младший братишка, — мне нравилось, как она давала ему прозвища, — не сможет обойтись. И если все же ты не договоришься с ним о самоконтроле, то он может смело распрощаться с этим.

Я захочатал. Больше не мог сдерживаться. Наоми пыталась быть дерзкой, при этом стесняясь собственных слов. И как она говорила о своей киске... дьявол. Я возбудился даже от этого.

Похоже, мне действительно стоит немного сдерживаться.

— Ладно. Твоя взяла, — я сдался и поднял руку. — Но сегодня ночью ты поплатишься за то, что вздумала наказывать меня.

Приподнялся на локтях и устремил на Наоми прямой, уверенный взгляд.

— Это я доминант, малыш.

Теперь смеялась Наоми, но я уловил вспышку страха в ее черных глазах.

— Хорошо, доминант, — кивнула она, уголки ее губ слабо подрагивали. Эта потрясающая девушка не воспринимала меня всерьез. Что ж, придется мне провести воспитательные работы. Я даже знаю, с чего начать... — Хочу на завтрак маффины. Ммм, — Наоми напустила на себя задумчивый вид, — с шоколадом.

Я свесил ноги с кровати и оглядел спальню на наличие штанов.

— И где мне, позволь узнать, достать в такую рань маффины? — уточнил меланхолично, двигаясь в сторону окна, где валялись джинсы.

— В кондитерской тремя кварталами ниже. Там я покупаю тебе чешские булочки.

Так вот она где их берет. Мы живем вместе четвертый месяц, а я только узнал об этом.

— А, — сделал вид, будто понял ее. — Почему бы тебе самой не сходить? Я могу не найти кондитерскую.

— Или дуй за маффинами, или будешь убираться в выходные, — поставила ультиматум Наоми.

Я закатил глаза, натягивая на себя футболку.

— Прекрати быть такой коварной, женщина.

Ладно. Признаю. Возможно, мне нравилось, что она умела поставить меня на место. Это в каком-то роде заводило. Ни одной девушке, с кем я когда-либо спал, подобное не удавалось. Но Наоми — другая. Я понял это сразу, как только она накричала на меня в нашу первую встречу, ударив по голове сковородой. Не отрицаю, что тогда я вел себя, как последний козел, и ее агрессивное поведение было оправдано. Однако будь она такой, как все, то даже после всего попыталась бы соблазнить меня.

И она соблазнила, сама того не осознавая. Покорила меня, завлекла в свои сети, похитила мое сердце. Наоми напомнила мне, что я могу быть хорошим парнем.

— Когда я вернусь из душа, маффины должны ждать меня на кухне, — предупредительно взмахнув указательным пальцем, она, встряхнув растрепанной шевелюрой, ушла из спальни, оставив меня одного, по-идиотски улыбающегося своим мыслям.

Я люблю эту девушку.

ВТОРАЯ ГЛАВА

Наоми за все ответит.

За то, что я чуть не сбил соседскую собаку, получил угрозу от ее немного сумасбродной хозяйки. Она решила подать на меня в суд. За то, что окатил из лужи женщину, проживающую в конце улицы и, как обычно по утрам, совершающую пробежку. Вновь меня прокляли, а так же внедорожник заодно.

Помимо всего этого мне пришлось прождать в собравшейся у булочной очереди около получаса. Я изумился: неужели с самого открытия всегда так шумно? И Наоми терпит это каждый раз? Я бы свихнулся. Точнее я почти тронулся умом, наслушавшись сплетен двух местных болтушек-домохозяек. Они знатно потрепали мне нервы.

Я вернулся домой, когда Наоми выходила из душа. Успел. Правда, мой мозг отключился, когда я посмотрел чуть ниже ее ключиц — туда, где начиналось махровое белое полотенце, в которое она обмотала себя. Пришлось стиснуть зубы, чтобы заставить себя стоять на месте и не рыпаться. Но так хотелось подойти, сорвать эту ткань с ее тела и попросить больше никогда не носить одежду... Но это уже слишком, да?

Глаза Наоми сверкнули.

— Ты купил? — она подбежала ко мне, минуя гостиную со светло-голубыми стенами и разноцветной мебелью, и выхватила из моих рук пакет с теплыми маффинами.

Я снял ботинки и направился на кухню, когда за спиной прозвучало грозное:

— Стоять.

Клянусь богом, дрожь пробрала меня до мозга костей.

С насупленным и рассерженным видом Наоми встала передо мной, чуть наклонившись, и уперла руки в бока.

— Я просила с шоколадом. С Шо-ко-ла-дом. А ты купил черничные.

Я ощущил комок в районе кадыка.

Правда? Она просила шоколадные маффины? Вот черт. Черт! Черт! Черт!

Мой маленький котенок активировал режим ворчливого дьявола и стал отчитывать меня за такой неслыханный проступок. Я смотрел на нее сверху вниз и улыбался, потому что злая Наоми — чертовски сексуальная и невыносимо очаровательная. Может быть, если я помолчу еще пару минут и не попытаюсь оправдаться, то она, будучи не выспавшейся, выйдет из себя. Вот тогда-то я и вступлю в действия, заткну ее поцелуем, ну а там...

— Ты хоть слово услышал из того, что я сказала? — вздохнув, Наоми покачала головой.

Я прослушал свою девушку, фантазируя о том, как имею ее на диване.

— Прости, — потянул к ней руки, чтобы обнять.

К моему счастью и удивлению, она не стала отталкивать меня. Поместив ее влажное тело в свои объятия, я опустил голову и вдохнул запах ее волос. В нос ударили фантастический аромат ее шампуня. Боже, она прелестна.

Поддавшись инстинктам, я спустился ниже, легонько поцеловав Наоми в шею. Ее кожа пахла морским бризом, на вкус была, как мороженое. Клубничное. Великолепно. Просто чертовски великолепно.

Проведя ноготками по моей груди, Наоми отстранилась и подарила мне полный ласки взгляд.

— Ладно. Так уж и быть. Ты прощен за это. Но про наказание не забывай. Сегодня никакогоекса.

— Понял, — я продолжал играть роль послушного мальчика.

Глупышка. Я же Зак Роджерс. Я всегда и все делаю так, как хочу и планирую. Я позволю ей думать, что она управляет нашей игрой, но правда такова, что роль лидера, стратега и тактика в наших отношениях всегда будет моей.

— Пойдем завтракать, — мягко улыбнувшись, Наоми взяла меня за руку и потянула в сторону кухни.

Как по мне, черничные маффины намного вкуснее шоколадных. Наоми, тяжко вздыхая по шоколадным, металась по кухне, готовя нам кофе. Когда напиток был готов, и Наоми поднесла мне его, я ухватил ее за талию и посадил к себе на колени. Она все еще была в полотенце и, похоже, без трусиков.

— На следующей неделе мама собирается делать УЗИ, чтобы узнать пол ребенка, — устроившись на мне, сказала Наоми.

Я поцеловал ее в лопатку.

— Кого она хочет?

— Не знаю. Мальчика, наверно.

— А ты? — провел дорожку поцелуев до мочки уха, и Наоми слабо задрожала. — Кого хочешь ты? Братика, или сестренку?

— Брата, — не раздумывая, ответила она. — Всегда о нем мечтала.

— Девчонки мечтают о сестренках, чтобы делать всякую девчачью ерунду, — я добрался до края ее полотенца и, воспользовавшись тем, что Наоми увлечена поднятой темой, стал осторожно красться вверх, скользя пальцами по нежной коже.

— Это точно не про меня. Я бы свихнулась, будь у меня младшая сестра, — ухмыльнулась Наоми, отхлебнув мой кофе. Ее стоял нетронутым в сторонке.

— Сколько времени? — хрипло спросил я, прижавшись лбом к ее плечу.

У меня был ужасный стояк.

— Эмм, около восьми, думаю, — Наоми что, не чувствует это?

Дьявол.

Я впился пальцами в ее бедра, сдерживая болезненный стон за стиснутыми зубами.

— Наоми...

Она качнулась на мне, и сквозь меня прошла волна удовольствия. Сделала ли она это непроизвольно, или намеренно, желая окончательно свести меня с ума, я больше не мог терпеть.

— Зак, не...

— Ни слова, — рыкнув, я соскочил на ноги с Наоми в руках.

Пискнув, она вцепилась в мою шею.

— Что ты делаешь? — прошептала ошеломленно.

Не ответив, я усадил ее на стол и толкнул назад.

— Зак? — покорно откинувшись, Наоми с томительным волнением наблюдала за тем, как я раздвигаю ей ноги и устраиваюсь между них.

— Ни слова, — повторил я жестко.

Сколько можно играть со мной?

Без тела Наоми это утро просто чертовски долгое.

Ее сбивчивое дыхание разносилось по кухне, перемешиваясь со звуком отлетающего в сторону кожаного ремня и стука металлической бляхи о кафельный пол. Сжав кулаки, Наоми собралась приподняться на локтях, но я схватил ее за бедра и резко придвинул к краю стола. Она соблазнительно прикусила нижнюю губу, пылкий румянец окрасил ее щеки в ярко-розовый цвет.

Я был обезумевшим от голода волком, а она — моей добычей. Моей пищей. Моей жизнью. Моим воздухом.

— Ты нужна мне, — наклонившись к ней, я впился губами в ее губы.

Глухой, надрывающийся стон Наоми утонул в нашем поцелуе. Крепко схватившись пальчиками за мою футболку, она стянула ее через голову и припала губами к моему соску.

— Вот так, малышка, — я откинул голову назад, закрыв глаза в блаженстве.

Мне больше не приходилось ни о чем просить Наоми. Она все делала сама. Расстегнула ширинку на джинсах, стянула их вместе с боксерами и взяла в руки член. Спустя секунду я почувствовал, как она ловко работает своим язычком.

Женщины — невероятно коварные создания, но собственная хитрость так же становится причиной их страданий. Секс приятен для обоих полов одинаково. Обоим он необходим. Так почему женщины создают проблемы и для себя, и для мужчин, выдумывая какие-то наказания с запретом секса?

Глупые.

Я приближался к своему экстазу, но не хотел испытать его один. Секс создан для того, чтобы делить наслаждение со своим партнером.

— Хватит, — сипло попросил я, отодвинув Наоми за плечи.

Непонимающе хлопая ресницами, она подняла голову, чтобы встретиться с моим затуманенным взглядом, и облизнула губы.

— Ложись.

Она кивнула и растянулась по столу. Тяжело сглотнув, я поцеловал ее рядом с пупком. Как же мне хотелось поймать каждую мурашку, прыгающую на ее теле. Мне хотелось поглотить ее целиком. Без остатка.

— Зак, — хныкнула Наоми.

— Потерпи, малыш, — ухмыльнувшись, я слабо дотронулся до ее набухшего от возбуждения клитора. Она была чертовски влажная.

— Зак! — ее пронзительный крик разнесся по всему дому. — Быстрее! Пожалуйста... Я...

— Тиш, — провел пальцем по ее губам, и она раскрыла их, захватив его в плен.

Я навел свой член на ее вход и собирался войти.

Пусть все проклятие вселенной обрушится на того кретина, который додумался позвонить мне в эту секунду.

Дьявол!

Наоми разлепила глаза и огорченно выдохнула.

— Ответь, — сказала она мне.

— Пошли все к черту, — я пригвоздил Наоми обратно к столу, проигнорировав вибрации в кармане. — Сначала я трахну тебя.

Внутри меня все кипело и бурлило от возбуждения. Оно разрывало мои органы, причиняя колоссальную боль.

Хихикнув, Наоми покачала головой. У нее просто поразительная выдержка.

— Нет. Вдруг это что-то важное?

Да плевать на это!

— Я хочу тебя, — рывком оказался у ее лица, но Наоми не дала мне поцеловать себя.

— Продолжим ночью, — прошептала она мне в губы.

Я замер.

Телефон все звонил и звонил.

Я убью того, кто лишил меня утреннего секса с Наоми. Клянусь.

— То есть, я больше не наказан? — нависнув над ней, спросил я.

Она провела ладонью по моей щеке.

— Нет.

Я заставил себя вымученно улыбнуться ей в ответ.

— Отлично. Ночью я не остановлюсь.

— Только попробуй, — Наоми поцеловала меня в лоб.

Телефон перестал трещать ровно через несколько секунд, как только мы оделись.

Пропущенный звонок был от Деймона Аддерли — моего недалекого заместителя. Вот ублудок. Приеду в офис, раскрошу его в пыль.

Спустя полчаса я застал Наоми в спальне, вертящейся и скачущей перед зеркалом.

— Ну ты все, или нет? — спросил немного раздраженно, прислонившись к дверному косяку и скрестив руки.

Женщины... Дай им вечность, и они с удовольствием потратят ее на переодевания.

— Да, — отозвалась Наоми, расчесывая прямые темные волосы, которые еще полчаса назад были волнистыми.

— Хмм, — мой взгляд оценивающе скользнул по ее белой короткой футболке и до безобразия обтягивающим классную задницу джинсам. — Переоденься.

— Что? — она непонимающе уставилась на меня, оторвавшись от своего отражения в зеркале. — Почему?

Мне на самом деле стоит объяснять ей столь очевидную причину?

Да все парни в колледже, увидев ее в таких джинсах, будут только и делать, что думать о том, что скрывается за ними. Я же не могу набить рожу им всем. Поэтому будет лучше, если Наоми переоденет хотя бы футболку, к которой мысленно тянулись мои пальцы, желая снять вещь с красивого, смуглого тела, и наденет что-то, что спрятало бы ее хорошенкую попку.

— Я не буду переодеваться, — Наоми отошла от зеркала и, подхватив с кровати сумку, остановилась рядом со мной. — Все, с кем я знакома, и с кем не знакома, и так знают, что ты надерешь им задницы, если они попробуют подкатить ко мне.

Я самодовольно ухмыльнулся.

Наоми закатила глаза.

— И нечем тут гордиться.

— Есть чем.

— А вот и нет.

— А вот и да.

Я поддразнивал ее, пока мы шли к внедорожнику. Натянув короткую кожаную куртку, Наоми забралась на переднее сидение.

Наоми находила Спирфиш симпатичным городком. «Гугл» сказал мне, что он являлся красивейшим в Южной Дакоте — жемчужиной края. Немноголюдный, но шумный, тесный, но кажущийся бесконечным. Для меня этот город полон противоречивостей. Но Наоми здесь нравится, поэтому и я доволен. За любимой хоть на край света... теперь я понимаю это выражение.

Я остановил машину у колледжа под песню «Sail» группы Awolnation уже через десять минут. В принципе учебное заведение находилось близко к дому, но я чувствовал необходимость подвозить Наоми. Забирать не всегда получалось — обратный путь из Рапид-сити с учетом пробок занимал порядком два часа, да и Наоми могла вернуться домой днем.

— Сегодня после пар я останусь у Джессики в общежитии, — сказала она, обводя губы блеском.

Я кивнул.

— Надолго?

— Не знаю. До твоего возвращения, наверно. Нужно заехать в магазин и купить продуктов.

Мы действительно как семейная парочка.

— Хорошо.

— Тогда до вечера? — она перевела взгляд от своего отражения в зеркальце на меня.

Я улыбнулся ей.

— До вечера.

Наоми наклонилась, чтобы поцеловать меня в щеку. Я прикрыл глаза, когда ее липкие от блеска губы коснулись моей скулы.

— Я буду скучать.

— И я...

Это невыносимо — каждое утро прощаться с ней и понимать, что не смогу увидеть целый день. Мне было мало даже совместной жизни. Я понимал, что хочу чего-то большего, но не мог дать этому название.

— Наоми! — успел выкрикнуть ее имя прежде, чем она отошла на достаточное расстояние.

Обернувшись, Наоми с неповторимым изяществом взмахнула густыми, волнистыми волосами. У меня перехватило дыхание. Серьезно. Я впал в ступор на несколько мгновений, забыв обо всем на свете.

Что я хотел сделать?

Точно... вспомнил.

Усмехнувшись, я вышел из внедорожника и обошел его. Быстрыми и уверенными шагами сократил расстояние между собой и Наоми. Шествующие мимо студенты начали кидать в нашу сторону заинтересованные взгляды.

Наоми оторопела, когда я остановился прямо перед ней.

— Зак? — растерянным шепотом спросила она.

Ничего не сказав, я поцеловал ее. Притянул к своему телу, крепко обвив руками ее талию, и ворвался в рот Наоми, сокрушив все препятствия, которые только могли существовать между нами. Сладкий аромат ее духов окутал меня с ног до головы, и я медленно растворялся в нем. С осадком неуверенности она обняла меня в ответ, играя своим языком с моим.

Мы страстно целовались прямо на парковке перед собирающимися у колледжа студентами. Я хотел напомнить им, что Наоми — моя.

— Не забывай про наш договор, — отстранившись, напомнил я ей на ушко.

— Не забуду, — пообещала Наоми.

— Я люблю тебя, детка, — поместил ее пунцовое лицо в свои ладони. — И тоже буду скучать. Уже скучаю.

Я потерял дар речи, когда увидел застывшие слезы в обсидиановых глазах. Внутри меня все сжалось от злости к самому себе, ведь я являлся их причиной, даже если они и были проявлением счастья.

Я знаю, что доставил Наоми немало проблем, причинил нескончаемую боль, разбил ей сердце... И я никогда не прошу себя за то, что натворил. Но я понимаю, что нужно двигаться дальше. Я должен стараться все исправить. Я работал над этим каждый день. Моя главная цель заключалась в счастье Наоми. Ведь если она будет улыбаться, значит, все не зря.

— Я тоже люблю тебя, Зак, — сказала девушка, которая когда-то была моей мечтой. Но я сумел воплотить ее в реальность.

Сейчас она — мое все. Смысл каждого прожитого мгновения.

***

Я припарковался у семиэтажного старого здания из красного кирпича, которое арендовал под офис. Оно выглядело более-менее на фоне остальных. Заметив у главного входа подорвавшуюся с места фигуру Деймона, вспомнил, что собирался врезать ему хорошенъко за утренний звонок. Мог начать нервировать меня хотя бы на двадцать минут позже.

Высокий брюнет с ребяческой улыбкой на лице в строгом костюме кобальтового оттенка выглядел крайне нелепо. С самого первого дня знакомства я считал Деймона мальчишкой-переростком. Ему двадцать девять. Не женат. Детей нет. Живет один в съемной квартире напротив японского ресторочка, в котором закупается данго¹. Обожает компьютерные игры. Однажды был пойман мною с поличным за онлайн-игрой «Warcraft» во время рабочего дня и чуть не вылетел с работы за это. Но в целом Деймон прикольный чувак.

— Зак, где носит твою задницу?! — врезавшись в меня, когда я вышел из внедорожника, проорал он.

О, я не сказал? Еще он чертовски наглый и давно не менял место работы.

— Я хочу тебя прикончить прямо сейчас, — нахмурившись, ответил я ему.

— Ага, — Деймон пропустил мою угрозу мимо ушей. — Ты не забыл, что сегодня устроил день собеседований на место твоего ассистента?

— Помню, — поставив машину на сигнализацию, я направился к зданию офиса.

— Ну и какого хрена опаздываешь? — слышалось недовольное бурчание моего заместителя позади.

— Я здесь главный, поэтому мне можно, — усмехнулся я.

---

¹ Японские шарики моти на палочке, обычно подаваемые с соусом.

Зайдя в светлый холл, я поприветствовал Эмму, сидевшую за стойкой-ресепшин и разговаривающую о чем-то по телефону. Надеюсь, она болтала по делу, а не звонила своей тете в Мексику. Я задолбался платить бешеные деньги за это.

— Сколько пришло человек? — спросил я, направляясь к лифту.

— Двадцать шесть, но я сделал твою работу вместо тебя и отпустил их всех, — поспешил ответить Деймон.

Мы зашли в кабину с зеркальными стенами.

— Что? Никто не подошел? — я поднял бровь.

— Может быть, кто-нибудь и подошел...

— То есть? — не понял я. — Ты что, просто отпустил их? Какого хр...

— Но ты не представляешь, — продолжил Деймон, вновь проигнорировав меня, — какая цыпочка горит желанием присоединиться к нам!

Его глаза горели похотью. Животное.

— Если это будет пустоголовая блондинка, которая из-за силиконовой груди не сможет увидеть своих ног, я точно уволю тебя, — спокойно пояснил я. — Обещаю.

Деймон громко гоготнул и похлопал меня по плечу.

— Она крутая. И просто нереально сексуальная красотка! Тебе понравится.

Я вздохнул. Мы поднялись на седьмой этаж.

— Она должна нравиться мозгу, а не члену, Деймон.

Он хмыкнул.

— Не думай, что я какой-нибудь озабоченный идиот, готовый повестись на первую попавшуюся пару длинных и загорелых женских ножек.

Как раз таким Деймон и был.

Мы остановились у двери в мой кабинет.

— Ладно. Зови ее.

Он умчался выполнять мое поручение.

Возможно, когда-то я бы и оценил «старания» Деймона. Во времена до знакомства с Наоми я водился теми самыми накаченными силиконом блондинками. Я спал с ними и выбрасывал их на следующий же день. Я обращался с ними, как с мусором. Но они и были для меня бесполезным хламом.

Я нашел свое сокровище.

Скрывшись от этой энергичной рожи в просторном кабинете, отделанном по-простому, без лишних изяществ, я прошел к своему столу и плюхнулся на оббитое черной кожей мягкое, офисное кресло. Мой взгляд упал на фотографию, стоящую рядом с настольной лампой. На ней я обнимал Наоми со спины, а она фотографировалась. В тот день мы заехали в наш дом.

Разлившееся по телу тепло превратилось в лед, когда после тихого стука открылась дверь, и в кабинет зашла высокая, светловолосая девушка двадцати трех лет с холодно-голубыми глазами, обведенными ярко-красной помадой губами и чертовски длинными ногами, которые выглядели стройнее из-за высоченных каблуков. На ней была черная юбка и просвечивающая бледно-желтая блузка.

За плечом девушки мелькало счастливое лицо Деймона, но я почти не обращал на него внимания.

— Желаю удачи, — шепнул он замершей блондинке.

Та, не сводя с меня изумленного взгляда, рассеянно кивнула ему.

— Спасибо, Деймон.

Не может быть...

Я все еще не мог двигаться.

Деймон закрыл за собой дверь, и кабинет погрузился в гробовую тишину.

Мы долго смотрели друг на друга, но девушка первая вышла из состояния абсолютного оцепенения. Расправив плечи, она натянуто улыбнулась и прошла вперед. Заняв один из стульев по другую сторону стола, она ждала от меня каких-либо слов.

Но я не мог говорить.

Эту блондинку с шикарной внешностью, сидящую передо мной на стуле и мило улыбающуюся, звали Шарлотта Скарлет.

Я знал ее.

Я спал с ней.

Это было давно, однако я все равно чуть не подавился воздухом.

— Вот это встреча, — сладко пропела Шарлотта. — Давненько не виделись, Зак.

Я откинула на спинку кожаного кресла и задался лишь одним вопросом... какого черта?!

ТРЕТЬЯ ГЛАВА

Я спал с Шарлоттой Скарлет, когда мы учились в старшей школе. Она была капитаном черлидерской команды и, как и полагается, встречалась с капитаном команды по футболку Стэном Маршалом. Я был далек от этого вида спорта. Скажу больше, я терпеть его не мог и всех членов «Белых Дьяволов». Они были такими же тупыми, как и название их команды. Мне не нужно было быть крутым квотербеком, как Уилл Риверс, чтобы девчонки вешались на меня. Я купался в их внимании, можно даже сказать, чтотонул.

Но Шарлотта Скарлет — потрясающая, как мне тогда казалось, девушка с волосами, отливающими золотом, — была исключением. Из богатой семьи, не избалованная и утонченная. По ней сохла вся школа. Она не обращала внимания даже на меня, восхваляя только своего недалекого парня. Я был семнадцатилетним пацаном и ни черта не смыслил в любви. Поэтому я думал, что был влюблена в Шарлотту. В ее голубые глаза и стройные ноги. В ее пышную грудь, которую она подчеркивала глубоким декольте, и осиную талию, которую обвивали руки Стэна. Я ненавидел этого парня и однажды подрался с ним из-за нее. А Шарлотта со снисхождением посмеялась надо мной и ушла в обнимку со Стэном. Черт. Я был жалок и просто невероятно глуп.

Мои безумные, подростковые фантазии об ее теле притупились со временем, однако случай на выпускном лишил меня всякого рассудка. Я переспал с Шарлоттой. Это случилось в подсобке. Было фантастически, хоть и тесно. Шарлотта просто увела меня за руку от Стейси Марвелл, с которой я планировал оторваться той ночью, и поцеловала, когда мы дошли до конца школьного коридора. Было пусто, темно и жарко. Мой мозг перестал работать, когда Шарлотта засунула свою руку мне в штаны.

Я пришел в себя, когда застегивал пуговицы на рубашке. Я был на седьмом небе от счастья, ведь поимел самую популярную и крутую девчонку школы. Убил двух зайцев сразу: исполнил свою мечту и переспал с подружкой Стэна, с которым к концу учебы мои отношения окончательно испоганились.

Но как выяснилось позже, поимели как раз таки меня.

Шарлотта использовала меня так, как я использовал всех. Она объяснила свой поступок тем, что повздорила со Стэном, но между ними все будет хорошо.

И я остался сидеть в этой подсобке, как дурак, не веря, что повелся и попал в ловушку. Шарлотта не просто унизила меня, она растоптала мою гордость.

Когда я вернулся в спортивный зал, в котором проходил выпускной, то увидел Скарлет в объятиях Стэна. Они целовались, и Шарлотта смеялась, когда он говорил ей что-то, словно мы не трахались до потери голоса в подсобке несколько минут назад.

После выпускного вечера я больше не встречал Шарлотту Скарлет.

Прошло почти шесть лет.

И вот она здесь, собственной персоной.

Я проглотил язык, в упор разглядывая ее лицо, на котором застыла неподвижная улыбка. Шарлотта не сильно изменилась с того момента. Все такая же... блондинка. Я лихорадочно пытался понять, как ее занесло в Рапид-сити. Кажется, она собиралась поступать со Стэном в университет в Майами. Неужели расстались?

— Ну-у, — Шарлотта смущенно кашлянула в кулак. — Может, скажешь уже что-нибудь, Зак?

Я моргнул и потряс головой.

Нужно собраться. Подумаешь, передо мной сидела Шарлотта Скарлет, переспавшая со мной и кинувшая меня. Все-таки это было давно, можно сказать, в прошлой жизни. И сейчас, честно говоря, мне было фиолетово, как сложилась ее жизнь, и по какой причине королева старшей школы Кливленда оказалась в этом небольшом городке.

— Привет, — я занял более удобную позу в кресле, опустив взгляд.

— И это все? — ее аккуратная бровь взметнулась вверх. — Мы не виделись пять лет!

Я послал ей равнодушный взгляд.

— Ну да.

Шарлота склонила голову вбок, и ее улыбка стала обворожительной.

— А ты изменился...

Я пожал плечами.

— Возможно.

Рассмеявшись так, будто я сказал нечто невероятно смешное, Шарлотта махнула рукой.

— Никогда бы не подумала, что встречу тебя здесь.

— Никогда бы не подумал, что увижу на собственном собеседовании саму Шарлотту Скарлет, — не без сарказма парировал я с сухой улыбкой.

Блондинка вздохнула и обвела любопытным взглядом кабинет.

— Неплохо устроился.

— Ага, — я стянул ручку со стола и стал крутить в пальцах. — Так... какими судьбами, Шарлотта?

— Мне нужна работа, — серьезные голубые глаза вернулись к моему лицу. — Очень нужна. Вот, — блондинка достала из сумки папку и протянула ее мне. — Здесь мое резюме, данные и прочие документы. Ознакомься.

Окей.

Я взял папку и несколько минут просматривал закрепленные файлы, изо всех сил стараясь делать вид, что действительно читаю, однако думал совершенно о другом. Стоит

ли мне брать Шарлотту на работу? У нее неплохое резюме. Высшее образование по специальности менеджмента. Она работала в частной и раскрученной компании по производству косметики чуть меньше года, уволилась месяц назад по собственному желанию.

Деймон, будь он проклят, не оставил мне вариантов. Поскольку Шарлотта единственная, кто пришел на собеседование... точнее она единственная, кого я успел принять, и у нее довольно неплохие показатели, то я мог бы принять ее на работу. Но что-то казалось мне неправильным в этом.

— Так как? — с волнением спросила Шарлотта.

Я издал тяжелый вздох.

— Моя компания совсем недавно на рынке и только начала развиваться, поэтому я не думаю, что...

— Неважно, — перебила Шарлотта. — Мне нужна эта работа. На самом деле, это чудо, что я увидела объявление и пришла сюда. В Рапид-сити все совсем ужасно в плане свободных вакансий. Обещаю, что не подведу, если ты возьмешь меня, — она вновь широко улыбнулась.

Я не сомневался относительно ее работоспособности. Шарлотта окончила школу с золотой медалью. Она была умна. Учителя гордились ею. Все гордились.

Проблема была во мне. Присутствие Шарлотты немного напрягало и подбивало на нежелательные воспоминания. Но я должен мыслить здраво и трезво оценить ситуацию. Шарлотта вполне способна зарекомендовать себя, как отличного сотрудника, и неважно, что было между нами в прошлом. К работе это никак не относится.

— Ладно, — с неохотой выдавил я, возвращая резюме растерявшейся Шарлотте.

— Правда? — в ее глазах сверкнули искры неподдельной радости.

Я лениво кивнул и откинулся на спинку сидения. Мне нужен помощник. Я начинаю неправляться. От Деймона никакой пользы.

Я прикончу этого парня.

— Да. Ты принята, — вернув своему голову деловитость, я вежливо улыбнулся блондинке. — Сейчас Деймон — тот странный парень и мой заместитель — покажет тебе, что и как здесь, а завтра ты можешь начать работать. Месяц испытательного срока. Если все пройдет гладко, то ты будешь официально работать в моей компании.

— Спасибо, Зак! — искренне поблагодарила Шарлотта. — Ты не представляешь, как выручаешь меня.

В дверь раздался тихий стук, и показалась голова Деймона.

— Ну как? Вы закончили?

— Проведи Шарлотте экскурсию по зданию и покажи ей ее рабочее место, — дал я ему наказание.

Заметно приободрившись, Деймон проскользнул в кабинет и подошел к Шарлотте.

— Пойдем, красавица? — его ладонь легла на ее плечо.

Чуть вздрогнув, она кивнула ему, все еще улыбаясь.

— А ты милый, — ответила без искренности.

Шарлотта подмигнула ему и поднялась со стула. Я чуть не захочтал во весь голос, увидев покрасневшую физиономию Деймона.

— До завтра, Зак, — попрощавшись со мной, Шарлотта направилась к выходу.

— До завтра.

Мы с Деймоном смотрели, как плавно покачивались ее бедра.

— Чувак, я обожаю тебя, — тихо пробормотал он мне и, прочистив горло, крикнул Шарлотте. — Красотка, меня подожди!

Он выбежал вслед за ней, и я услышал его болтовню.

Интересно, как скора Шарлотта отошьет его? Деймон определенно положил на нее глаз. Хах.

Ухмыльнувшись, я запрокинул голову и крутанулся на кресле. Мои мысли вернулись к Наоми и тому, что мы не начали утром, хотя были так близки. Вот черт! Деймон нарвется когда-нибудь. Обязательно нарвется.

Сжав кулаки, я тихо простонал, представив обнаженное тело Наоми. Я даже подумал о том, чтобы наплевать на все и приехать к ней, вытащить с лекций и закрыться в какой-нибудь пустой аудитории, чтобы...

— Ну и долго я перед тобой стоять буду? — рявкающий голос вытащил меня из раздумий.

Распахнув глаза, я увидел рассерженную Леа с растрепанными рыжими волосами, убранными в небрежный пучок, упершую руки в бока и сверлящую меня убийственным взглядом. Ох, матерь Божья. Она напугала меня. Вечно появляется не вовремя.

— Уже вернулась? — слегка рассеянно поинтересовался я, плотно придинувшись к столу, чтобы спрятать потвердевшее последствие мыслей о Наоми.

— Ты, — прошипела Леа, ткнув в меня пальцем. Воу. Эта девушка суший монстр. Она моя подчиненная, однако, это не мешало ей отчитывать меня. — Ты отправил меня в не просветную глуши! Из-за тебя, — Леа склонилась над столом, и грязный ноготь застыл в паре дюймах от моего носа, — я оргебла кучу неприятностей. Я попала под ливень на проселочной дороге, и колесо моей малышки застряло в грязи. Пришлось оставить машину и топать пешком черт знает сколько времени. А потом! — в ее карих глазах сверкали молнии. — А потом я ехала в одном грузовике с потными, неотесанными мужиками, которые до самой фермы мистера Хайнса называли меня Луиджи и пропускали мимо ушей то, что я Леа... Леа, черт возьми! И думали, что я парень!

«Мне не смешно, мне не смешно, мне не смешно» уверял я себя, вжалвшись в спинку кресла. Мои губы дрожали, я изо всех сил пытался сдержать улыбку.

Леа действительно смахивала на парня, особенно когда задевала волосы. Она носила бесформенную одежду и никогда не красилась. Вечно огрызаясь, и у нее табу на отношения. По крайней мере, я ни разу не видел ее в обществе с парнем. Леа разъезжала по штатам в поисках запчастей и вечно куда-нибудь ввязывалась, так что в произошедшем с ней на этот раз не было моей вины.

— Успокойся, успокойся, — пробормотал я, поднимая руки в останавливающем жесте.

— Не смей, мать твою, успокаивать меня, — прорычала она, — или я оставлю тебя без твоих крошечных яиц.

Меня пробрало до костей от ужаса.

— Они не крошечные. И вообще, — я нахмурился, отбрасывая палец Леа от своего лица. — Ты выкупила запчасть?

С фыркающим звуком она стянула со своего плеча большой рюкзак и вытащила оттуда старый аккумулятор для «BMW» 518i 113hp MT.

— Ясно. Молодец.

— Да пошел ты со своей похвалой, — Леа резко шаркнула молнией рюкзака, застегивая его и возвращая на свое плечо. — Чертов Хейнс попросил двойную цену за него.

— Что? — возмутился я.

— Пришлось заплатить из своих, так что гони мне триста баксов, — она протянула раскрытую ладонь.

— Вот блин, — достал из бумажника три стодолларовые купюры.

— Ладно, я потопала, — Леа сразу же остыла, как только выхватила деньги и засунула их в карман джинсов с рваными коленями. — У меня самолет до Портленда через полчаса.

— А что там? — я свел брови, вспоминая.

Она цокнула, открыв дверь.

— Коробка передач для «Тойоты» из мезозойской эры. Чao, босс.

Отсалютовав мне, Леа скрылась в коридоре.

ЧЕТВЕРТАЯ ГЛАВА

Чертовски хотелось увидеть ее.

Я едва сдерживался, чтобы не превысить допустимую скорость. Нога так и рвала вожаться в педаль газа, в мыслях я представлял, как выжимаю из внедорожника все соки и несусь в Спирфиш, к Наоми. Эти фантазии причиняли сладкую боль, и, стуча пальцами по кожаному рулю, я тонул в них, одновременно уверяя себя, что время идет так же, как шло и два часа назад, но мое сердце, колотящееся с дикой быстротой, думало иначе. Ему казалось, будто время как раз таки замедлило свой ход, когда это нужно было меньше всего.

К сожалению, я не мог ехать со скоростью больше, чем сорок километров в час, потому что скользил по главной магистрали Рапид-Сити, и здесь было уйма автомобилей с такими же водителями, как я, рвущимися домой. Но стоит подождать, когда я пересеку границу города и смогу разогнаться до ста километров. Это все ускорит.

Я не должен задерживаться.

Наоми позвонила мне час назад и попросила забрать ее от Джессики. Естественно, я не мог отказать ей и, бросив все бесчисленные дела на работе, которые должны были задержать меня не раньше, чем до девяти, помчался из офиса, оставив ошеломленного Деймона за главного.

Наш мир до безобразия тесен.

К этой мысли меня привели воспоминания сегодняшнего утра, когда я увидел Шарлотту Скарлетт собственной персоны в своем кабинете. И все же. Кто бы мог подумать, что мы встретимся спустя столько лет при подобных обстоятельствах?

Я не должен был думать об этой блондинке, но ничего не мог с собой поделать. Судьба реально сумасшедшая.

Я пытался расслабиться, слушая любимую музыкальную группу. И мне, вроде как, это удалось, однако все старания полетели к чертям, когда я на секунду зажмурил глаза, поглощенный пронзительными лучами покидающего лиловое небо угасающего, красноватого солнца. Это напомнило мне о скромном наступлении ночи. Будет воистину

адски жарко. Наоми освободила меня от наказания, но никто не отменял моего наказания за то, что она вздумала учить меня с помощью такой священной штуки, как секс.

Этой ночью я отплачу ей сполна.

Спустя полтора часа я въезжал в студенческий городок, коря правила дорожного движения и внедорожник за то, что они заставили Наоми ждать меня.

Приближаясь к общежитию, я увидел сверкающую в сумеречном свете серебристую «Porsche Panamera» и Наоми рядом.

— Какого... — нахмурился я, подъезжая ближе.

Стоя со скрещенными руками, Наоми скучающе и с нотками раздражения оглядывалась по сторонам, ее глаза старательно игнорировали наличие крутой тачки перед носом.

Я увидел, как из «Porsche» появляется мужская рука и тянется к Наоми.

Что за нахрен? Какой-то тип подкатывает к ней?

Я резко крутанул руль влево, и Наоми вскинула голову, услышав легкий взвизг шин. На ее лице отразилось чувство удивления и смятения. Даже сквозь тонированное стекло я сумел распознать на ее щеках вспыхнувший румянец. Она сделала шаг назад от «Porsche». Взор Наоми притворился к моему приближающемуся внедорожнику.

Я припарковался рядом с ней, врезавшись передним бампером в тачку какого-то мудака, вздумавшего тянуть свои лапы к моей девушке. Нет. Конечно, это было не специально. Разинув рот, Наоми уставилась туда, где мой внедорожник должен был оставить вмятину на «Porsche».

Реакция последовала незамедлительно.

— Твою мать! — из автомобиля со скоростью ракеты вылетел темноволосый парень с проколотым ухом и в бело-зеленом бомбере с логотипом футбольного клуба колледжа, за который, вероятно, играет.

Отлично. Так он спортсмен.

Схватившись за голову, парень оббежал свою тачку и едва ли не зарыдал, когда я мягко дал задний ход и отъехал на полметра. Все его отчаяние обрушилось на «случайность», теперь украшавшее его дорогую машину.

— Упс, — беззаботно сказал я, покидая салон внедорожника.

Похолодевший воздух пробрался мою рубашку с расстегнутыми верхними пуговицами, прогоняя бодрящую волну мурашек.

— Привет, — я помахал Наоми, широко и лучезарно улыбнувшись.

Она все еще стояла, не в силах пошевелиться и ответить мне.

— Боже мой, — обреченно произнесла Наоми, переместив взгляд на мое довольное лицо. Она, конечно же, уже догадалась, что я подкорректировал задницу «Porsche» нарочно. И сквозь отступающее недоумение стало прорезаться неодобрение, о котором свидетельствовали ее сдвинутые брови и потемневшая радужка глаз. — Зак, ты...

Я подбежал к ней и, крепко обхватив за талию, поцеловал.

— Соскучилась? — спросил с весельем, отстранившись.

Делая глубокие вдохи, Наоми смотрела на меня.

— Что тытворишь? — раздалось ее шипение.

Я пожал плечами.

— Ничего. А вот он, — кивнул подбородком на парня, занятого оплакиванием «Porsche», — хотел от тебя что-то.

Закатив глаза, Наоми оттолкнула меня от себя.

— Ты невыносим. Мы просто разговаривали!

Ну-ну. Однако выглядело все так, будто этот тип докапывался до нее.

— Эй, — я мягко взял Наоми за подбородок. — Я должен беспокоиться? Если он докучает тебе, только скажи.

Я видел, как она борется с желанием отругать меня, и это выглядело очень сексуально. Если бы мы были здесь одни, я бы раздел Наоми прямо здесь и поимел так жестко, что она забыла бы имена всех парней, с кем знакома.

— Все хорошо, — с толикой неуверенности отозвалась Наоми, поместив мою руку в свои теплые ладони. — Эрик просто разговаривал со мной.

Эрик, значит.

— Он тянул к тебе руку, — я старательно игнорировал проклятия, которыми этот Эрик начал осыпать меня.

— Слышишь, ублюдок? Ты что с моей тачкой сделал?! — вопил он где-то в сторонке.

Выдохнув, Наоми с грустью усмехнулась.

— Он попросил телефон, чтобы позвонить.

Я поджал губы.

Ладно. Возможно, так все и было, и я переборщил со своей ревностью. Но я не мог контролировать свою любовь к Наоми. Я дал этому чувству абсолютную свободу, и меня все устраивало.

— Хорошо. Прости, — я приблизился к ее лицу.

— Ты не у меня должен прощения просить. А у Эрика, — Наоми покачала головой, прикрыв глаза. — Ревнивец.

Я ухмыльнулся.

— Я просто тебя люблю.

Взяв Наоми за руку, я повел ее к внедорожнику.

— Садись. Я разберусь с Дериком.

— Эриком.

— Ну да.

Парень был настолько поглощен рассматриванием вмятины, что не заметил и не услышал, как Наоми попрощалась с ним, извинившись за меня. Научить бы его тому, что не хорошо игнорировать искренность дам, но Наоми не одобрит моих методов, поэтому, возможно, если мы как-нибудь встретимся с Эриком без лишних свидетелей, я преподам ему урок.

— Эй, — я небрежно окликнул парня, доставая из заднего кармана брюк бумажник.

— Чего тебе? — рыкнул он на меня.

— Прости за тачку, — я вытянул пятьсот баксов и протянул их Эрику. — Держи. Этого хватит на ремонт.

— Ты смеешься надо мной?! — воу, не знал, что парни умеют пищать. У него получилось лучше, чем у любой девчонки. — Эта машина стоит дороже твоей жизни, придурок! Я подам на тебя в суд, и ты не отмажешься.

Вот как.

— Значит, деньги ты не возьмешь? — уточнил я.

— Засунь их себе в задницу, кретин, — выплюнув эти слова, Эрик ткнул в меня пальцем. Ярость, от которой его смазливое лицо побагровело, была невероятно забавной.

У сопляка редкое сочетание храбрости и тупости. Хотелось врезать ему хорошенъко, но это будет равносильно тому, если я ударю щенка. Ниже моего достоинства драться с недалеким студентом. Тем более не при Наоми, которая и так не в восторге оттого, что я испортил «Porsche».

— Как скажешь, — совладав с эмоциями, я убрал бумажник и развернулся на сто восемьдесят градусов от парня.

— Тебя размажут в суде! — крикнул Эрик мне вслед.

Лучше ему не знать, сколько раз я слышал подобные угрозы в свой адрес.

— Ага. Удачи, Дерил! — я отсалютовал ему, открывая дверцу внедорожника.

С улыбкой победителя я устроился на водительском сидении и наблюдал, как несчастный рассыпается, запыхается, обзывая меня всеми известными ему нелестными прилагательными и существительными. Так же мелькали глаголы.

Наоми с тревожным выражением лица смотрела на меня, сидя рядом в неудобной позе — с поджатыми к груди коленями.

— Как мне теперь смотреть ему в глаза? — этот вопрос был обращен не мне.

Я повернул ключ зажигания.

— Тебе не обязательно смотреть ему в глаза, — невозмутимо сказал я, оставляя общежитие и разгневанного и едва ли не плачущего Эрика позади. — Тебе вообще не нужно смотреть на него.

— Опять эти твои собственнические штучки, — скривилась Наоми.

Я рассмеялся, убрав одну руку с плеча и потрепав ее по волосам.

— Серьезно, Зак. Это было грубо.

— Согласен, — я не стал спорить. — Но... клянусь, мне показалось, будто он собирался взять тебя за руку.

— Глупости.

Я вздохнул.

— Я так не думал.

Мы заехали в «Ralf's²». Наоми забыла о случае с Эриком, полностью сосредоточившись на блуждании по магазину. Я едва плелся за ней, успевая ловить продукты, которые она, не глядя, кидала в тележку. Загрузив купленное в багажник внедорожника, мы вернулись в наш дом.

— Я в душ, — по ходу снимался ботинки, сказал я.

— Я пока приготовлю нам что-нибудь, — перекинув волосы на одно плечо, Наоми взяла тяжеленный пакет и направилась на кухню.

— Погоди, — я успел поймать ее за локоть. — Давай сюда.

Перехватил у нее пакет и донес до кухонного стола.

— Спасибо, — поблагодарила Наоми, чмокнув меня в щеки.

— Всегда пожалуйста, — соблазнительным тоном отозвался я, притягивая ее к себе и нежно целуя.

Наоми обвила мою шею руками и впустила в свой сладкий ротик мой настойчивый язык.

— Может, сначала поедим? — тяжело дыша, она остановила меня спустя минуту, когда я пробрался под ее топ и собирался расстегнуть лифчик.

---

2 супермаркет

Я был готов застонать от разочарования, но спорить не стал. Покорно кивнув и оставив застежку бюстгальтера в покое, я чмокнул Наоми в лоб и отправился в душ, скинув с себя рубашку перед тем, как оставить ее одну.

После расслабляющего двадцатиминутного душа я был полон энергии. Эту удивительную волшебную силу я собирался направить на то, чтобы всю сегодняшнюю ночь слушать надрывистые стоны Наоми и ее мольбы не останавливаться.

Намотав махровое полотенце вокруг бедер, я вышел из ванной и побрел к Наоми, чтобы поторопить ее и отправиться, наконец, исполнять задуманное.

— Что ты делаешь? — спросил я, застыв в кухонном проеме.

— Ммм? — подпрыгнув, Наоми обернулась ко мне через плечо. — Готовлю нам ужин.

Я сглотнул, не сводя пристального взгляда с ее идеальной попки, обтягиваемой спортивными белыми трусиками, создающими шикарный, соблазнительный контраст с ее смуглой, бархатной кожей.

— Какой к черту ужин? — мой голос осип от напряжения, внезапно сковавшего тело. С огромным трудом я заставил себя двигаться вперед. — Сейчас ты должна быть в постели и ждать своего наказания, — резко прижавшись к Наоми сзади, я обвил ее талию и проскользнул ладонью в трусики.

— Зак, — задыхаясь, она откинула голову назад, и я прижался губами к пульсирующей жилке на ее тонкой шее и жадно вдохнул сводящий с ума, возбуждающий аромат Наоми. Она пахла просто великолепно.

— Пойдем в спальню, — я укусил ее за мочку уха.

Она слабо дрожала и плавно извивалась, подстраиваясь под мои руки, исследующие ее тело. Я схватил Наоми за грудь, аккуратно скав пальцами чувствительный сосок, и нож, которым она резала томат, выскользнул из ослабевшей ладони.

Я подхватил Наоми на руки и понес в спальню. В мгновение ока стянул с нее тонкую серую майку. Следом за майкой полетело мое полотенце, и я вжался в Наоми своим потвердевшим органом. Прильнув ко мне каждым миллиметром тела, она хрипло и протяжно простонала.

Наоми хотела нашей близости так же дико и неудержимо, как я.

— Будь плохой девочкой, — прошептал я, целуя ее сочную, мягкую грудь.

— Угмхм, — неясно пробормотала она, зарываясь пальцами в моих влажных волосах.

Я хотел заняться с ней грубым и животным сексом, но знал, что Наоми такое будет не по душе. Я задался целью сделать ей хорошо, а не больно. Посасывая и целуя ее розовые бусинки, я наслаждался симфонией сладких звуков, издаваемых Наоми. Она пела только для меня неповторимую мелодию страсти, будоражащую воображение.

Наоми обхватила меня руками, стараясь как можно крепче приблизить к себе. Но между нами и так не оставалось расстояния. Между нами не оставалось даже воздуха. Мы дышали и источали огонь. Яркий, агрессивный и нескончаемый. Ладони Наоми скользили по моей спине, перемещаясь на ягодицы. Меня дико возбуждало, когда она трогала мою задницу.

Я провел по ее стройным бокам большими пальцами и зацепился ими за мешающую деталь одежды, которая все еще находилась на ее совершенном теле. Оттянул ткань трусиков вниз и поймал судорожный вздох Наоми.

— Зак, — блаженно произнесла она.

Я слегка прикусил ее сосок, и Наоми вскрикнула.

Вот так, малышка.

Кричи для меня. Только для меня.

Я клеймил ее шею, грудь и плечи багровыми отметинами, и она без умолку шептала мое имя, сводя с ума.

Мы обнажены. Мы пылали.

Я толкнул Наоми на кровать и осторожно навалился сверху. Просунув ладонь между ее бедер, раздвигая их, я ласково провел по раскаленной коже. Мне открылся вид красивых стройных ног, которые я готов трогать и целовать хоть всю жизнь. Наоми вздрагивала и выгибалась от моих прикосновений.

Она обвила мой торс ногами, прижимая нижнюю часть тела к себе.

Я едва сдерживал себя в узде, умолял самого себя продержаться еще чуть-чуть, — самую малость, — чтобы растянуть удовольствие, которое Наоми доставляли мои ласки. Я жертвовал своим шатким, почти уничтоженным терпением ради того, чтобы она купалась в экстазе.

Оставляя след поцелуев, я спускался все ниже и ниже, пока не добрался до заветного, райского mestечка на ее теле. Раздвинув упругие бедра еще шире, я нагнулся вперед и, послав Наоми улыбающийся взгляд, встретился с искрящимся возбуждением в черных глазах.

Нежно проведя кончиком языка по складкам, я проник им как можно глубже в Наоми. Ее кулаки сжимали простыни, грудь вздымалась вверх, и я удерживал ее, поочередно сжимая то одну, то другую, потому что мне казалось, будто она вознесется к самым небесам и исчезнет, оставив меня одного с этим раздирающим желанием.

Наоми изумительна на вкус. Ее интенсивные стоны и сбивчивое, ускоренное дыхание служило мне сигналом о том, что она скоро кончит. Я бы непременно довел дело до конца и подарил бы ей нескончаемый поток эйфории прямо сейчас, но я помнил, что собирался наказать ее, и отказываться от своего решения не намеревался.

Я вернулся к губам Наоми, заглушая ее разочарование. Я вытер слезинку печали с ее щеки, и мое сердце тоже невольно сжалось от того, какой я все-таки ублюдок. Но моя малышка сама виновата. Она должна, наконец, уяснить, что со мной шутки плохи. Особенно когда дело касалось секса с ней.

Я тревожил ее покой томительными ласками, оттягивая слияние наших тел как можно дольше.

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — умоляя, всхлипывала Наоми, пытаясь оседлать меня.

Ее затуманенные глаза смотрели на меня, и я погружался в их бездну с раскинутыми в стороны руками.

— Тиш, — провел пальцем по ее опухшим от поцелуев губам. — У нас вся ночь впереди.

Вновь поцеловав ее, властно и грубо, я подмял ее под себя. Наоми растрепала мои волосы и очертила языком контур моих губ. Ублажая ее, я сумел забыть о том, что испытывал адскую боль. Я чувствовал такое давление, что меня не покидало ощущение, будто мой член вот-вот взорвется.

Еще немного.

Я должен продержаться.

Я ввел в Наоми два пальца, и она, постепенно подстроившись под ритм, заданный мною, грациозно выгнулась навстречу, как кошка.

— Пожалуйста, Зак... Я не могу... больше ждать... Пожалуйста... я хочу тебя, — ее губы молвили это почти неслышно.

Я остановился, чтобы взглянуть на нее. Наоми неугомонно ерзала подо мной, пыталась приподняться, но я бережно вжал ее в кровать.

— Скажи, что любишь меня, — не попросил, а потребовал я.

— Я люблю тебя, — она потянулась за поцелуем, и я подарил ей его.

А затем резко вошел в нее.

До предела.

До синяков сжимая ее ягодицы.

Мы оба на взводе. Наоми хватило нескольких интенсивных толчков, чтобы кончить, но я только вошел во вкус.

— Зак, — сказала она сипло и провела ладонью по моей щеке.

Не сводя глаз с ее счастливого лица, я продолжал двигаться в ней, постепенно увеличивая темп.

Я почти близок к тому, чтобы рассыпаться на осколки.

Я почти близок к тому, чтобы вновь полюбить этот мир.

Толчок.

Наоми кричала, царапая мою спину.

Я крепко зажмурился и сжал зубы, издавая грудной рык.

Еще чуть-чуть...

Я чувствовал оргазм. Я видел его вспышкой ослепительного света и тянулся к нему каждой клеточкой своего естества. Он медленно приближался ко мне и, — короткое, неувовимое мгновение, — я ощутил, как он заключает меня в объятия.

Но все прекратилось, когда раздался стук в дверь.

Это что, шутка такая, да?

Такого просто быть не может. Третий облом за день.

Невозможно.

Невероятно.

Нереально.

Немыслимо.

Черт возьми!

— Кто это? — обращаясь к самой себе, спросила Наоми.

Мы не шевелились.

Мои глаза по-прежнему были закрыты. Все исчезло. Растворилось в терпком горчении, навалившемся на мои плечи и погрузившем меня во тьму.

— Я открою, — сказала Наоми, и вскоре я ощутил холод и пустоту под собой.

Я все еще не двигался.

Я почти, мать вашу, кончил.

Я желал Наоми весь чертов день. Я не мог дождаться этого момента.

Кто на этот раз все испортил?

Кто? Просто дайте мне размазать по стенке этого человека.

Я перекатился на спину и закрыл лицо ладонями.

Дерьмо.

Я не хотел подниматься даже тогда, когда услышал голос Джессики, которая начала безудержно трещать о том, что в общежитии на несколько дней отключили воду, и она хотела бы переночевать у нас, чтобы завтра утром со спокойной душой принять горячий душ и отправиться в колледж вместе с Наоми.

Пусть Джессика и была лучшей подругой моей девушки, это не было для нее бонусом. Даже самым крохотным и незначительным. Я лежал и мечтал о том, как жалобно хрустит шея рыжеволосой, когда я ломаю ее.

Проклятье.

ПЯТАЯ ГЛАВА

Прошла неделя.

Целая. Гребаная. Неделя.

Семь дней без тела Наоми.

Сто шестьдесят восемь часов без секса.

Сначала Джессика, зависшая у нас в доме до тех пор, пока в общежитии вновь не включили воду, а потом внезапная череда контрольных работ, из-за которых Наоми забыла обо мне, погрузившись с головой в учебу. Она не спала сутками, окружив себя кофе и учебниками. Я только успевал, что подносить ей новую порцию кофеина, чтобы она не свалилась бессильной грудой на свои записи, которые теряли изящность, потому что из-за изнеможения Наоми начинала писать хуже курицы.

Полный игнор к моей персоне невероятно раздражал. Как бы я ни пытался переключить внимание Наоми к себе хотя бы на несколько минут, все шло коту под хвост. И я наплевал на стонущую боль во всем теле, глядя на нее, от разрывающего меня желания заняться с ней сексом. Мне было чертовски жаль Наоми. Она отказывалась даже от отдыха. Упрямница.

Я давился неконтролируемым вожделением, ненавидел этот мир за то, что он отнимал у меня возможность заниматься любовью с девушкой, которую люблю. Просто чудовищная несправедливость. Но я понимал, что это не продлится вечно (я очень надеялся), и как только Наоми разберется с учебой, я затащу ее в спальню, и не буду выпускать целый месяц, и плевать, что у нее будут прогулы.

Я потерплю, чтобы получить свое вознаграждение за столь мучительное ожидание.

Я миллион раз проклял судьбу и вселенную за то, что они сделали меня рабом пороков, от которых страдала моя совесть, моя верность и любовь.

Неделя без секса — казалось бы, не такой уж и большой срок. Я жил без него месяцами после расставания с Наоми. Но обретя ту, кого желало мое сердце, мое тело и моя душа, я не мог обуздвать себя и свои потребности в Наоми.

Мне нужна она, и только она. Однако... мой член, черт бы его побрал, реагировал на все сексуальное, что только могло попасться на глаза. Особенно яро в последние два дня он реагировал на новую сотрудницу моей фирмы, которая, сама того не понимая, или все-таки понимания, толкала мое сознание в омут грязных мыслей.

Черт.

Я ненавидел себя за то, что заглядывался на Шарлотту. Точнее, на ее задницу, которую она подчеркивала обтягивающими юбками и брюками, на ее пышную грудь,

которую отлично было видно сквозь просвечивающие блузки, от которых она, похоже, без ума, потому что только их и носила.

Это настоящее безумие, никак иначе, потому что нижняя часть моего тела начинала неистово пылать при виде блондинки из моего прошлого.

Все из-за того, что у меня неделю не было секса. В ином случае я бы ни за что не возбудился от Шарлотты Скарлетт, хоть она и была красоткой. В моих мыслях и сердце существовала только Наоми.

Я сидел в своем кабинете и считал минуты до конца рабочего дня.

Еще сто восемьдесят три минуты, и я смогу вернуться домой, увидеть Наоми и, возможно, мне удастся уломать ее отдохнуть, принять расслабляющую и горячую ванну... вместе со мной.

Тихий стук в дверь отвлек меня, и я поднял голову.

— Можно? — увидев светлую макушку Шарлотты, я мгновенно напрягся и чуть не сломал карандаш, который крутил в пальцах.

Не дождавшись моего ответа, она зашла в кабинет. У нее в руке была чашка ароматного кофе. Широко улыбнувшись, Шарлотта подошла к столу, за которым я сидел в неподвижной позе.

— Решила сделать тебе кофе, — сказала она.

Я изо всех сил старался не пялиться на глубокое декольте ее черного, подчеркивающего все достоинства шикарной фигуры, платья.

— Это не входит в твои обязанности, — сухо ответил я, сканируя пространство вокруг себя невидящим взором.

Шарлотта фыркнула и поставила чашку напротив меня.

— Просто захотелось сделать тебе приятное.

— С чего бы вдруг? — теперь фыркнул я.

— Ну, ты мой босс. Я зарабатываю себе бонусы, — ее улыбка стала обольстительной.

Допустим.

Потерев переносицу, я неуверенно взял кофе и сделал небольшой глоток. Прижав к себе папку, Шарлотта ждала моего ответа.

— Неплохо, — признал я, вдыхая чарующий аромат.

— Спасибо, — Шарлотта слегка покраснела. Ух-ты. Что-то новенькое. — Я договорилась о встрече с мистером Дэвисом. Она назначена на завтра. Он подъедет сюда к двум часам.

— Мистер Дэвис? — переспросил я.

— Владелец сети автомобильных салонов в Южной Дакоте. Ты что, забыл о том, что собирался сотрудничать с ним? — Скарлетт, откинув копну золотистых волос за плечо, рассмеялась. — Ну ты даешь, Зак. Ты и в школе был рассеянным.

Жесть. Совсем вылетело из головы.

Неудивительно, ведь я думал далеко не о работе.

— Ладно. Хорошо. Спасибо, Шарлотта.

Блондинка пожала плечами.

— Это же моя работа, и ты мне платишь.

Подмигнув, она развернулась и, виляя бедрами, направилась к выходу из кабинета. Но ей оставалось несколько шагов до двери, когда папка выпала из ее рук, и Шарлотта, пробормотав о своей неуклюжести, наклонилась вперед.

Я намертво вцепился в край стола, ощущив ад у себя в горле. На Шарлотте были чулки. Кружевные. Платье оказалось дьявольски коротким. Провоцирующая поза Шарлотты оголила ее бедра, и показались черные трусики.

В моих штанах стало чертовски тесно, с огромным трудом я подавил спазматический стон, до скрежета стиснув зубы.

Вашу мать! За что мне это?!

В голове разгорался пожар. Мысли хаотично путались друг с другом, создавая неразбериху. Во мне просыпался монстр, подбивающий на непростительные, непоправимые, ужасные вещи, которое мое сознание моментально нарисовало в ярких красках.

Казалось, будто Шарлотта стояла вот так уже целую вечность.

Клянусь, я хотел не смотреть на нее и убрать свои голодные глаза от ее задницы. Но не мог. Это оказалось выше моих сил.

Я такой козел.

Болезненно сглотнув колючий комок в горле, я хрюплю прокашлялся и, собрав ничтожные клочки воли, опустил голову, пригвоздив затуманенный взгляд к поверхности стола. Все плыло и было неясным. Сквозь гул в ушах я слышал, как громко и бешено колотилось мое сердце. Я слышал, как Шарлотта что-то говорила и, похоже, обращалась ко мне, но я игнорировал ее, как и все вокруг. Я яростно пытался утолить жажду иного происхождения, которая иссушала мое тело и едва не лишила рассудка.

Когда до меня донесся слабый хлопок закрывающейся двери, все стало значительно проще. Я смог шумно выдохнуть.

Откинувшись на спинку кресла и развязав галстук, я уставился в потолок.

Дыши, Зак, только дыши.

Мне нужно потерпеть еще немного. В конце концов, я не умру еще от двух-трех дней без секса с Наоми. Я должен преодолеть это.

Я справлюсь.

Я едва пережил следующий день. Наоми пообещала, что завтра, в субботу, она разделается со своими делами и будет свободна. Я не мог дождаться этого момента. Мы оба были неимоверно уставшими. Чтобы как-то скрасить свои внутренние терзания, я завалил себя работой, оставшись до позднего вечера в офисе.

Я вернулся домой в одиннадцатом часу и к своему огромному удивлению не застал Наоми, но увидел записку на кухонном столе. Она написала, что эту ночь проведет у своей одногруппницы Стейси. Они будут готовиться к завтрашнему тесту. Естественно, я позвонил ей. Ну, мало ли что. Только лишь услышав голос Наоми и убедившись, что с ней все в порядке, я успокоился. Возможно, то, что ее не было в поле моего зрения, было даже к лучшему.

Остаток этого вечера я провел с бутылкой пива и пиццей, лежа на диване в гостиной за просмотром футбольного матча.

***

— Ты точно уверен, что хочешь пойти со мной?

Я закатил глаза.

— Да.

Наоми недоверчиво поджала губы.

— Вроде как, парни наоборот стараются избегать шопинга с девушками.

— Я просто хочу проводить с тобой как можно больше времени. Это преступление?

— Нет. Конечно, нет. Просто... я немножко удивлена.

Пока я валялся на нашей кровати, Наоми натягивала на себя белую футболку к синим джинсам. Они с Джессикой решили устроить день шопинга. Это самый отстойный способ убить свободное время в воскресенье. Мы могли бы провести этот день, никуда не выходя и занимаясь жарким, бурным сексом, но Наоми сказала, что давно планировала эту прогулку с Джесс.

— Мы соберем все магазины в городе, — Наоми все еще пыталась отговорить меня.

— Ага, — я положил руки под затылок.

— Мы будем сплетничать и выбирать нижнее белье.

— Тогда тем более я с вами. Ты будешь демонстрировать мне очаровательные пеньюары.

— Вот еще! Обойдешься.

— Почему? — я обратил на нее возмущенный взгляд.

— Потому что тогда это не будет сюрпризом, — в отражении зеркала, у которого Наоми поправляла на себе вещи, я увидел румянец на ее щеках.

— Оoo, — с пониманием протянул я. — Тогда ладно. Я просто буду таскаться за вами.

— Зак, — Наоми вздохнула, развернувшись ко мне. — Ты уверен? Тебе будет скучно.

— Мне никогда не будет скучно с тобой.

Она ласково улыбнулась мне, заправив за ухо волнистый локон.

— Только потом не стони и не жалуйся. Понял?

Я соскочил с постели и отсалютовал ей.

— Так точно, мэм!

— Дурак, — рассмеявшись, Наоми подошла ко мне и обняла за талию. — Но я рада, что ты пойдешь с нами. Я соскучилась.

— Ты сама виновата. Игнорировала меня, — я попытался сделать обиженный вид, притянув ее за талию ближе.

— Прости, — ее губы мягко поцеловали мой подбородок. — Сегодня ночью я вся твоя. Обещаю.

— Только сегодня? — хмыкнул я и резко оторвал Наоми от пола.

Покрепче схватив ее за бедра, я развернулся и плюхнулся вместе с Наоми на кровать. Обвив мою шею руками, она впилась в мои губы жадным поцелуем. Мои пальцы забрались под ее футболки и стали ласково касаться теплой кожи.

— Хочу тебя, — прошептал ей в рот. — Безумно.

— И я, — вместе со стоном сказала она.

— Может, ты перенесешь шопинг на пару часов? — предложил я, невероятно обрадованный таким поворотом событий.

Я медленно расстегнул молнию на ее джинсах и, теребя сладкие губы в томительном поцелуе, ждал положительного ответа. Я нуждалась в том, чтобы она согласилась. Я утратил терпение, и теперь не жил, а существовал в ожидании волшебного секса с любимой девушкой.

— Не могу, — с сожалением произнесла Наоми. — Джессика меня убьет.

Я нахмурился и отодвинулся от ее лица.

— Я хочу тебя, — повторил твердо. — Хотел на протяжении прошедшей недели. Я терпел. Я ждал.

— Знаю, — хныча, Наоми чмокнула меня в щеку. — Мне тоже было нелегко, знаешь ли. Потерпи до вечера, малыш.

Я закрыл глаза, упервшись лбом в ее лоб.

— У меня все равно нет выбора.

— Угу, — нежно водя пальцем по задней стороне моей шеи, подтвердила она.

Мы приехали к бутику с одеждой, у которого Наоми и Джессика договорились встретиться, раньше, чем полагали. Чтобы не умереть со скуки в ожидании рыжей бестии, которая, оказывается, только несколько минут назад покинула общежитие, я предложил Наоми зайти в этот милый магазин с манекенами в летних платьях за элегантно оформленными витринами.

— Пойдем, — я потянул Наоми за руку, которая не горела особым энтузиазмом исследовать бутик. Ее отпугнули бешеные цены. Но не такие уж они и бешеные. Просто хорошие вещи требуют хорошей стоимости. — И расслабься.

— Легко тебе говорить, — пробурчала она, плетясь за мной.

Я и не знал, что в Спирфише есть такие магазины. Не исключено, что он единственный в своем роде в этой деревне. Судя по всему, бутик «Neiman Marcus» в Спирфише не пользовался популярностью, потому что мы вошли в просторный светлый зал, который был пуст, за исключением двух продавщиц в дресс-коде, болтающих у кассы. Не только Наоми боялась цен.

Белые, высокие стены, кафельный пол из белой плитки сверкал и скрипел от чистоты под нашими ногами. Огромный выбор товара. Так же был отдел аксессуаров и обуви. В главном зале помимо вешалок с эксклюзивной одеждой находились круглые, стеклянные столики с уместившимися на них дорогими сумками.

— Не дурно, — оценил я, закончив осмотр.

— Здравствуйте! — нас звонко поприветствовала подошедшая продавщица в черной юбке, белой блузке и черными волосами, убранными в высокий хвост. — Могу я вам чем-нибудь помочь? Может, вы желаете шампанского?

Ого. Даже так.

— Нет, спасибо, нам ничего не нужно, — вежливо отозвался я, крепче сжав ладонь Наоми, которая чувствовала себя неловко здесь.

— Как скажете, — улыбнулась брюнетка. — Если что, зовите.

— Непременно, — кивнула я.

Мы прошли вглубь зала, неторопливо блуждая среди напольных вешалок с платьями и кофточками, глядя на которых глаза Наоми разбегались и блестели. Ей определенно нравились вещи, но она даже не притрагивалась к ним.

— Хочешь примерить что-нибудь? — поинтересовался я, схватив первое попавшееся под руку платье. Синее, короткое, с кружевной открытой спиной.

— Издеваешься? — пробормотала Наоми несколько растерянно.

— Почему?

— Да я за всю жизнь не заработаю ни на одну вещь из этого магазина! Вот почему.

— Тебе и не нужно. Ведь есть я. Забыла? — это немного задело мою мужскую гордость. — Я — твой парень, будущий муж и отец наших детей, — я протянул Наоми платье. — Я куплю тебе хоть сотню таких платьев. Не думай о деньгах, ладно?

— Ты... — Наоми густо покраснела. — Я так не могу.

— А я — да. Если бы у меня была возможность, я подарил бы тебе весь мир. Но поскольку я недостаточно богат для этого, я хочу подарить тебе все платья... этого магазина. Этого города. Возможно, этого штата.

Черные глаза Наоми округлились.

— С... с ума сошел?! — от волнения у нее участилось дыхание.

— Вроде нет. Ты примеришь это платье, — я вновь схватил ее за руку и повел в сторону примерочных кабин, располагавшихся на противоположном конце зала. — И вот это, — я остановился на секунду, чтобы взять еще одну вещь. — И это.

Пока мы добирались до примерочных, я набрал целую гору шмоток, но перед входом в самую дальнюю кабинку Наоми приняла у меня лишь половину того, что я предложил ей. Я покорно ждал на кожаном диванчике, бездумно пролистывая глянцевый журнал.

— Зак? — я чуть не уснул, ожидая выхода Наоми, но услышал ее голос и тут же подошел к кабинке.

— Что, детка? — немного отодвинув серые шторы из плотной ткани, спросил я.

— У меня... проблемы с замком, — она прыгала напротив зеркала во весь рост и пыталась застегнуть молнию на спине.

На Наоми было темно-голубое платье до середины бедра.

Прочистив горло, я вошел в кабинку и встал позади Наоми. Она опустила руки и поймала мой взгляд в отражении. На секунду я забыл, зачем она позвала меня. Это платье... в нем Наоми была чертовски обворожительной и сексапильной. Мои пальцы примерзли к собачке молнии, а воздух застрял где-то в легких.

— Ты прекрасна, — все, что я смог вымолвить.

Смущенно улыбнувшись, Наоми отдернула подол платья, плотно прилегавший к ее бедрам. Самая прекрасная девушка на планете.

— Тебе, правда, нравится? — она переключила взгляд к своему телу, скользя по нему медленно, будто с опаской, но я заметил в ее агатовых глазах искры восхищения. Ей самой нравилось это платье.

— Ты выглядишь потрясающе, — вместо того, чтобы застегнуть молнию на платье, я начал расстегивать ее, но Наоми была так увлечена разглядыванием своего отражения, что не обратила на это внимание.

— Это платье просто дьявольски дорогое. Две тысячи долларов. С ума сойти! — она пригладила ткань на талии, избавляясь от собравшихся складочек.

— Не имеет значения, — я был заворожен тем, как Наоми смотрелась в нем. — Я куплю его тебе.

— Нет, — отрезала она.

Я недовольно сжал губы.

— Наоми...

— Я не хочу виснуть у тебя на шее и быть одной из тех девушек, которые клянчат деньги на шмотки у своих парней, — пояснила с отвращением.

— Но я хочу сделать тебе приятно, — развернув Наоми к себе лицом, я провел ладонью по ее щеке. — Не лишай меня этой радости.

— Зак, — Наоми не могла наступить на свои принципы и сдаться мне. Я знал это, однако очень хотел, чтобы это чудесное платье принадлежало ей.

— Я хочу, — сделав к ней шаг, я прижал ее к зеркалу, — чтобы мы с тобой отправились поужинать куда-нибудь, а потом вернулись домой, и я смог бы порвать это платье, не снимая с тебя, — одной рукой я опирался о гладкую и прохладную поверхность зеркала, а второй скользил по бедру Наоми. — Эта вещичка пробудила у меня такие сексуальные фантазии, о которых тебе и не снилось. Но я намерен воплотить их в реальность, дорогая, — наклонившись к ее уху, я перешел на шепот. — Я собираюсь показать тебе то, на что меня вдохновило это платье.

Ее трепетное дыхание щекотало мою кожу.

— Зак, — она закусила нижнюю губу и скжала кулаки. — Я...

— Просто согласись, — я поцеловал ее в шею и, положив ладонь на ее попу, уткнулся в Наоми стояком.

— Боже, — ахнула она, запрокинув голову.

Я зарылся в водопад волнистых и густых волос, их аромат дурманил воображение и пленил рассудок.

— Но мы можем не ждать, — я с трудом мог говорить. В горле страшно пересохло. Мне нужна была спасительная влага, которую могли подарить только манящие, полураскрытые губы Наоми. — Я хочу разорвать на тебе это платье прямо сейчас.

Она озадаченно посмотрела на меня.

— Что? Прямо здесь? — Наоми поняла, что я имела в виду.

Я терся об нее своим членом, который был тверже камня.

— Да.

— Но... Мы же не одни! И это магазин, Зак! И... — я не дал ей договорить, заткнув ее стремительным поцелuem.

Я плотнее придвинулся к ней, зажав ее между своим прессом и зеркалом. Она не могла шевелиться. Переместил вторую руку, которой находил опору, на талию и впился пальцами в бок. Хриплые стоны срывались с уст Наоми, но я поглощал их раз за разом. Мы ласкали друг друга языками, и моя душа, словно вырвавшаяся на волю птица, порхала внутри, ликующе воскликая о свободе.

Наоми попыталась снять с меня футболку, но я зажимал ее слишком сильно, поэтому пришлось немного отодвинуться, чтобы она беспрепятственно избавилась от вещи. Швырнув ее куда-то в сторону, Наоми вцепилась в кожаный ремень и расстегнула его. Ее ладонь легла на мою эрекцию, и я зарычал, прикусив губу Наоми.

— Что мы творим? — дрожащим от восторга голосом спросила она.

Я ненасытно терзал ее платье в попытке стянуть, но не мог сделать этого, пока она не избавится от ремня.

Только спустя минуту мои джинсы оказались приспущенными. На пунцовом лице Наоми появилась самодовольная улыбка, когда она взглянула вниз, на мое торчащее достоинство. Я желал ее чертовски сильно.

— Так и будешь смотреть? — я приподнял бровь, тяжело дыша.

Наоми облизала пересохшие губы и опустила руки, взявшись за край платья, чтобы снять его. Но ее движения показались мне медленными, поэтому я ускорил процесс. Резко потянув вещь наверх, я перестарался, поскольку услышал звук рвущейся ткани.

— Ой, — сказала я, но платье все же стянуло.

Потом с этим разберемся.

Я прильнул к Наоми и нашел застежку бюстгальтера. В это время Наоми стягивала с меня боксеры. Ее пальчики скользили по моему прессу, и это вызывало мурashki по всему телу. Избавившись от лифчика, я взял в ладони ее груди и жестко смял.

— Зак! — всхлипнула Наоми.

Одна ее рука схватила меня за член, и я стиснул зубы, чтобы не закричать от экстаза.

Я снял с нее трусики и отправил их к горке нашей одежды.

Наоми обвила мою талию ногами, и я насадил ее на свой член. Промычав, она зажмурилась на мгновение, но, привыкнув к моим размерам, шумно выдохнула. Боже, как долго я этого ждал.

— Веди себя тихо, чтобы нас не прервали, — напомнил я и медленно вышел из нее, чтобы снова глубоко зайти.

Наоми всхлипнула и кивнула.

Сжав ее ягодицы, я начал двигаться.

Наши глаза, устремленные друг на друга, пылали желанием и похотью.

— Быстрее, Зак, — Наоми задыхалась, сжимая в кулаках мои волосы. — Быстрее!

Я жарко поцеловал ее и ускорился. Я вдалбливал Наоми в зеркало, двигаясь вверх-вниз, и все вокруг нас дрожало, словно при землетрясении. По моей спине скатывались капельки пота. Наоми хрипела, стонала и плакала от удовольствия, уткнувшись мне в плечо.

Конечно, секс в примерочной — не самое удобное место и уж точно не удачное. Нас могли застать в любой момент, и все бы вновь накрылось. Но наши сплетенные тела, наше дыхание, звучавшее в унисон, убедило меня в том, что даже если бы настал конец света, я бы не остановился, пока не сделал все до конца.

Пусть нас увидят, занимающихся сексом. Пусть нам выпишут огромный штраф, или подадут в суд за занятие непристойным делом в общественном месте. Я готов заплатить любые деньги, лишь бы сделать и себе и Наоми приятно.

Я должен долюбить ее. Сегодня, здесь и сейчас.

— Наоми...

Я чувствовал, как все ближе становлюсь к пропасти нескончаемого блаженства.

— Зак, я скоро... о боже... как хорошо!

Вот так, детка. Это то, что мне нужно слышать.

— Зак! — страстно стонала Наоми. — Зак! Быстрее!

Я заполнял ее до последнего миллиметра. Все мои обостренные чувства были направлены только на нее, и было откровенно наплевать, что нас могли слышать.

Наоми исступленно кончила, и я взорвался вслед за ней. Несколько мгновений мое тело было сковано невидимыми цепями абсолютного оцепенения. Я словно парил где-то в недосягаемой вселенной, где воздух был пропитан ярким ароматом долгожданного, хорошего секса.

— Ух-ты, — с трудом вдыхая в себя воздух, я прислонился к Наоми.

Должен признать, ожидание стоило того.

Опустив Наоми на пол, я крепко поцеловал ее перед тем, как мы начали неспешно натягивать на себя вещи.

— Ты порвал платье, — грустно констатировала Наоми, поднимая его с пола.

Я однобоко улыбнулся ей и пожал плечами.

— Мы все равно его купим.

Покинув кабинку, я довольно потянулся. Наоми плелась позади, поправляя растрепанные волосы.

На кассе нас встретили две дико смущенные и изумленные девушки, которые молча пробили порванное платье и поблагодарили за покупку.

ШЕСТАЯ ГЛАВА

Казалось бы, ничего не предвещало нарушение спокойствия обеденного перерыва, которого я так ждал. С урчащим желудком я несся вниз по улице к небольшому кафе «Juventino», где делали потрясный кофе и пончики.

Ворвавшись в уютное, светлое помещение с большими окнами, я с облегчением заметил, что столик, за которым я обычно сидел, не занят, что было удивительно, ведь сегодня в кафе было много посетителей.

На ходу расстегивая пуговицы пиджака, я с легкой улыбкой шел в противоположный конец зала. Несколько девчонок, по виду напоминающих старшеклассниц, провожали меня сверкающими взглядами и перешептываниями. Кажется, они обсуждали мою задницу.

Расположившись в уютном белом кресле, я сходу заказал у подошедшей официантки кофе, жареный картофель с куриной грудкой под сырным соусом и салат с фасолью. Наоми отказывалась готовить мне фасоль, потому что ее воротило даже от запаха, и это кафе — единственное место в Рапид-Сити и Спирфише, где вообще подавалась фасоль в каком-либо виде. Странно, да? Похоже, жители Южной Дакоты не ее фанаты. Такое положение дел заставляло меня ненавидеть это место еще больше.

В ожидании заказа я решил позвонить Джейсону и узнать, как продвигаются дела со съемками рекламного ролика филиала нашей фирмы «Indianapolis-DocCar» в Индианаполисе. Джейсон был в восторге от названия, которое я предложил в шутку, да и мой отец поддержал этот вариант... потом я предложил другое, но они твердо решили, что наша компания будет носить это имя — Доктор автомобилей... вообще, это больше подходило для ремонтного сервиса, но объяснять это папе и Джейсону было бесполезно.

— Ох, чувак, — услышал я голос друга и немножко приободрился.

Мы не виделись уже... очень давно. Я даже вспомнить затруднялся.

— Привет. Как там дела? Ты еще не завалил наш бизнес? — любезно поинтересовался я, откинувшись на спинку кресла.

— Зак, ты не мог бы блеснуть своим остроумием через... полчаса? Я разговаривал с Джесс.

— О. Ну ладно. Отбой.

— Ага.

Прежде, чем я успел что-либо сказать, Джейсон отключился. Вот гавнюк.

Наконец, мне принесли обед, и я накинулся на него, словно голодный зверь. Вся эта бумажная волокита чертовски выматывала и побуждала во мне нешуточный аппетит. Если

бы Наоми услышала, что я чавкаю, то непременно бы пнула меня под столом и, шипя, попросила вести себя как человек, а не питекантроп.

Я рассмеялся своим мыслям и тем самым привлек к себе внимание тех самых старшеклассниц, точнее они вообще не сводили с меня глаз. Боже. Конечно, осознание того, я привлекателен для девушек и женщин, повышало мою самооценку, но это не делало меня счастливым. Раньше — возможно, но понятие счастья в моем понимании было размытым и неправильным.

Неуловимо закатив глаза, я сосредоточил все свое внимание на том, чтобы поскорее разделаться с порцией картофеля и заказать еще одну, в два раза большую этой.

Я чуть не подавился мясом, когда открылась стеклянная дверь и под переливающийся звон музыки ветра внутрь кафе зашла высокая девушка с пышной копной светлых волос.

Шарлотта?

Как ее занесло сюда?

Насколько я успел заметить, хотя будет правильнее: насколько я успел понять из бесконечной болтовни Деймона, Шарлотта обедала с ним в японском ресторанчике. Только она не разделяла его страсть к данго и предпочитала обычные суши.

Понадеявшись, что Шарлотта не заметит меня среди большого количества посетителей, я опустил взгляд и потянулся за солью.

— Зак!

Шарлотта громко прокричала мое имя, и я замер в тот момент, когда образовалась небывалая тишина, и вдруг ощущил на себе как минимум два десятка пар глаз.

Просто отлично...

Я заставил себя двигаться, чтобы не выдать растерянность, и сделал вид, будто не являюсь тем, имя которого теперь знал каждый в этом зале. Но услышав приближающийся цокот каблуков, я обреченно вздохнул и опустил плечи.

Шарлотта все-таки заметила меня.

— Я не знала, что ты обедаешь здесь, — заняв кресло напротив, сообщила блондинка. Она положила маленькую сумочку на край столика и небрежно окинула волосы назад. Ее излюбленный жест. — Джулс посоветовала мне это место. Я решила, что на сегодня суши отменены, — и, рассмеявшись своим словам, Шарлотта позвала официантку.

Я молчал, продолжая вести себя так, будто по-прежнему сидел один.

Что-то с трудом верится, хотелось ответить мне. Джулс — неприметная брюнетка из отдела кадров — не подошла бы к Шарлотте и на милую. Джулс даже скромной называть нельзя. Она замкнутая, но весьма трудолюбивая. Поэтому я сомневался, что эта девушка стала бы болтать с Шарлоттой о том, куда бы той сходить пообедать. Да и Шарлотта не относилась к тем, кто общается с людьми вроде Джулс.

Шарлотта заказала салат из морепродуктов и стакан минеральной воды без газов. Разве этим можно наесться? Ax, точно, девушки же помешаны на своих фигурах.

Наоми это не волновало. Она ела все и в любом количестве, и это нисколько не отразилось на ее великолепном теле.

— …Правда же, Зак? — похоже, Шарлотта что-то говорила мне, но я прослушал.

— Ммм? — я обратил на нее вопросительный взгляд.

Улыбка сползла с лица блондинки, и она снисходительно вздохнула.

— Ты даже в обеденный перерыв думаешь о работе, — это прозвучало, как утверждение, и я не мог не ответить.

— С чего ты взяла, что я думаю о работе?

— Ну-у, — она проколола вилкой креветку, опустив длинные ресницы, — ты постоянно в делах. Конечно, это здорово, что ты всецело отдаешь себя делу, но отдыхать тоже полезно.

— Я думал не о работе, — равнодушно пояснил я, сделав глоток кофе. Прекрасный вкус.

— Тогда, о чем? Или… о ком?

Взглянув на меня с хитрецой, Шарлотта улыбнулась одним уголком обведенных красной помадой губ.

Она что, заигрывала со мной?

— Не думаю, что должен отвечать на этот вопрос, — я пожал плечами.

— Да брось, — Шарлотта усмехнулась. — Мы знакомы с тобой много лет.

— Но мы не друзья, — вскинув бровь, напомнил я. — Поэтому не вижу смысла делиться своими мыслями с посторонним человеком.

— Ты прав, — тихо промолвила она, и по ее изменившемуся выражению лица у меня сложилось впечатление, будто мои слова сильно задели девушку. — Но разве ты не был влюблен в меня? Разве это не делает нас хотя бы хорошиими знакомыми?

Странная логика.

Невинность, с которой она спрашивала об этом, поразила меня до глубины души. Я едва не раскрыл рот от изумления. Либо Шарлотта тронулась умом за эти пять лет, либо она чего-то добивается. Зная ее, скорее второе.

На что она пыталась спровоцировать меня? Рассчитывала, что услышит от меня слова восхищения?

Но я не восхищался ею. Уже давно.

— Позволь мне кое-что объяснить тебе, Шарлотта, — вполне дружелюбно начал я, немного склонившись над столом. Вознеся на меня широко распахнутые голубые глаза, она кивнула. — Мы не были друзьями. Никогда, — я улыбнулся. — И мы не можем быть хорошими знакомыми. Я твой начальник, Шарлотта, а ты моя подчиненная. Вот каковы наши отношения.

— Я понимаю, — ее серьезный вид почти убедил меня в том, что она действительно услышала меня. — Прости.

Я недоуменно наклонил голову вбок.

— За что?

— За то, что бросила тебя и вернулась к Стэну.

Господи, это здесь причем?!

— К чему ты клонишь? — мои брови поползли друг к другу навстречу.

— Я понимаю, — негромко повторила Шарлотта, посмотрев на меня из-под опущенного лба. — Ты обижен на меня за выпускной вечер. У нас был секс, замечательный секс, — ее пухлые губы тронула улыбка. — Но я ушла. Бросила тебя. Прости меня.

Я долго упирался взглядом в Шарлотту и ничего не говорила.

А потом засмеялся.

Во весь голос.

Так громко, что в кафе вновь повисла тишина, и на меня обратились удивленные взоры. Самыми ошеломленными были глаза Шарлотты.

— Почему ты смеешься?

— Потому что это смешно, — просто отозвался я, схватившись за живот. — Жаль расстраивать тебя, но дело не в этом. Я давным-давно забыл об этом нелепом случае, — солгал я, закинув в рот фасолинку. Но я действительно не злился на Шарлотту. Теперь это не имело смысла.

— Нелепом? — чуть сморщив нос, переспросила Шарлотта.

— Ага.

Кажется, мой беззаботный тон разозлил ее. Плотно сжав губы, блондинка отвернулась к окну, за которым сгущались грозовые тучи.

— Были моменты, когда я жалела о своем несправедливом по отношению к тебе поступке, — призналась она.

— Это лишнее. Не жалей о прошлом, — добродушно посоветовал я.

— Да... Ты прав.

Я потянулся за кофе и застыл, когда ладонь Шарлотты неожиданно накрыла мою руку.

— Но мне, правда, очень жаль. Я была глупой девчонкой. Я была безумно влюблена в Стэна. Все, о чем я думала тогда, как бы сделать ему больно. Я хотела, чтобы он почувствовал себя на моем месте, ведь он... он изменял мне, и я знала об этом, но бездействовала, потому что была растеряна и наивна. Я верила в то, что Стэн поймет, что я лучше всех, с кем он спал, — ее пальцы сжались вокруг моей кисти.

Я не мог пошевелиться, но не из-за того, что был повержен душепитательным признанием Шарлотты.

Она, черт подери, сжимала мою руку так, будто имела право на это.

— Я рассказала ему о том, что было между мной и тобой на выпускном, пока он kleился к Хлое Аттвуд, на следующий день, — к сожалению, на этом ее откровение не закончилось. — Он назвал меня шлюхой и предательницей. Мы расстались, — невеселая усмешка слетела с ее губ. — Я не видела его с тех пор. Я даже не скучала. Все мои чувства оказались моей собственной иллюзией, потому что вдали от Стэна я поняла, что не любила его. Я убеждала себя, что люблю, но на самом деле...

— Ясно, — пробормотал я, резко выдернув свою руку из-под ее ладони. — Не делай так больше.

— Что? — осторожно уточнила Шарлотта.

Выйдя из-за стола и бросив на стол пятьдесят баксов, я устремил на блондинку угрюмый, полный решимости взгляд.

— Не касайся меня.

— Зак, я...

— У меня есть девушка.

Надеюсь, так доступно объяснил.

Я покинул «Juventino», так и не допив свой кофе.

СЕДЬМАЯ ГЛАВА

Я сверлил Наоми непримиримым взглядом.

— Давай сделаем по-моему.

Непроницаемо-темные глаза превратились в узкие щелки. Она скрестила руки на груди, что говорило об ее непоколебимом намерении отстаивать свою точку зрения.

— Нет. Мы сделаем так, как я говорю.

Я свесил голову, шумно выдохнув.

— Все-таки, здесь нам не сойтись во мнениях...

— Ага, — с вызовом хмыкнула она. — Кухня — моя территория, Зак, поэтому если я сказала, что мы будем делать к приезду мамы и Джеймса индейку, запеченную с белым сухим вином, значит, мы будем делать...

— Но к индейке лучше подойдет красное вино! — я вскинул руками.

— Белое, — Наоми поджала губы.

— Красное, — я вскинул бровь.

— Ты заноза в заднице.

— Но я твоя заноза в заднице, — я обворожительно улыбнулся.

— Верно, — ее взгляд смягчился. — Моя.

Я скривил губы в усмешке.

— Так вопрос решен?

— Конечно, — кивнула Наоми. — Индейка будет запечена с белым сухим, — она интонационно подчеркнула последние два слова, — вином.

Ладно. Ее взяла. Она всегда выигрывала в мелочных спорах типа этого. Конечно, я мог бы препираться с ней дальше, и это доставило бы мне удовольствие, потому что Наоми изумительно мила, когда злилась, супила брови, или что-то беспокойно перебирала в пальцах — эта привычка у нее детства.

Я обошел стол и ласково щелкнул ее по носу.

— Я тебе говорил, что ты чертовски упрямая?

Наоми обвила руки вокруг моей талии и, встав на цыпочки, кратко поцеловала в губы.

— Я слышу это как минимум раз в неделю, — она запустила пальцы в мои волосы и растянула их. Я блаженно закрыл глаза и, уткнувшись носом в ее плечо, шутливо замурлыкал. — Зак, щекотно! — Наоми засмеялась и съежилась, попытавшись отстраниться, но я крепко держал ее за бедра.

— Может, мне защекотать тебя до смерти, чтобы ты перестала спорить и прислушалась ко мне? Поверь, я далеко не профан в приготовлении еды. Не люблю хвастаться, но... да будет тебе известно, в старшей школе я утер нос лучшим ученицам мисс Рейчел из класса кулинарии.

— Ты очень крут, — хихикнула Наоми.

— Эй, — я отстранился, чтобы послать ей обиженно-напускной взгляд. — После того я стал вдвойне популярнее среди девчонок.

— Возможно, — она обвила мою шею руками и наклонила голову вбок, удерживая на губах задорную улыбку. — Но опыт подсказывает мне, что индейка требует вмешательства белого вина, и ни в коем случае не красного.

— Опыт? — я скептически приподнял бровь. — Тебе всего лишь девятнадцать. А я, между прочим, старше тебя почти на четыре года. Следовательно, у меня больше опыта... — и, вновь наклонившись к ее уху, тихо прошептал: — Во всех смыслах.

Судорожно втянув в себя воздух, Наоми впилась когтями в мои плечи.

— Ты во все и всегда вплетаешь секс? — спросила она натянутым голосом.

Я прикусил мочку ее уха.

— Ага.

Моя рука проскользнула под ее коротенькую футболку.

— Зак, нужно подготовиться к приезду моей мамы и Джеймса, — Наоми тяжело задышала, когда я ласково провел большим пальцем по ее ребрам, едва задев грудь.

— Знаю, — скользя губами по тонкой шее, глубоко вдыхая ягодный аромат густых, струящихся по лопаткам волос цвета черного янтаря, сказал я. — Как думаешь, долго они еще будут играть в друзей?

Отношения наших родителей были странными. В смысле, даже слепой понял бы, что их тянуло друг к другу. По крайней мере, после того, как мы с Наоми уехали в Спирфиш, папа проводил много времени с Линдси. Они вместе ужинали, папа разъезжал с мисс Питерсон по больницам и различным курсам для будущих родителей. Но, несмотря на все это, между ними оставалась ощутимая дистанция. Ни один из них не решался устраниć стену, препятствующую абсолютному и окончательному воссоединению.

Папа давно простил Линдси.

Нет. Он никогда не держал на нее зла.

На протяжении многих лет он искал причину неудачи в личной жизни и нашел ее в себе, хотя это не так. Я, Наоми, Линдси... мама, — мы знали правду.

А правда такова, что причина несчастья отца заключалась в нас. Именно мы виновны в его переживаниях и неуверенности в собственной важности для тех, кого он любил.

Наоми невесело усмехнулась, заправляя непослушную прядь за ухо.

— Ты же знаешь мою маму. Чем дольше она беременна, тем больше предрассудков и ненужных переживаний появляются в ее голове. Она принимает близко к сердцу любую мелочь, а еще испытывает огромную вину перед твоим отцом. То, что они возобновили общение, конечно, прекрасно. Но... это сводит маму с ума, и в то же время она, вроде как, чувствует себя спокойно рядом с ним, — вздохнув, Наоми покачала головой. — Я перестала понимать ее.

— Малыш, все будет хорошо, — я притянул ее к себе. — Она разберется в себе.

— Лишь бы Джеймс не сбежал до наступления этого заветного события.

— Отец — кремень.

Наоми робко улыбнулась и кивнула.

— Джеймс славный мужчина.

— Я и приревновать могу.

— Не переживай. С ним у меня все равно нет шансов, потому что он любит мою мать. Так что придется остаться с тобой.

— Не дразнись, будущая миссис Роджерс.

— И в мыслях не было, когда-то в будущем мой муж.

— Когда-то? Скоро, малыш. Скоро.

***

Мы чуть не проспали приезд родителей.

Единственный минус наступившей субботы — подъем ранним утром.

Утомившись с приготовлением праздничного стола и уборкой в доме, мы уснули поздно ночью. Вынырнув из-под одеяла, Наоми скрылась в ванной на целый час, и, клянусь, я хотел подняться следом за ней, но как-то само собой вышло, что опять уснул. И только услышав над головой родной ворчливый голос, разглагольствующий о том, что нам нужно привести себя в порядок, я был вынужден попрощаться с подушкой.

Черный джип отца остановился у нашего дома ровно в час. Мы встречали их на крыльце, одетые в одинаковые бежевые свитера и джинсы. Сегодня было дьявольски холодно, а к вечеру обещали грозы и ливень. Взволнованная Наоми крепко сжимала мою ладонь, а я прижимался губами к ее виску и шептал всякие непристойности, чтобы немного расслабить свою девушку. Но как только она увидела широко улыбающуюся и машущую Линдси, у которой чудом не отвалилась рука, Наоми с шумным выдохом отпустила все напряжение и ринулась к автомобилю.

— ...Здесь просто отвратительные дороги, детка, — как только она открыла дверцу, на улицу вырвался несдерживаемый поток слов. Темноволосая женщина, приняв руку Наоми, выползла из машины. — О, солнышко, иди сюда, — мисс Питерсон притянула к себе дочь и крепко обняла. — Я очень-очень-очень сильно скучала, моя девочка.

— Ну, ма-а-ам, — простонала Наоми, с покрасневшим лицом позволяя Линдси расцеловывать себя. — Мам, все, остановись. Ты меня обслонявила!

— Неправда, — фыркнула Линдси и, отстранившись от нее, вытянула шею. — Здравствуй, Зак!

— Привет, Линдси, — я радушно улыбнулся и поднял руку в приветственном жесте.
— Отлично выглядите. Беременность вам к лицу.

— А ты все тот же льстец, — она подмигнула мне.

Я пожал плечами, двинувшись в их сторону.

— Ты здорово поправилась, — окинув Линдси оценивающим взглядом, вынесла вердикт Наоми.

— Кажется, я учила тебя в детстве хорошим манерам, — строгим голосом проговорила Питерсон-старшая, встревожено поправляя рукой идеально уложенные в прическу волосы одной рукой, а второй отдернула вязаную тунику. — Нельзя вот так сходу говорить своей матери, что та с каждым днем все больше становится похожей на гиппопотама.

— Ой, да перестань, — Наоми приложила ладонь к ее животу, который за последние полтора месяца значительно увеличился. — Привет, братишко, — от поразительной смены интонации голоса Наоми у меня перехватило дыхание. Взгляд, наполненный необъятной любовью, устремился туда, где покоилась ее левая рука. — Как ты там?

Наоми была сама не своя, когда неделю назад Линдси сообщила о том, что у нее будет мальчик. Поначалу я был изумлен, когда увидел свою малышку плачущей на кухне. Я был готов найти и разнести того, кто обидел ее, но рассказав о причине своей неконтролируемой сентиментальности, она удивила меня сильнее. Я долго не мог перестать улыбаться, потому что она была чудовищно милой, рыдая от счастья за свою маленькую исполненную мечту.

И сейчас, глядя на то, с какой нежностью Наоми разговаривала с животом Линдси, я представил, как бы был счастлив однажды так же болтать с огромным пузом Наоми. Болтать со своим будущим ребенком. Сыном, или дочерью. Неважно. Я бы любил его так же безгранично и бескорыстно, как Наоми своего еще не родившегося братика.

О нет.

Я любил бы своего ребенка больше, чем кого-либо в этой жизни.

— Зак, — услышав негромкий голос отца, я растерянно моргнул.

— Папа, — я прочистил горло.

Обойдя джип, он заключил Наоми в мимолетные объятия и вскоре в них угодил я.

— Здравствуй, — обняв его в ответ, я почувствовал, как щекочущая радость заполнила меня изнутри.

— Привет, — похлопав меня по спине, он отстранился, ослепительно и ясно улыбнувшись. — Как вы?

— Отлично.

— Хорошо, — он кивнул. — Это хорошо.

— А... вы?

Папа уловил мой красноречивый взгляд, устремленный на Линдси, тихо кашлянул в кулак и опустил глаза.

— Эмм, кхм, замечательно. Мы...

Да он по уши влюблен. До сих пор.

Я усмехнулся.

— Расслабься.

Потерев переносицу и как-то устало усмехнувшись, папа кивнул.

— Ладно.

— Пойдем в дом?

***

Обед прошел относительно спокойно.

Линдси и Наоми обсуждали колледж и то, что почти все в женской консультации заразились идеей рожать в воде, но сама Линдси хотела бы обойтись традиционным способом. Не желая вдаваться в подробности последней темы, мы с отцом сбежали под предлогом избавиться от накопившейся горы грязной посуды.

Ближе к вечеру Наоми предложила отправиться на прогулку по Спирфишу. Линдси охотно поддержала эту идею, и Наоми, воодушевленная энтузиазмом своей матери, продумала маршрут до мельчайших подробностей. Я и не знал, что в таком крохотном городке столько мест, где можно побывать на досуге. Мы с отцом не имели возражений. Даже если бы имели, все равно были бы вынуждены сопровождать их, иначе бы свихнулись от волнения. Спиршиф небольшой, и почти все друг друга знали, но несчастные случаи, ограбления и нападения на беззащитных девушек и женщин никто не отменял.

Несколько часовое блуждание отняло у меня всякие силы, и я поразился выносливости наших женщин. По возвращению домой они, казалось, выглядели еще бодрее, чем тогда, когда мы уходили.

— Уверен, что будешь спать здесь? — спросил я отца, кидая подушку на диван в гостиной.

Папа озадачено почесал затылок.

— Я же не какой-нибудь ублюдок и не заставлю беременную женщину ночевать в гостиной вместо нормальной постели.

— Ну, ты мог бы лечь вместе с ней в гостевой спальне, — спокойно предложил я.

— Мы... не думаю, что это будет правильно.

Я посмотрел в сторону кухни, где Наоми секретничала с Линдси, и подошел к отцу.

— Слушай, почему бы тебе уже не поговорить с ней? — спросил, понизив голос, чтобы меня услышал только он.

Папа только покачал головой.

— Давай не сейчас.

— Нет. Сейчас. Завтра вы вернетесь в Индианаполис, и неизвестно, когда мы увидимся. Поэтому я должен успеть поговорить с тобой о вас с Линдси.

— Зак...

— Не делай такое вымученное лицо, — я по-приятельски похлопал его по плечу.

Мы вышли во внутренний двор, устланный тонким разноцветным ковром опавших листьев.

Я достал два пластмассовых белых стула из захламленного гаража, и мы расположились на них лицом к высокому забору, отделяющему от территории соседей.

— Будешь? — я протянул отцу открытую бутылку «Irish Red³».

— Спасибо, — он принял ее и сделал небольшой глоток.

Удобнее устроившись на стуле, я засунул одну руку в карман теплой жилетки и припал к горлышку.

— После всего, что произошло с нами, — начал я, вглядываясь в хаотично разбросанные на ночном небе яркие звезды, — здорово, что все складывается именно так. Я имею в виду, думал ли ты после того, как она ушла, что встретишь ее вновь и поймешь, что не сможешь больше отпустить? Будешь для нее кем угодно, лишь бы быть рядом.

— Нет, — вздохнул отец. — И не знаю, хотел ли...

— Но ты рад? Сейчас ты счастлив, пап? — я посмотрел на него.

Задумавшись всего на секунду, он непоколебимо и немного грустно ответил:

— Знаю, что может быть лучше.

Я улыбнулся одним уголком губ.

— Ты сам тормозишь, старик.

Он закатил глаза и неторопливо провел рукой по щетине, вдумчиво глядя перед собой.

— Мы с Наоми только «за», если вы снова решите встречаться, — я поспешил заверить его. — Я понимаю, чего ты боишься, и чего боится Линдси. Но не зря говорят, что на ошибках учатся, верно? То, что было, больше не повторится. Будут новые неприятности. Да. Но вы справитесь с ними, только если будете уверены друг в друге. А я знаю, что между вами нечто большее, чем дружеское общение. Черт, пап! Я вижу, как ты смотришь на нее. Я вижу, как она смотрит на тебя. И я чертовски зол, потому что ты медлишь со следующим шагом. Рождение ребенка ничего не изменит и ни на что не повлияет, как тебе кажется. Ты можешь сделать ее своей прямо сейчас!

— Все гораздо сложнее, Зак... — издав громоздкий вдох, отец нахмурился и пригвоздил сомневающиеся глаза к земле.

— Это вы делаете ситуацию таковой, — подметил я немного раздраженно.

---

³ Ирландский красный эль

Я просто не хотел, чтобы нерешительность лишила их того, в чем они нуждались. В определенности.

Это именно то, чего им не хватало, но что могли обрести в любой момент — кому-то из них стоило только сделать первый шаг навстречу.

— Если думаешь, будто паршивое прошлое отдаляет вас, то я вот что скажу, — сделав еще один глоток, я развернулся вместе со стулом к отцу. То, с каким внимательным выражением лица он ждал от меня продолжения, придало мне уверенности. — Исходя из собственного опыта, это... полная брехня, пап. Грубо говоря, имея багаж деръма за плечами, вы приобретаете преимущество перед своим будущим. Вы не так беззащитны перед ним. Да и, в конце концов, судьба хорошенько потрепала вас, и вы не настолько глупы, чтобы наступать на одни и те же грабли дважды. Чтобы история продолжилась, не обязательно менять персонажей. Нужно просто попробовать снова.

— Черт, — он вдруг рассмеялся. Хрипло. Тяжело.

Я вопросительно поднял бровь.

— Мой сын учит меня жизни, — вздох. Короткий, резкий, шумный. Медленно расплывшаяся улыбка на губах. — И правильно подсказывает.

— Не такой уж я и безнадежный, — со смешком сказал я.

— Ты не безнадежен, Зак. Ты... удивительный. Я очень горжусь тобой, сынок. Прости, что говорю тебе об этом так редко.

— Я тоже не отличаюсь откровенностью, — я протянул к нему руку, в которой держал пиво.

Чокнувшись бутылками, мы погрузились в тишину, разбавляемую шуршанием листвы.

Мне не хватало моего старика. Было множество случаев, когда мы не виделись по несколько месяцев, но после того, как умерла мама, я осознал, что нуждаюсь в своей семье — в папе, Наоми, Линдси, Джейсоне и даже Джессике, этой вечно вмешивающейся не вовремя рыжеволосой фурии.

Я был настоящим ослом, отталкивая от себя тех, кого любил до безумия.

Но сейчас все иначе.

Теперь я не буду вести себя, как кретин. Я буду хорошим сыном, парнем, мужем, отцом, зятем, другом... Я не позволю никому и ничему испортить то, что наконец-то обрел. Я сделаю все, чтобы сохранить это и пронести свое счастье сквозь годы, до самой смерти.

ВОСЬМАЯ ГЛАВА

Кажется, я был готов убить своего заместителя, впавшего пару дней назад в очередной «загул» компьютерного безумия.

— Ты еще не умер? — с вдохом-ухмылкой спросил я, остановившись напротив распахнутой двери в его кабинет. Спрашивать о том, почему в конце рабочего дня он не сдвинулся ни на дюйм со своего места, в то время как остальные только и ждали заветного мгновения, когда стрелка часов перевалит за шесть вечера, было бессмысленно.

Моему взору открылся потрясающе отстойный вид на небритого, двадцатидевятилетнего парня, который плялился, не моргая, в экран широко распахнутыми, безумными глазами с темно-фиолетовыми синяками под ними — выраженное

свидетельство того, что Деймон не сдержал обещание, данное мне, и снова взялся за свое. Черт, вел себя, как шестнадцатилетний подросток-неудачник, которому не давали девчонки, и он просиживал свою никчемность за очередной, дурацкой онлайн игрой.

Его рабочий стол был завален грудами оберточек от шоколадных батончиков, пустыми упаковками японской еды и банками энергетиков. Сколько он выпил за последние двое суток?!

Кабинет заполняли звуки выстрелов. Ух-ты. Что-то новенькое. Обычно из закрытой двери «обители» Деймона слышались хрюпы-полустоны разъяренных зомби, или каких-нибудь чудаковатых монстров, столь обожаемых им.

Он гребаный игровой маньяк.

И почему я до сих пор не уволил этого геймера-переростка? Его наглость росла с каждым днем в геометрической прогрессии. Если раньше это бесило меня и веселило одновременно, то сейчас я не на шутку забеспокоился о здоровье своего непутевого подчиненного, который, по всей видимости, не заметил моего присутствия и того, что я, вроде как, предпринял попытку достучаться до него.

— Эй, — нахмутившись, я зашел внутрь и споткнулся о коробку из-под пиццы. — Проклятье! Деймон, черт тебя побери! — отпихнул в сторону препятствие носком туфли, добрался до парня и, положив руку на его плечо, резко дернул от стола.

— Зак, твою мать! — подпрыгнув, взревел Деймон и наградил меня супер испепеляющим взглядом. Я не смог сдержать злорадной ухмылки. — Я почти прошел эту хренову миссию! Ты хоть представляешь, сколько часов я угробил на нее?!

Я скрестил руки на груди.

— Спешу тебе напомнить, приятель, что твоя задница находится в кресле твоего рабочего кабинета. И, как бы на секунду, я твой начальник.

Деймон негромко фыркнул.

— Взбешенный начальник, чувак, — понизив голос для достоверности своих слов, добавил я.

Откинувшись назад, он закатил глаза к потолоку и запустил одну руку в волосы.

— Да, да, знаю, Зак. Ты... прав, — Деймон потер веки и пододвинулся к столу. Опершись локтями о край, он испустил шумный выдох. — Ты прав. Извини. Я в конец обнаглел.

Я хмыкнул.

— Похвально, что понимаешь это.

— Ну да.

Погасив в себе миллионное по счету желание дать своему коллеге пинка под зад, я собрал со стола весь хлам и отправил его в мусорное ведро.

— Жалкое зрелище, Деймон. Что у тебя стряслось?

— Вышла новая игра, — бесцветным голосом отозвался он. Теперь я не сомневался, что что-то произошло. — Обычно я предпочитаю игры с несколько иным сюжетом. Но решил попробовать кое-что новенькое.

— Лучше бы так о девушках говорил.

Он проигнорировал меня.

— Я купил ее... и вот. Хах. Прошло два дня? Я думал, уже пятница. Надеялся зависнуть на выходные в офисе, доиграть и снова стать занудой.

Я присвистнул.

— Так что случилось?

— Шарлотта меня отшила, — выпалил он и затих.

— Она затянула с этим, — вслух озвучил я свои мысли.

— О, не стоит сочувствовать мне, Зак, — с сарказмом пробормотал любитель данго.

— Я просто отлично себя чувствую. Подумаешь, шикарная девушка, за которой я бегал с самого первого дня ее нахождения здесь, сказала: «Прости, Деймон, ты хороший парень, но не думаю, что тебе нужен кто-то вроде меня». Дьявол! Она могла не говорить этой чуши и ответить прямо: «Ты не достоин такой, как я, Деймон». Или: «Ты не нравишься мне, так что отвали и больше никогда не подкатывай, потому что меня тошнит от твоего присутствия». Ну, что-то в этом роде.

Это звучало еще ужаснее чем то, как он выглядел.

— Меньше драмы, приятель, — я похлопал его по плечу. — Уверен, не все так ужасно.

— Легко тебе говорить, — убрав ладони от лица, Деймон скривился. — Но спасибо, что пытаешься убедить меня в том, что я не так жалок, как есть на самом деле.

— Я вовсе не... — он смотрел на меня с выражением абсолютного неверия, и я поджал губы, замолчав.

Что бы я ему сейчас ни сказал, Деймон перевернет все на свой лад, и эта трагикомедия продолжится.

— Кончай ныть. Выключи игру. Приведи себя в порядок. Я бы позвал тебя в бар, но Наоми ждет меня.

— Вот именно, Зак, — тоскливо ухмыльнулся Деймон. — Тебя ждет дома любимая девушка, а что есть у меня? Пустая квартира, пустой холодильник, пустая жизнь...

Нужны радикальные меры.

— У тебя есть ровно пять минут на то, чтобы оторвать задницу от стула и свалить отсюда. Я не шучу, — опервшись ладонью о край стола, я навис ним. — Я урежу тебе зарплату, если не прекратишь киснуть. Вдвоем. Тогда ты не сможешь покупать себе игры, не сможешь каждый день обедать в своем японском ресторанчике. Не сможешь оплачивать пустую квартиру, твой холодильник так и останется пустым. Хочешь страдать из-за какой-то Шарлотты? — проговорил я с неподдельным пренебрежением. — Пожалуйста, Деймон. Но если ты выбросишь ее из головы и оглянешься по сторонам, то увидишь, что двадцатипятилетняя Харпер из отдела кадров каждый раз, когда ты проходишь мимо, провожает тебя взглядом. Конечно, ей далековато до Шарлотты, но если хочешь серьезных отношений, не ставь внешность на первое место.

Я не особо любил брюнеток, всегда отдавал предпочтение глупым блондинкам с большой грудью и ногами от ушей. Мне нравились стервы, готовые прыгнуть в койку, стоило только поманить их пальцем.

До тех пор, пока не встретил Наоми.

У нее не пятый размер груди, и это даже к лучшему. Она невысокого роста. И она брюнетка. Миниатюрная, дерзкая, непокорная. Полная противоположность тех пустоголовых дурочек, с кем я спал. Но она прекрасна, по-своему удивительна и неповторима. Я полюбил ее, несмотря ни на что.

Мне было страшно, когда я понял, что она отличается ото всех, с кем мне приходилось иметь дело.

Мне было страшно, когда я влюбился в нее.

Мне было страшно, когда она отвергла меня после ночи, которую мы провели вместе.
Мне было страшно, когда я по своей глупости оттолкнул ее.
Мне было страшно, когда я вновь ее встретил.
Мне страшно каждый день, потому что я боялся совершить глупость и вновь потерять ее.

Деймон долго и напряженно молчал, размыщляя о чем-то.

— Ты самый безжалостный ублюдок, Зак. Как ты посмел шантажировать меня обедами в «Ваби-саби»?

Я приподнял уголки губ в расслабленной улыбке.

— Безжалостный ублюдок не стал бы волноваться за твою надоедливую шкуру.

— А Харпер... — в потускневшем взгляде Деймона сверкнула искра заинтересованности.

Затихнув в нерешительности, он покачал головой.

— Нет. Ничего.

— Уверен? — я издевательски улыбнулся.

Он ответил мне затруднительным молчанием.

— Что ж, — я оттолкнулся от стола и направился к двери. — Если не прислушаешься ко мне и все-таки решишь остаться здесь на выходные, — остановился, чтобы наградить Деймона серьезным взглядом, — во-первых, я сдержу свое слово и сокращу твою зарплату. Во-вторых, ты все равно не останешься в офисе, потому что перед тем, как покинуть здание, я попрошу охранников вышвырнуть тебя отсюда.

— Я работаю на сатану, — буркнул Деймон.

— Что-то не припомню, чтобы дьявол раскидывался благими советами и помощью.

Я больше подхожу на роль бога, — подметил я.

— Богу не присуще самомнение.

— Тогда я — исключение.

Деймон красноречиво вздохнул.

— Хорошо. Сегодня я пойду домой.

— Правильное решение, — одобрил я.

— Но все-таки закончу миссию, — добавил, вновь став единым целым с компьютером напротив себя.

— Не забывай про...

— Помню, — рявкнул он, погрузившись в виртуальный мир игры. — Сказал же, что...

Остаток фразы утонул в возобновившихся звуках стрельбы.

ДЕВЯТАЯ ГЛАВА

— Дома тебя ждет сюрприз, так что советую поторопиться, — раздался голос Наоми в телефоне.

Я прикусил губу, скалясь в возбужденной улыбке.

— Сюрприз? — переспросил я, долбя пальцем по кнопке лифта, но чертова штуковина так и не приехала. Мне хотелось разнести это здание. — Дьявол!

— Зак?

Пришлось спускаться по лестнице.

— Я слушаю тебя, — расстегивая пуговицы пиджака, я перепрыгивал через одну ступеньку. — Так что там с сюрпризом? Ты облила себя горячим шоколадом, и я должен буду слизать его с тебя? — предположил первое, что нарисовала моя фантазия.

— Эй, так нечестно! — хныкнула Наоми. — Как ты узнал?

— Постой, — я остановился, поперхнувшись. — Ты, правда, сейчас в шоколаде?

— Да, — расстроено отозвалась она. — Проклятье. Ты не должен был догадаться об этом.

— О боже, детка, — не в силах сдерживать восторженный смех, я провел ладонью по лицу, стирая выступившие капельки пота. Лихорадочный жар атаковал мое тело, а разум — взыгравшееся воображение. Она действительно сделала это?!

— Тебе... не нравится то, что я придумала? — с испугом уточнила Наоми.

«Приятель, ты переборщил с идеальностью этой девушки!» мысленно обратился я к Господу.

— Я люблю тебя, — сказал я. — Я очень сильно тебя люблю. Иногда мне кажется, что ты видишь меня нас kvозь, малыш. Ты точно знаешь, чего и когда я хочу.

Она создана для меня.

— Скоро буду дома.

— Хорошо, — расслабленно вздохнула она и усмехнулась. — В ином случае мне придется самой себя съесть.

— Нет! — я рванул вниз по лестнице. — Тебя съем я. Только я.

— Договорились, — я услышал в ее голосе нежную улыбку. — Жду тебя, любимый. Любимый.

Одно простое, столь привычное слово отозвалось во мне фейерверком неугасающих искр, затмивших утомленность после насыщенного трудового дня.

Отключившись, я мог думать лишь о том, чтобы как можно скорее добраться до внедорожника, сесть в него и приехать к Наоми. А затем с удовольствием принять свой подарок, облитый шоколадом, снять с него обертку и раствориться в нем.

— Приятного вечера, мистер Роджерс! — попрощалась со мной рыжеволосая девушка из отдела рекламы, на которую я чуть не налетел, спустившись в холл.

Я улыбнулся и отсалютовал ей, толкнув спиной стеклянную дверь. Развернувшись я на секунду позже, то наткнулся бы дрожащую светловолосую девушку, отдавив ей ноги.

— Простите... — пробормотал я и, взглянувшись, узнал в промокшей копне светлых волос, белом пальто и черных туфлях на шпильке Шарлотту.

Подскочив от звука моего голоса, она обернулась.

— Зак, — стучала зубами, произнесла мое имя.

— Шарлотта, — кивнул я, нахмурившись.

После разговора в кафе я пришел к мудрому решению избегать ее. Она работала на меня, и при самом огромном желании не видеться с бывшей одноклассницей мы все равно виделись пятьсот раз на день. Конечно, я мог бы не рисковать и исправить это, уволив ее. Но после долгих поисков причин для совершения этого шага я оказался в тупике. Мне не за что увольнять Шарлотту. Поэтому я делал все, что мог, — игнорировал ее, я был холоден и краток. Не давал никаких намеков на то, что между нами возможна дружба. Только деловые отношения. И, кажется, Шарлотта это поняла, потому что после того, как я пресек ее единственную попытку наладить со мной контакт путем воспоминания старых ошибок, ненужных извинений и касаний, она отступила.

— Почему ты стоишь здесь? — безучастно спросил я, чуть съежившись от подувшего ледяного ветра, прогнавшего дрожь по телу. Чертовский ливень. Я не сумел разглядеть сквозь плотную завесу дождя свой автомобиль, припаркованный неподалеку.

Обняв себя руками, она переступала с ноги на ногу. По ее лицу струились кривые дорожки воды, стекая с потемневших от влаги волос.

— Я забыла взять с собой зонтик, — ответила Шарлотта, стараясь говорить ровно, и вытерла под глазами потекшую тушь. — Утром было солнечно, — она тоскливо возвела глаза к стремительно чернеющему небу.

Я обратил взгляд на прохожих, разбегающихся в поисках укрытия. Мужчина из здания напротив, стряхивая с каштановых волос крупные капли, остановился рядом с нами под козырьком над входом в офис. Поймав на себе мой изучающий взгляд, он усмехнулся.

— Замечательная погодка, не правда ли?

— Не то слово, — я поджал губы, отвернувшись.

Достав из кармана брюк ключи от машины, я собирался выйти под дождь, но тонкие пальцы остановили меня, зацепившись за рукав пиджака. Я бросил на блондинку нетерпеливый взгляд и вскинул бровь, как бы спрашивая, что ей нужно.

Со смущением прикусив нижнюю губу, Шарлотта притянула к себе руку и неуверенно попросила:

— Ты не мог бы подвести меня?

Я ответил ей долгим, напряженным молчанием.

Я не мог подвести ее по нескольким причинам. Во-первых, Наоми ждала меня дома... облитая горячим, сладким шоколадом. Я сомневался, что в скором времени она решится повторить нечто такое же фантастическое и будоражащее фантазию. Во-вторых, я зарекся ни при каких обстоятельствах не нарушать возведенную дистанцию между собой и Шарлоттой. Пусть я буду свиньей, но я откажу.

Я должен.

— Извини. Я спешу, — сказал, стиснув челюсти, отвернулся, чтобы не видеть обиду в голубых глазах и вышел из-под козырька.

— Пожалуйста, Зак! Мне тоже нужно домой.

Черт бы побрал мою неспособность устоять перед женскими слезами. Нет, конечно, я был уверен, что Шарлотта не настолько отчаялась сейчас, чтобы рыдать, но искренняя печаль слышалась в слегка осевшем голосе, и это пошатнуло мою уверенность в том, что я поступал правильно, оставляя ее просьбу без согласия.

— Я бы не попросила тебя. Честно. Но кое-что случилось, поэтому...

— Деймон с удовольствием поможет тебе, — бросил я через плечо.

— Я не успела застать его. Он ушел около получаса назад.

Серьезно? Я даже не заметил. В последнее время Деймон стал очень тихим. Либо на него повлияли мои угрозы, либо разбитое Шарлоттой сердце.

— Вызови такси, — нашел я другой выход.

— Господи, Зак! — краем глаза увидел, как она вскинула руками и сделала пару шагов, подставив себя под упругие струи ливня. — Я прошу тебя помочь мне. Я не собираюсь приставать или делать что-то, что так тебя пугает, когда ты смотришь в мою сторону! Обещаю, — еще два шага. Я напрягся, когда Шарлотта остановилась в нескольких дюймах за моей спиной. — Просто подвези меня до дома. Прошу тебя.

Ну приехали...

— Ладно, — выдавил я с огромной неохотой. — Ладно. Хорошо. Пошли.

Я не смотрел на нее, когда направился к внедорожнику.

— Спасибо! — с облегчением поблагодарила она, побежав за мной.

Слепящие вспышки молний озаряли черно-свинцовое небо и погруженную во мрак улицу. Цокот каблуков Шарлотты тонул в грохочущих раскатах грома, от которых непроизвольно содрогалось мое тело. С детства не любил ненастье. Холодными, дождливыми ночами, когда природа буйствовала, я часто просил маму оставаться со мной до тех пор, пока не усну. Для меня и сейчас нет ничего ужаснее, чем остаться одному в грозу. И я жалел, что Джейсон знал об этом, потому что при любом косвенном упоминании о моей слабости он превращался в великого шутника.

— Еще раз спасибо, — слабо улыбнулась блондинка, пристегиваясь ремнем безопасности.

Я промолчал, повернув ключ зажигания и вдавив педаль газа в пол.

Терзаясь муками вины и вспоминая обещание Наоми вернуться как можно скорее, я гнал по скользким дорогам Рапид-Сити, следя указаниям Шарлотты. Пригвоздив взгляд к лобовому окну, я думал над тем, что сказать в оправдание своей девушке. Застрял в пробке? Да. То, что нужно Достоверно и незамысловато.

Черт. Я трясясь так, словно должен буду признаться в измене.

Я просто подвезу Шарлотту. А потом уеду.

— Сейчас поверни налево, — сказала она.

Я плавно крутанул руль.

— Может, скажешь мне, в чем дело? — спросила Шарлотта, когда мы проехали спортивный магазин с неработающей неоновой вывеской.

— Не понимаю тебя, — я старался не смотреть на нее, но чувствовал, как мое лицо горело под пристальным взглядом.

— Да брось, — фыркнув, усмехнулась Шарлотта. — Ты понимаешь. Избегаешь меня, словно мальчишка. Мы давно выросли, Зак. Так давай вести себя по-взрослому и смотреть правде в глаза.

— О чём ты говоришь? — безразлично спросил я.

— Ты боишься меня, потому что не уверен в себе, когда находишься рядом со мной. Вот о чём я.

Я убрал одну руку с руля и устало потер щеку.

— Я не хочу слушать это, Шарлотта. Так что остановись. Я уверен в себе. Я уверен в своих чувствах к Наоми, поэтому...

— О, так вот как ее зовут? — с улыбкой протянула блондинка, откинув прядь волос с лица.

Я громко стиснул зубы. Мне следовало догадаться, что жалостливая просьба подвести до дома обернется чем-то подобным.

— Я знаю мужчин, Зак, и ты не отличаешься от тех, с кем мне приходилось иметь дело, — независимо от моей просьбы прекратить Шарлотта продолжила гнуть свое. — Думаешь, что будешь хранить верность какой-то девчонке до конца своей жизни? Боже, — она иронично рассмеялась. — Я считала тебя разумным. Правда.

— Мне совершенно не жаль разочаровать тебя, — парировал я.

— Вы все изменяете, — она будто перестала слышать меня, устремив отсутствующий взгляд в пустоту. — Вы не умеете любить. Вы не умеете быть ответственными.

— Ты сошла с ума, Шарлотта? — не выдержал и прикрикнул я.

— Ты должен понимать, что кем бы ни была твоя Наоми, сколько бы она ни значила для тебя сейчас, — глаза холодного голубого оттенка вонзились в меня с устрашающей прямотой, — пройдет время, и ты остынешь к ней. Поймешь, что эта девушка уже не привлекает тебя так, как месяц, год назад. И однажды ты проснешься с мыслью, что все, — ее голос, смех, улыбка, от которой раньше перехватывало дыхание, — раздражает. Бесит до остервенения.

— Замолчи, — процедил я.

— Я понимаю, — прикрыв глаза, тихо проговорила Шарлотта. — Правду всегда тяжело слышать.

— Твоя правда меня не касается, — суровым тоном изрек я. — Мне плевать, если тебе попадались такие козлы. Мне плевать, если они любили тебя и забывали на следующий день. Мне плевать, что ты разочаровалась в мужчинах.

Я слегка опешил, услышав всхлипы. Шарлотта спрятала лицо в ладонях, и ее плечи дрожали в нахлынувшем приступе слез. Я не собирался извиняться за свои слова и утешать ее. Я молчал, позволив угнетающей тишине, разорвавшей в клочья мое хорошее настроение, заполнить салон автомобиля.

— Я покажу тебе, — прошептала Шарлотта, поднимая голову. — Я покажу, что ты не лучше всех.

Я закатил глаза, посчитав ее угрозу пустым звуком, но как только ощущил руку на своем паху, мгновенно изменил мнение.

— Какого хрена тытворишь?! — прорычал, скинув с себя ее ладонь.

Но Шарлотта впустила в ход вторую руку, которой коснулась моей шеи. Она наклонилась через центральную консоль и собиралась поцеловать. В последний момент я сумел увернуться от ее губ, которые целились в мои, но промазали и прижались к скуле. Меня обдуло яростным жаром злости, и, резко свернув с дороги, я затормозил.

Внедорожник остановился со слабым толчком.

— Прекрати, черт подери, — я пытался схватить ее за запястья, но она изворачивалась слишком ловко.

— Не сопротивляйся, Зак, — с плотоядной улыбкой на лице проронила она.

Шарлотта, вцепившись мертввой хваткой в мои плечи, приподнялась, чтобы сесть на меня.

— Не заставляй вышвыривать тебя на улицу, — я оттолкнул ее.

— Неужели я не возбуждаю тебя? — с притворной обидой спросила блондинка.

— Ты мне противна, — рыкнул я, удерживая ее на месте.

— О, правда, что ли? — она усмехнулась. — Тебе было противно, когда ты жестко имел меня на выпускном? Серьезно?

— Это в прошлом, Шарлотта, — проговорил я, испепеляя ее гневным взглядом.

Она перестала брыкаться и замерла, стоя на коленях на соседнем сидении и глядя на меня сверху вниз.

— В прошлом? — переспросила слабым голосом.

Я сделал глубокий вдох.

— Да.

Ее веки обрушились на глаза.

— Отпусти.

— Ты успокоилась?

Она вяло кивнула, скатившись вниз и откинув голову.

— Ты чокнутая, — устало сжав пальцами переносицу, сказал я.

— Прошлое, — вдумчиво пробормотав это, она потянулась к сумочке, которая лежала на задних сидениях.

— Что ты делаешь? — угрюмо спросил я, наблюдая, как Шарлотта копошится, что-то ища.

Она без слов достала черный бумажник и открыла его.

— Вот, держи, — с этими словами она протянула мне фотографию улыбающегося маленького мальчика с выющимишись пшеничными волосами. — Познакомься с нашим прошлым, Зак.

Я скорее автоматически взял у нее фото и уставился в большие зеленые глаза ребенка.

— Кто… это? — прохрипел я, чувствуя, что не могу пошевелиться.

— Лукас, — с кратким вздохом ответила Шарлотта. — Ему пять.

Я медленно моргнул, тупо пялясь на изображение.

— Не понимаю… Почему ты сказала: «Наше прошлое»? — найдя в себе силы, я повернул голову и устремил недоуменный взгляд на блондинку, которая с печалью растянула губы в улыбке и опустила глаза к фотографии.

— Потому что так и есть.

— Ответь нормально, — потребовал я, сжав кулак.

— Лукас… Он твой сын, Зак.

ДЕСЯТАЯ ГЛАВА

Я не знал, что сказать.

Мы сидели в пустом кафе, где малейший шорох был подобен грому.

Я сверлил взглядом отполированную поверхность стола, в то время как Шарлотта что-то говорила. О моем сыне.

У меня есть сын.

Ему пять лет.

Но я узнал об этом только сейчас, этим гребаным вечером, от девушки, которая своим заявлением отправила меня в нокаут.

Дерьмо.

Я бы посмеялся от души, если бы это оказалось чьим-то розыгрышем, пусть и чертовски идиотским. Но надо мной пошутил разве что Господь, и смеяться вовсе не хотелось. Я бы пожелал, чтобы это оказалось ночным кошмаром, пожелал бы проснуться и почувствовать Наоми рядом, но ведь это непозволительная роскошь в данной ситуации, да?

Я не спал.

Это было по-настоящему.

— Как это произошло? — опершись локтями о колени, я погрузил пальцы во влажные от дождя, который все еще тарабанил со страшной силой по окнам кафе, волосы.

— Я думала, тебе известно, как появляются дети, — холодно усмехнулась Шарлотта. Сука.

Сейчас я ненавидел ее.

— Как. Это. Произошло? — я ударил ладонью по столу так, что вздрогнула металлическая подставка для салфеток, и поднял голову, вонзив в оторопевшую блондинку пронзающий взгляд, полный злобы и решительности. Не время веселиться, черт возьми.

Поджав губы и опустив глаза, Шарлотта отстранила от лица чашку с кофе.

— Видимо, презерватив порвался, — мямящим, неуверенным тоном отозвалась она.

— Видимо? — стиснув зубы, переспросил я.

Я был на грани, чтобы не закричать на Шарлотту, не вытрясти из нее всю правду, потому что ее медлительность, ее хождение вокруг да около дико взбесило меня.

— Может, это просто не мой сын? — я сжал ладонь, которая лежала на столе, в кулак и наклонил голову вбок, пытаясь заглянуть в отведенные светло-vasильковые глаза, скрытые от меня длинными ресницами. — Может, ты сейчас сидишь и врешь мне? Только я не могу понять, с какой целью...

— Знаешь, — она громко поставила кофе. Последние крупицы моего терпения испарялись в раскаленном воздухе. — Ты вправе не верить мне. Я понимаю это. Но я точно уверена в своих словах. Лукас — твой сын, — Шарлотта посмотрела на меня, и я скривился, не в состоянии проникнуться той невинностью и искренностью, которая плескалась в прямом ее взгляде. — У меня никого не было после выпускного.

— А как же Стэн? — с ядом вопросил я, вновь опуская голову.

— Я больше не спала с ним, — вздохнула она.

— Но до, — я закрыл глаза, сжимая и разжимая пальцы, — до выпускного ты... ты же встречалась с ним.

— Все, о чем я могла думать перед балом, это о подготовке к нему и о том, чтобы стать его королевой, и я посыпала Стэна, когда он лез ко мне, — с нотками скуки, будто все это она говорила сотни раз, разъяснила Шарлотта. — Зак. Я сделала кучу тестов. Я абсолютно уверена, в том, что отец ты.

— Тогда какого хрена я узнаю о сыне только спустя пять лет?! — я больше не мог сдерживаться. — Почему ты не сказала мне об этом раньше?

Шарлотта подняла подбородок, пытаясь скрыть свой страх.

— Потому что я уехала едва ли не сразу после выпускного, после того, как рассталась со Стэном. И даже когда я узнала о беременности, я не хотела возвращаться. Я испугалась, — она внезапно смолкла. Зажмурилась, сделала глубокий вдох и продолжила.

— Ты не знаешь, каково это — быть залетевшей, одинокой, восемнадцатилетней девчонкой. У меня ничего не было. Родители... они требовали, чтобы я сделала аборт, но я не хотела. Сильнее страха перед будущим был страх убить своего ребенка.

— Ты могла сказать мне, — просипел я, проводя ладонью по лицу. — Ты должна была сказать мне.

— Я испугалась, — шепотом вторила Шарлотта. — Я боялась, что ты не поверишь, тоже скажешь избавиться от малыша, — она сжала дрожащие губы в тонкую линию. — Ты никогда не был хорошим парнем, Зак. И даже то, что ты любил меня...

— Я не любил тебя, — перебил я.

— И даже то, — сдержанно продолжила, — что я нравилась тебе, ничего не изменило бы.

— Откуда ты знаешь, как все было бы, если бы сказала мне? — процедил я.

Шарлотта печально улыбнулась, вновь потянувшись к кофе.

— Потому что я вижу мужчин насквозь.

Дура.

Идиотка.

Я хрюплю рассмеялся, поражаясь глупости этой женщины.

— Ты ни хрена не знаешь. Думаешь, ты поступила правильно? Ты лишила ребенка отца... — у меня язык не поворачивался сказать: «Ты лишила ребенка меня». Все слишком резко свалилось. Час назад я и представить не мог, что окажусь в таком непростом положении.

— Нет. Я знаю, что поступила неправильно. По отношению к Лукасу, к тебе...

Я стал покачиваться вперед-назад, и кожаное сидение заскрипело подо мной. Перед глазами стоял образ мальчика, фотографию которого Шарлотта показала мне. Как бы я ни хотел отрицать, но он... Лукас был похож на меня.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда почему ты не сказала мне, когда устраивалась в офис?

— Как ты себе это представляешь? Привет, Зак, давно не виделись, у тебя есть пятилетний сын? — язвительным тоном проговорила она.

— Да, именно так! — повысил голос я. Заметив на себе изумленно смущенный взгляд официантки, сидящей за барной стойкой и смотрящей новостной выпуск, я сбавил обороты. — Именно так ты и должна была сказать.

Шарлотта закатила глаза, сделав глоток остывшего кофе.

— В таком случае ты бы точно мне не поверил.

Я вскинул брови, пораженно уставившись на блондинку.

— Думаешь, я сейчас проникся к тебе доверием?

Я не дал ей раскрыть и рта, безапелляционно выдвинув единственное требование:

— Мы сделаем ДНК-тест. Если твои слова подтвердятся, я поверю. Я приму... Лукаса. Я буду видеться с ним, попытаюсь стать для него хорошим отцом. Но ты...

— Большего мне и не надо, Зак, — с улыбкой ответила она.

Я смерил ее недоверчивым взглядом и вышел из-за столика.

— Вот и прекрасно.

— Куда ты? — удивилась Шарлотта.

— Домой.

— А как же...

— Вызовешь такси. Ведь ты добилась того, чего хотела, поэтому теперь совершенно не обязательно подвозить тебя, так? — я скептически хмыкнул.

— Разве ты не хочешь увидеться с ним? — негромко спросила она.

— Я не готов, — ответил честно.

Я боялся.

Шарлотта понимающе кивнула.

— Ладно.

Больше не сказав ей ни слова, я вышел из кафе.

***

Я долгое время не решался выйти из машины.

Тарабанил пальцами по рулю и обдумывал свои дальнейшие действия и вообще, — жизнь. До этого вечера у меня было четкое представление о том, каким будет мое будущее. Рядом с Наоми. С нашими детьми. В желаемом будущем, к которому я стремился, не было Шарлотты и моего сына, о существовании которого я не подозревал целых пять лет.

И так ли это?

Действительно ли Лукас от меня?

Я не собирался затягивать с тестом. Вряд ли его можно сделать в Рапид-сити. Скорее всего, для этого придется ехать в Су-Фолс. Чем быстрее все выяснится, тем быстрее я пойму, что предпринимать дальше. Я не мог утаивать выяснившееся от Наоми, но чувствовал непреодолимое желание отгородить ее от лишних беспокойств. Однако если все подтвердится, если мои наихудшие опасения обретут статус правды, попытки скрыть что-либо не будут иметь никакого смысла.

Я скажу ей.

Я обязан сказать.

Но сделать это сейчас? Или дождаться результатов теста? Как я буду жить с мыслью, что не до конца откровенен с Наоми? Мы клялись друг другу не лгать, ничего не утаивать. Я буду последним уродом, если не признаюсь в том, что, возможно, уже как несколько лет отец светловолосого Лукаса.

Я не смогу.

— Проклятье, — прошипел я, ударив по рулю.

Что бы ни произошло, как бы ни повернулась судьба, я буду честен с Наоми. Если тест подтвердит мое родство с Лукасом — что ж, я не откажусь от своих слов. Я буду заботиться о мальчике, буду поддерживать с ним связь. Я знаю, что смогу справиться с этим, потому что Наоми будет рядом. Я уверен в ней. Если Шарлотта солгала мне, я уволю ее к чертовой матери и выдохну с облегчением.

И все будет хорошо.

Все будет таким же идеальным, как было до этого.

Вспоминая ярко-изумрудные глаза мальчика и думая, с каких слов начать разговор с Наоми так, чтобы все прозвучало наилучше и невиннее, я брел по дорожке, выложенной из бетонных плит, к дому.

Доносившиеся из гостиной звуки включенного телевизора говорили о том, что Наоми не спала. Не буду лгать, сказав, что я надеялся, что она спит. Честно говоря, я понятия не имел, сколько сейчас времени. Нерешительно застыв в холле, я с сомнением поглядывал в сторону кухни, ведь там находился мини-бар, и во мне неожиданно проснулась потребность опустошить его.

Но я снял ботинки и прошел в гостиную, сжав кулаки и подавив в себе желание напиться до потери памяти. Увидев свою девочку, расположившуюся на диване и укрытую пледом, я снова остановился, пытаясь проглотить вставший поперек горла комок трусости.

Я обещал вернуться раньше.

Я обещал слизать с нее чертов шоколад.

Наоми дремала. Ее голова была слегка опущена и наклонено вправо. Она подпирала щеку рукой, и через ее приоткрытые пухлые губы вырывалось сопение. Я осторожно наклонился, чтобы поправить сползшую лямку топа и вздрогнул, когда Наоми проснулась от моего прикосновения.

— Зак? — хриплым полушепотом спросила она, морщась от яркого света, исходящего от экрана телевизора.

Я натянуто улыбнулся ей.

— Да.

Она огляделась, протирая глаза кулаками.

— Что случилось? — скинув с себя плед, она похлопала ладонью рядом с собой, приглашая сесть. — Я ждала тебя.

— Прости, малыш, — пробормотал я, опускаясь на диван и целуя Наоми в лоб.

Она прильнула ко мне, нырнув под руку, и я крепко обвил ее обнаженные теплые плечи рукой.

— Я упустил свой шанс попробовать тебя со вкусом шоколада, — сказал, примкнув губами к ее макушке.

— Это на твоей совести, — Наоми громко зевнула, теснее прижимаясь ко мне. — Ты влажный. Попал под дождь?

— Угу, — ответил невнятно, наклоняя голову, делая глубокий вдох и наполняя свои легкие сладким запахом ее кожи, сохранившей призрачный аромат горячего шоколада.

— Ты какой-то грустный, — она отстранилась от моей груди, к которой прижалась щекой, и внимательно посмотрела мне в глаза. Я коротко выдохнул в ответ на ее слова, не собираясь упираться, но и сомневался, стоит ли рассказать обо всем прямо сейчас.

— Чертовски сложный день, — уклончиво отозвался я, приподняв уголки губ в вялой улыбке.

Наоми прищурилась и убрала руку с моего пресса, дотронувшись ею до щеки легким прикосновением и проведя большим пальцем по линии скулы.

— Я знаю один отличный способ снять стресс, — прошептала она, приблизившись к моим губам, но не поцеловав.

Закрыв глаза, я накрыл ее руку своей ладонью и шумно втянул воздух, пропитанный Наоми, пропитанный уютом и умиротворением. Все, что находилось за пределами объятий любимой девушки, не имело значения.

Не сейчас.

— Какой? — спросил я, касаясь носом ее лба.

— Я, — ответила она.

Я усмехнулся.

— А горячая ванна к тебе прилагается?

— Даже не знаю, — напустив на себя размышающий вид, сказала Наоми. — Ты провинился...

— Пожалуйста, — я неторопливо запустил пальцы в ее волосы, и Наоми судорожно выдохнула. — Я, правда, очень устал.

— Хорошо. Уговорил.

Она встала и, нежно улыбнувшись, взяла меня за руку.

— Пойдем.

ОДИННАДЦАТАЯ ГЛАВА

Мы сидели за кухонным столом, погрузившись в гробовую тишину. Наоми пристально и бездумно наблюдала, как в бокале на блеклом свету переливалось виски. Я смотрел на Наоми, сомневаясь в том, что нарушить воцарившееся хрупкое оцепенение будет правильным решением. Поэтому я ждал, прокручивая в памяти события, приведшие нас к тому, что мы не могли говорить... просто не были способны.

***

Тремя часами ранее...

— В среду мы едем в Су-Фолс, — покинув здание офиса, я остановился и развернулся, чтобы посмотреть на Шарлотту, которая тенью шла за мной.

Договориться о проведении ДНК-экспертизы оказалось не так легко. Доктор Эмбер собиралась уйти в отпуск как раз на следующей неделе. Воспользовавшись своим неподражаемым умением пудрить женщинам мозги, я сумел добиться согласия на отсрочку ее долгожданной поездки в Южную Америку и о взятии у меня и Лукаса генетического материала для теста.

Шарлотта смотрелась в квадратное зеркальце и поправляла прическу.

— Ты слушаешь? — нахмурившись, спросил я.

— Среда. Су-Фолс, — ответила со вздохом, перемещая взгляд на меня. — Я все прекрасно слышу.

— Тогда будь добра, отвечай, а не пьялься в зеркало, — проворчал я, доставая ключи от машины из кармана.

— Ты слишком серьезен, — Шарлотта улыбнулась.

— А ты расслаблена, — скривился я.

— Нет причин для тревоги, — с раздражающей бодростью пожав плечами, она сделала шаг вперед и заключила меня в мимолетные объятия. Она обняла так быстро, что я не успел оттолкнуть ее. — Ведь я уверена, — прежде, чем отстраниться, шепнула мне на ухо.

Когда ее руки соскользнули с моих плеч, я уставился на нее широко распахнутыми глазами, остолбенев от того, что позволяла себе эта блондинка. И только я собрался сказать ей, что если еще раз она прикоснется ко мне, позволит хоть что-нибудь в этом роде, моему терпению окончательно и бесповоротно придет конец, как Шарлотта склонила голову чуть вбок, и ее улыбка превратилась в тосклившую.

— В среду ты впервые увидишь своего сына, Зак.

— Я...

— Сына?

Вздрогнув всем телом, я обернулся и увидел Наоми.

***

И в тот момент, услышав ее робкий, недоуменный голос за своей спиной, я впервые понял выражение: «Почва уходит из-под ног». Сотни вопросов заполонили мою голову.

Слова нелепых оправданий застряли огромным комком в горле. В тот момент, когда шок, страх, сожаление и вина поглотили меня с головой, я не знал, что сказать. Я был парализован неожиданным появлением Наоми и не мог ничего сделать: ни крепко прижать к себе, ни успокоить и сказать, что я люблю ее и то, что она услышала, ничего не изменит. Я стоял и смотрел на свою малышку, видел безмолвную мольбу и непонимание в непроницаемо-агатовых глазах, обращенных на меня, и люто возненавидел себя за то, что она узнала обо всем таким наиужаснейшим образом.

Наоми приехала в Рапид-Сити, чтобы сделать мне сюрприз. Чтобы дождаться меня и потом вместе сходить в кино. И я, правда, не понимаю, как она не послала меня ко всем чертям, увидев в объятиях другой девушки, которая сказала, что я скоро встречусь со своим сыном.

Я бы сошел с ума. Я бы рвал и метал от ревности.

Но Наоми была сдержанна. Я бы даже сказал — спокойна. Она выслушала меня. Дала возможность объясниться и не закатила истерику. И я пытался. Честно, я пытался говорить уверенно, чтобы она поверила мне. Хотя я знал, что поверила... Ни разу не перебив, внимательно выслушав мое бессвязное изъяснение, Наоми просто достала бутылку виски и залпом осушила бокал. А сейчас пристальным, невидящим взглядом смотрела на вторую порцию алкоголя, к которой не притронулась.

— У меня нет слов, Зак, — наконец, проговорила она осипшим от долгого молчания голосом.

Я закрыл лицо ладонями на шумном выдохе.

— В смысле... — Наоми оборвала себя, и я стиснул челюсти, готовясь услышать продолжение, каким бы оно ни было, пусть даже если она скажет, что разочарована во мне. — Я бы никогда не подумала, что это случится на самом деле. Я допускала возможность существования какой-нибудь девчонки, с которой ты спал, и она залетела от тебя, — она резковато, тихо усмехнулась. — Но я не хотела верить, что такое когда-нибудь произойдет.

— Мне жаль, детка, — сказал я. — Мне чертовски жаль. Я облажался.

Снова. Сколько раз по моей вине мы страдали? Я безнадежно проклят и, похоже, буду вечно вливать в какое-нибудь дермо. Я никогда не выберусь из этой бесконечно огромной кучи. Но большее всего было оттого, что я тянул за собой Наоми вместо того, чтобы рвать себя на части, делая ее счастливой.

Она молчала, и я терпеливо ожидал окончания этой напряженной тишины, стремительно отнимающей у меня надежду на то, что все обойдется.

Мне хотелось знать, о чем думала Наоми. Был ли я противен ей, или она испытывала сострадание, ведь я, наверно, выглядел сейчас очень жалко.

— Мы не застрахованы от ошибок. Никто из нас, — устало произнесла она, и я тут же поднял голову, чтобы убедиться, что мне не мерещиться, и в ее грустном голосе нет намека на презрение, а слегка бледные губы приподняты в мягкой улыбке. — Мы не знаем, когда и где неприятности будут поджидать нас. Но не надо опускать руки раньше времени. У тебя есть пятилетний сын? Ну, это круто... наверно, — она вновь усмехнулась, совсем безрадостно, и на ее зардевших щеках появились неглубокие ямочки. — Я... просто... — сделав глубокий вдох, словно собираясь с мыслями, Наоми устремила на меня решительный взгляд. — Я хочу сказать, что буду с тобой, Зак. Мы справимся. Пройдем через это вместе.

Незадолго до своей смерти мама сказала, что я выбрал правильно. Тогда я сделал вид, будто не понимал, о чем она говорила. Отчего-то я был смущен, поэтому не мог признать вслух ее правоту. Но уже тогда я знал, что Наоми — единственная, с кем я смогу и захочу пройти через все беды, уготованные мне свыше.

Я не сомневался, что именно с ней не самоуничтожусь, не кончу, как какой-нибудь одинокий неудачник.

Наоми — единственное правильное решение, принятое мною за всю жизнь.

Я сорвался с места и, обойдя стол, сгреб Наоми в охапку. Я поцеловал ее с такой жаждостью, словно эти секунды — последние, и по их истечению грядет лишь безграничное небытие.

— Зак, — прошептала Наоми, оторвавшись от моих губ, чтобы сделать глубокий вдох. Но я украл его, вновь обрушив поцелуй на ее чуть влажные горячие губы. Я надеялся найти в них спокойствие.

И я нашел.

Крепко обвив ее талию, я оторвал Наоми от пола и развернулся, чтобы выйти из кухни. Я плелся к спальне, спотыкаясь обо все подряд, что попадалось под ноги, но страх перед падением не стоил того, чтобы прервать жгучий поцелуй.

Я нашел дорогу в спальню и рухнул вместе с Наоми на кровать, осторожно придавив ее всей тяжестью своего тела. Мы в считанные мгновения избавились от одежды, разбросав ее по комнате.

Резким движением я стянул с нее трусики до коленей, но окончательно избавилась от них она сама, — помогая себе ногами, кинула белье куда-то в сторону. Я на несколько мгновений задержал восхищенный взгляд на ее обнаженном теле, растянувшемся подо мной, ее губах, которые она покусывала и облизывала, на ерзающих плечах и сжимающих простыни пальчиках.

— Ты прекрасна, — сказал я и наклонился, медленно скользя ладонями по ее бедрам, которые Наоми приподняла мне навстречу в безмолвной просьбе заполнить ее изнутри. — Еще рано, — с улыбкой покачал головой.

В ответ раздался недовольный стон.

Я ласково целовал ее живот, поднимаясь выше и выше, захватил ртом сосок левой груди языком, а правую сжал ладонью, заставляя Наоми исступленно и громко дышать. Она прикрыла глаза и шире раздвинула ноги, чтобы я могу удобнее устроиться между ними. Она выгибалась с невероятной грацией, несильно царапая мои плечи и спину и одновременно избавляясь от моих боксеров.

Теплая. Мягкая. Податливая.

Мое сердце билось ускоренно, неспокойно. Душа болезненно содрогалась от мысли, что Наоми могло и не быть в моей жизни, если бы мое прошлое было другим, правильным. Если бы я встречался с Шарлоттой, если бы я с самого начала знал, что она беременна. Я не смог бы отказаться от ребенка. Мы бы растили его и были несчастливы... я был бы несчастлив. И я бы не встретил Наоми, ночью, на кухне, получив от нее удар сковородой по голове. Мы бы не прожили безумный месяц под одной крышей, ненавидя и слепо желая друг друга. Мы бы не расстались, не встретились спустя год и вновь окунулись в головокружительную, бесконтрольную страсть, поглотившую нас с головой. Мы бы не осознали, что не сможем существовать друг без друга. Мы бы не поняли, как сильно любили.

— Зак, — протяжно всхлипнула Наоми, и я впился в ее губы.

Мы оба замерли, когда я начал входить в нее. Каждая клеточка моего тела была в сильном напряжении, словно предвкушая страх. Страх потерять Наоми. Страх впустить в свою голову мысль, что однажды я проснусь без нее, и это будет самое ужасное утро в моей жизни.

С невероятным, бесконечным наслаждением я погружался в нее, миллиметр за миллиметром. Я тонул в ослепительной отраде, чувствуя, с каким великолепным скольжением становлюсь глубже. Словно падая в бездну эйфории, я желал, чтобы это ощущение длилось вечно.

Я осторожно качнулся в ней. Наоми слабо вскрикнула, сильнее вцепившись ногтями в мою спину.

«Мы справимся» я повторял про себя ее слова снова и снова, делая свои толчки более резкими и твердыми. Ее губы, раскрытые вблизи моих, такие пухлые, алые, манящие, шептали отчаянные просьбы ускориться. Они произносили мое имя, и с каждым пророненным ею звуком, вздохом, я влюблялся в эту девушку еще сильнее.

— Я люблю тебя, малыш, — накрыв мои щеки руками, сказала она и взглянула на меня.

И я вновь замер, задавшись вопросом, что же такого Наоми увидела в моих глазах, раз в уголках ее скопились крошечные кристаллики слез, и на лице расплылась робкая улыбка.

— Я люблю тебя.

Стиснув зубы, я ускорил темп.

Я двигался в Наоми, ускользая прочь от реальности, погружаясь в сумасшедший водоворот диких эмоций, растворяясь в буйствующем блаженстве.

Наоми протестующе всхлипнула, когда я замедлился. Она тут же взяла инициативу на себя и толкнула меня в сторону. Плюхнувшись на спину, я со стоном закрыл глаза, когда она резко опустилась на мою пульсирующую плоть и уверенно задала темп. Неистовый и импульсивный. Ее пальцы сжались в кулаки на моей груди. Она опускалась и поднималась, и дурманящий запах вожделения заполнил нашу спальню.

Но вскоре я вновь перехватил бразды правления в свои руки.

Я перевернулся вместе с ней и подарил глубокий поцелуй, который мы прервали лишь тогда, когда легкие опустели, и стало совсем нечем дышать. Приводя дыхание в норму, делая частые и шумные вдохи, Наоми жадно вбирала в себя кислород, непроизвольно, томно и сладостно постанывая.

Но заташью пришел конец, и она удивленно ахнула, когда я, отстранившись, поднялся вместе с ней и принял сидячее положение.

— Зак? — пропищетала вопросительно, крепко прижавшись к моей груди. Но я мягко убрал ее руки со своей шеи, чмокнул в висок и скользнул ладонью вниз по спине, получая наслаждение от ощущения бархатистости смуглой кожи.

— Все хорошо, — сказал я.

Я развернул ее от себя так быстро, что Наоми даже пискнуть не успела. Разомкнув свои объятия, я легонько подтолкнул ее вперед. Не сумев сохранить равновесие, она пошатнулась и остановила встречу своего лица с простынями, выставив руки вперед и упершись ими. Теперь она стояла на коленях, прогнув спину в талии, и мне открывался прекрасный вид на ее упругие, поджарые ягодицы.

— Продолжим? — шлепнув ее, я наклонился, прижавшись к ней, и оставил ярко-бардовый засос на шее.

Она согласно промычала, сильно прикусив нижнюю губу. Тихо ухмыльнувшись, я взял ее за запястья и, обвив рукой талию, завел их ей за спину, заставляя Наоми изогнуться еще сильнее.

Я стремительно вошел в нее, стоя прямо и плотнее сжимая зубы от взрыва совершенно иных впечатлений и ощущений. Волна нестерпимого жара прошла сквозь меня. Короткие, надрывистые крики Наоми лишь подогревали тот огонь, что пылал внутри, растекался по венам. Я рассыпался и собирался воедино с каждым новым толчком.

Ее гибкость завораживала и потрясала мое воображение. Она подстраивалась под меня, двигаясь мне навстречу, подбирая такую позу, чтобы это пронзающее ощущение можно было испытать до самого основания.

Продолжая обхватывать стройную талию одной рукой, а второй бережно потянув ее за длинные волосы, я запрокинул голову назад, утопая в звуках собственного громоздкого дыхания.

— Я уже... близко, — хрипела она без сил.

Я чувствовал ее изнеможение, чувствовал, что Наоми на пределе, потому как ее мышцы сокращались, давили на мою окаменевшую плоть, и проникать становилось все труднее. И я двигался усерднее, чтобы давление увеличилось, чтобы она продолжала сжиматься вокруг меня. Но я сдерживался, ведь мог сорваться и взорваться в любой момент, потому что Наоми была настолько идеальна, она была такой тесной, что моя голова шла кругом.

Как-то раз я курил траву, и это было невероятно. Но то, что происходило со мной сейчас, было в тысячу раз лучше.

Когда мы кончили, Наоми пристроилась под боком, и я обнял ее, притягивая к себе ближе и крепче. Устроившись щекой на моей груди, она неспешно и лениво выводила незамысловатые узоры на моей коже до тех пор, пока не погрузилась в сон. Услышав, как ее дыхание стало размеренным, я накрыл ее покрывшиеся мурашками плечи одеялом и вскоре сам закрыл глаза.

ДВЕНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Дни ожидания результатов ДНК-теста нельзя было назвать скучными.

Я работал, как проклятый, пытаясь забыть о том, что неделя-две, и все станет ясным. Я боялся наступления Того Самого момента, поэтому завалил себя делами. Иногда я переусердствовал, и мне казалось, что еще чуть-чуть, и я забуду самого себя. Не знаю, хотел ли я этого, но был чертовски близок.

Но я совершенно и безоговорочно уверен, что если бы Наоми не было рядом, я бы свихнулся. Я не протянул бы без нее столько времени, сохраняя трезвость ума при себе. Ее улыбка — мой свет в сгущающейся тьме обстоятельств. Ее голос — будто песнь ангела, дарующая умиротворение и залечивающая душевые тревоги.

Моя малышка и сама была угнетена. Я не раз замечал, как мы одновременно смотрели на часы, затаив дыхание, и абстрагировались, вслушиваясь в неумолимый бег времени. Тиканье стрелок отдавалось глухой болью в груди, и я морщился, невольно

потирая то место, где простиралась бездна страха перед будущим. И я видел точно такое же выражение лица у Наоми, — я словно смотрел на себя со стороны.

***

Напряжение возрастало.

С каждым гребаным часом, приближающим к роковому дню.

Делать вид, будто все как прежде, становилось сложнее.

Мне сказали, что результаты экспертизы будут готовы во вторник, или среду.

Оставалось всего три дня.

Субботним утром было необычайно тихо. Мы пили чай на кухне, почти не шевелились. Будто случился апокалипсис, и по улицам бродили зомби, а любое наше движение могло привлечь их внимание. Согласен, звучит по-идиотски... Но именно такие бредовые мысли разбавляли безумие.

Мы не разговаривали, и я вновь не решался заговорить, видя застывшую задумчивость на красивом лице своей девушки. Она была прекрасна без косметики, и я не раз просил ее забыть обо всей чуши, что портило естественную красоту и ускоряло процесс старения. Но Наоми смеялась надо мной, объясня с серьезным блеском в глазах, что девушка и косметика — понятия неразделимые.

Несмотря на ее решительный настрой показать, что возможный факт моей родственной связи с Лукасом не волнует в той степени, в которой по идеи должен был, я чувствовал и знал, что Наоми страшно. Возможно, даже больше, чем мне. И я ненавидел себя за то, что не мог заверить ее и дать четкий ответ. Мой, или не мой сын. Нам оставалось уповать лишь на время, которое в самые тяжелые моменты словно останавливалось.

Секунды становились минутами, а минуты — часами. Часы же обращались в целые годы, и те перевоплощались в единое бесконечное странствие по замкнутому кругу ада ожидания, но на самом деле же являлись не более чем короткими мгновениями, в хаотичном порядке мелькающими в моем спутанном вопросами и сомнениями сознании.

Наоми улыбалась, но ее свет терял свою чистоту, омрачаясь приближающимся днем, который многое расставит по своим местам.

***

Я поправил воротник кожаной куртки, которую надел поверх пулloverа, и окинул хмурым взглядом свинцовое небо, раскинувшееся над кладбищем Индианаполиса.

Отдаляясь от припаркованного внедорожника, я ощущал, с какой стремительностью растет волнение, словно я собирался встретиться с живой мамой, а не с надгробной плитой и выгравированными буквами на ней, складывающимися в ее имя. Будь так, она бы первым делом сказала бы, что мне не идут зеленые пулloverы, а затем бы восхитилась тем, что я наконец-таки запомнил название ее любимых цветов и подарил ей их.

Когда мама болела, я старался радовать ее всевозможными мелочами. Я покупал ей огромные букеты роз, лилий, гиацинта, амариллисов, каждый раз забывая, что она без ума

от красных тюльпанов. И мама принимала ненавистные ею ирисы, на которые у нее была аллергия, с улыбкой.

Только после того, как она умерла, я вдруг вспомнил о тюльпанах. Теперь, приезжая на ее могилу, я покупал их... но мама больше не сможет увидеть и почувствовать запах любимых цветов.

Я понимал, почему Наоми боялась кладбищ. Потому что она боялась мертвых. Боялась тишины, из которой те сотканы. Их молчание ранило глубже всего сердца родных и любимых. Признаться, я тоже боялся. Того, что мои слова оставались без ответа. Но, несмотря на свой непреодолимый страх перед смертью, я и все те, кто кого-то когда-то потерял, будем с ними, потому что гораздо сильнее страх забыть их.

Лишь ради того, чтобы беречь память об ушедших, — не для них, а для себя, — мы учимся общаться с тишиной и слышать, как она отвечает нам.

Ноги сами принесли меня к могиле, и я опомнился, вонзив застывший взгляд на мраморную табличку.

— Привет, мам, — низким от нахлынувшей тоски голосом сказал я и присел на корточки, чтобы положить цветы. Закрыв на секунду глаза, я сделал глубокий вдох и выпрямился. Стремительный порыв холодного ноябрьского ветра растрепал мои волосы, и сквозь спутанные светлые пряди, спавшие на лоб, я внимательно взглядался в золотистые цифры, высеченные на идеально ровном и гладком темно-сером камне.

Я приезжал сюда каждый месяц в один и тот же день — в день ее смерти. Обычно я просто молча стоял и вспоминал то, какими нелегкими были наши отношения; а затем винил себя за то, что мне стоило быть мягче с мамой. Если бы я знал, что она безнадежно больна, и у нас так мало времени, я переступил бы через свою ненависть и первый бы пришел к ней, ведь... ведь она моя мама. Каких бы глупостей она ни наделала, я любил ее. Люблю и буду любить. И не проходит и дня, чтобы я ни жалел об утраченных годах, которые мы могли бы использовать, чтобы обрести потерянное взаимопонимание.

Но сегодня я не собирался погружаться в ностальгию.

Сегодня я здесь, чтобы попросить совета.

— Что мне делать, мама? — вздохнул я и рассказал причину своего «геморроя».

Я долго стоял, потирая переносицу, и слушал тишину. Пытался найти в шелестящем звуке ветра до боли родной голос.

Что бы она сказала мне сейчас?

Наверно, улыбнулась бы, потрепала по голове, как нашкодившего мальчишку, и сказала, чтобы я не шел на поводу у собственных сомнений и переживаний. Она сказала бы мне быть сильным и стойко преодолеть препятствие, встретившееся на пути, ведь я мужчина.

Мужчина...

Я горько усмехнулся себе под нос.

Я трусил совсем не как мужчина, ведь, черт подери, возможно, у меня есть пятилетний сын.

Но я молод, чтобы быть отцом! Мне же всего двадцать три, мать вашу! И... если бы я хотел иметь детей, то исключительно от Наоми.

Судьба — такая стерва.

В кармане завибрировал мобильник, и, не глядя, я вытащил его.

— Да? — поднес к уху, даже не взглянув на экран.

— Приветик, Зак.

Воздух застрял в горле, и мгновение, которое мне потребовалось, чтобы проглотить его, показалось невообразимо бесконечным.

— Шарлотта, — процедил я, сжав свободную руку в кулак. — Чего тебе?

— Почему ты такой грубиян? — она огорченно вздохнула.

— Кончай ломать комедию и говори, чего хотела.

Меньше всего я желал слышать голос этой девушки сейчас... да и вообще.

— Хочешь перейти сразу к делу? Ну ладно, — елейно протянула Шарлотта, и я представил хитрую улыбку, расплывшуюся на ее лице, отчего ощущил металлический привкус раздражения и отвращения у себя во рту.

— Так что? — рявкнул я. Затянувшаяся пауза конкретно давила на взыгравшие нервы.

— Мне звонила доктор Эмбер. Она и тебе звонила, но ты не отвечал, — короткий вздох. — В общем, я в Су-Фолс. Только что вышла из медицинского центра. Результаты теста готовы. Прямо в эту секунду я смотрю на процент твоего отцовства, Зак, — снова пауза. — Хочешь услышать ответ на вопрос, твой ли Лукас сын, сейчас, или дождешься завтрашнего дня, когда мы сможем увидеться?

— П-подожди, — в горле пересохло, и, превозмогая дикую болезненную сухость, я пытался произнести хоть слово внятно, без запинок. — Сегодня же выходной день... Не может быть, что...

— Откуда мне знать, как у них там все происходит, — с недовольством проговорила Шарлотта. — Факт в том, что я держу этот чертов документ в своих руках. Так тебе сказать, что в нем написано, или как?

Я не был готов.

Проклятье.

Я думал, что смогу услышать ответ на мучавший меня вопрос как минимум завтра, или послезавтра...

И я не хотел знать. Не хотел терять ту призрачную толику надежды в то, что не имею никакого отношения к Лукасу.

Если бы Наоми была здесь, рядом со мной, мне было бы проще.

— Говори, — стиснув зубы, сказал я.

Просто будь мужиком, Зак.

— Хорошо. Как скажешь, — могу поклясться, что Шарлотта прикусила губу, сдерживая улыбку.

Еще ни разу в жизни я не молился так, как сейчас.

Еще ни разу в жизни я не уповал на снисхождение Господа к моей жалкой душонке.

Дерьмо!

Я сжимал и разжимал заледеневшие пальцы. Телефон едва не выскользнул из вспотевшей от бешеного волнения ладони.

— Лукас твой сын на... — я так жалел, что находился далеко от блондинки, ведь за ее игру со мной хотел задушить ее, — девяносто девять и девятьдесятых процентов. Прими мои поздравления, дорогой. И, да, я требую извинений за сомнения. Ужина в кафе будет достаточно.

ТРИНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Мы в ответе за все, что происходит.

Можно сколько угодно спихивать свои неприятности на судьбу, но... что вообще такое судьба? Совокупность действий, совершаемых нами, приводящих к ситуации, в которой мы оказываемся и спрашиваем, почему же она так жестоко обошлась с нами.

Я был не прав, обвиняя судьбу в собственных неудачах.

Это только моя вина, и ничья больше. Будь я предусмотрительнее, не будь я таким легкомысленным и беззаботным, все сложилось бы иначе.

Хах.

Не удивлюсь, если еще кто-нибудь залетел от меня.

Н-да. Умею же я приободрить себя в момент, когда нервы и без того накалены до предела.

— Зак? — тревожно позвала меня Наоми. — Не забывай, что ты за рулем и поменьше витай в облаках.

Я встряхнул головой и моргнул, с легким удивлением осознав, что едва не проворонил нужный поворот. Покрепче сжав пальцами руль внедорожника, я с благодарностью взглянул на Наоми; ее тон с шутливым укором вывел меня из транса. Большие, обрамленные длинными смоляными ресницами черные глаза с вопросительным беспокойством смотрели в мою сторону.

— Извини, — ответил я, выдавив улыбку. — Задумался.

Мысли о Лукасе и подтвердившемся отцовстве ни на миг не покидали мою голову. Самый наихудший кошмар, о каком можно было только представить, воплотился в реальность. В грабаную реальность. Иногда, закрывая глаза, я видел перед собой результат ДНК-теста. Снова и снова в сознании всплывали слова Шарлотты, и вслед за ними — ее поразительно уверенные глаза, вонзающиеся в мое усталое лицо, проникающие вглубь и пожирающие остатки надежды.

Между бровей Наоми пролегла небольшая складочка, и взволнованный взгляд превратился в сочувствующий.

— Знаешь, это так не похоже на тебя, — вдруг сказала она.

— В смысле?

— О том, что ты много думаешь. Честно говоря, мне немного страшно.

Повисла непонимающая пауза, и Наоми хихикнула в кулак. Я шумно выдохнул, закатив глаза и усмехнувшись.

— Изdevаешься, да?

Она засмеялась громче, и, если бы я не знал ее, то подумал бы, что это искренний смех. Но я знал свою девушку «от» и «до», поэтому легче не стало. Наоми улыбалась, потому что не желала расстраивать меня, потому что на самом деле она не хотела смеяться так звучно, что вскоре захрипела и закашляла, после чего притихла и опустила взгляд к приборной панели.

Я не знал, как выглядит умирающая надежда. Я не представлял, как тяжело наблюдать это в глазах человека, которого любишь.

Когда я рассказала Наоми о результатах экспертизы, то не на шутку перепугался, ведь во второй раз за время нашего знакомства увидел в глазах Наоми такую печаль, от которой мое сердце было близко к тому, чтобы разорваться на куски.

Первый раз был в дождливый вечер прошлого лета, когда вернулись наши родители и объявили о расставании, когда я повел себя, как настоящий идиот, и бросил Наоми. Я отчетливо помнил и вряд ли сумел бы когда-нибудь забыть, с какой болью она тогда смотрела на меня.

Она смотрела так, потому что была уверена, что потеряла меня.

Пару дней назад я увидел точно такой же взгляд.

— Прости, — Наоми вяло покачала опущенной головой, я все еще слышал ее приглушенный сипловатый смех. — Я понимаю, что сейчас не время для веселья, но... я просто не хочу, чтобы мы... погрузились по тьму. Ты понимаешь, о чем я?

Я стиснул челюсти и напряженно кивнул.

— Прекрасно понимаю, малыш. И я этого не хочу.

— Тогда, пожалуйста, убери со своей сексуальной мордашки эту задумчивость, — Наоми потянулась ко мне. Я издал мурлыкающий звук, когда она погладила меня за ухом. — И улыбнись. Я люблю, когда ты улыбаешься. Я люблю, когда ты валяешь дурака и соблазняешь меня при любом удобном случае.

— Разве я когда-нибудь валял дурака? — я изогнул бровь, изображая невинность. Убрав одну руку с руля, я накрыл ею тыльную сторону ладони Наоми.

— Перестань нервничать, — она перешла на шепот, когда ее мягкие, теплые губы оказались около моего уха. Волна мурашек пронеслась по моему телу.

— Без тебя не справлюсь, — я перехватил ее пальцы, когда те опустились со щеки, прочертив дорожку от подбородка по шее и пробравшись под рубашку. — Поможешь мне? — повернув голову, я встретился с обсидиановыми глазами и словно окунулся в беззвездную ночь, поглотившую меня целиком.

Прикусив нижнюю губу, Наоми кивнула.

— Куда же вы без меня, мистер Роджерс, — наклонившись ближе, она оставила легкий поцелуй на моей скуле.

Я ухмыльнулся одним уголком губ и резко вздрогнул, когда Наоми расстегнула ширинку на моих джинсах и ловко пробралась в боксеры. Когда ее пальчики крепко, но осторожно обхватили мой член, из легких словно исчез воздух, но я ясно помнил, что делал глубокий вдох.

— Наоми? — опьяненный нахлынувшим ощущением бешеного исступления, я произнес ее имя грудным голосом.

Подмигнув мне, она нагнулась вниз.

Я не успел моргнуть, как почувствовал свой затвердевший орган в горячем, влажном и маленьком ротике Наоми. От неожиданности я потерял управление и резко крутанул руль вправо, чуть не врезавшись в штендер с рекламой книжного магазина. Машина наехала на тротуарный бордюр, заставив прохожих отпрыгнуть с испуганными лицами в сторону, и Наоми укусила головку зубами, когда ударилась затылком о руль.

Я зашипел от пронзившей меня острой боли и выругался про себя, вырулив обратно на дорогу.

— Простипростипростипости, — Наоми аккуратно возобновила размеренные и медленные движения ртом.

Она нежно и бережно погружала меня в мир нескончаемой эйфории, помогая себе рукой.

Еле сдерживая рвущийся наружу стон, я как можно нежнее схватил ее за волосы. Затуманенным взором я смотрел за дорогой, на автомате двигаясь к гипермаркету, куда мы направлялись, и наблюдал, как пухлые губы Наоми сомкнулись вокруг набухшей головки.

Я был готов свихнуться. Я рычал, сдерживая свои эмоции и желание двигать бедрами навстречу ее податливому и обжигающему влажному рту.

Наоми отстранилась, с дразнящей неторопливостью проводя кончиком языка по всей длине моего напряженного члена. Я крепче сжал в кулаке клок шелковистых волнистых волос, изнывая от мучительной и сладкой пытки, доставляемой Наоми. Она забавлялась с моим терпением, то едва-едва касаясь плоти, то резко и моментально заглатывая целиком. Я собрал всю свою волю, чтобы продержаться как можно дольше.

Наоми была великолепна. Она нашла действенный способ лишить меня мыслей и заодно рассудка. Я с трудом осознавал, где нахожусь, и кто я такой. Наоми наращивала темп, быстрее двигая сомкнутыми в узкое кольцо губами. Не будь мы сейчас посреди многолюдной улицы, я бы остановил машину и довел это безумие до конца. Я бы заставил ее сходить с ума вместе со мной. Но сейчас Наоми контролировала ситуацию, и только ей решать, когда останавливаться.

Тело была лихорадочная дрожь, и я стонал, с воздухом выпуская из себя ее имя. Снова и снова. Окончательно потеряв силы и желание сопротивляться, я толкнул бедра навстречу Наоми и придержал ее голову, когда она собиралась податься назад.

— Глубже, детка, — прохрипел я.

Чуть откинувшись назад, я вжался в кресло и ускорил движение бедрами, нещадно вторгаясь в ее рот пульсирующим членом, упираясь налившимся кровью головкой в заднюю стенку горла. Я чувствовал, как жар растекался по венам, достигая самых отдаленных точек тела, как по вискам скатывались капли пота, а сладостные волны, окутывающие мою сущность, становились все яростнее и интенсивнее, предвещая скорое приближение пика экстаза.

Наоми мычала и стонала со мной в унисон, отчаянно глотая.

— Че-е-ерт, — надломившимся голосом проскрипел я, взрываясь и извергаясь ей в рот.

Проглотив все до последней капли, она с довольным лицом подняла голову и облизнулась.

— Стало легче? — с улыбкой спросила она и стала приглаживать свои волосы.

Не в состоянии пошевелиться, я жадно вбирал в себя воздух.

— Ради ТАКОГО способа поднять мне настроение я готов всю жизнь проходить в глубочайшей депрессии, — все, на что мне хватило сил произнести.

Наоми самодовольно влюбилась.

— Я требую, чтобы ты чаще так делала, — освободившейся рукой я застегнул ширинку.

— Я подумаю над вашим предложением, мистер Роджерс, — театрально деловитым тоном проговорила она.

— Буду с нетерпением ждать вашего ответа, мисс Питерсон.

В тот вечер я вновь обрел непоколебимую уверенность в том, что мы сумеем справиться с любыми проблемами...

Но как же я ошибался.

Вскоре мы наткнемся на камень преткновения. Это препятствие станет решающим на нашем пути.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Никогда бы не подумал, что в магазине детских игрушек может быть такая огромная очередь. Моя голова и без того обремененная спонтанным решением Шарлотты познакомить меня с Лукасом сейчас разрывалась от оглушительного гомона переполошенных посетителей.

Большая красная машина дистанционного управления за пятьсот баксов, которую я собирался подарить Лукасу, так и напрашивалась прилететь в голову капризному толстому мальчику лет шести-семи, орущему на весь зал и выпрашивающему какую-то игрушку у своей матери. Они стояли недалеко от меня, поэтому, ожидая свою очередь расплатиться за машину, я невольно зацепился слухом за прихотливое требование ребенка и сумел расслышать, что именно он так хотел. Полуметрового робота-трансформера «Бамблби», на которого засматривались и другие присутствующие здесь дети. Но они восторгались тихо, не то, что этот мелкий вымогатель. Его мать, темноволосая невысокая женщина, стыдливо оглядывающаяся на других покупателей, то краснея, то бледнея от возмущенных просьб успокоить несносного мальчишку, не была в состоянии сделать это, потому что пацан в конец обнаглел и стал кричать на нее еще сильнее, заливаясь горькими непрекращающимися слезами.

Боже, неужели, все детали такие ужасные?!

Что, если Лукас окажется не лучше этого пухлощекого пакостника?

Мои нервы такого не выдержат. Я с трудом сдерживался оттого, чтобы не дать подзатыльник чужому ребенку и научить его слушаться свою маму. Что будет с моим собственным сыном, если опасения относительно его характера подтвердятся? Хватит ли мне терпения выслушивать подобные капризы и потакать ему?

Нет.

Мой сын не такой, как этот пацан.

Я уверен.

Милый светловолосый ребенок с таким ангельским лицом не может быть хитрым монстром... как его мама.

Стиснув зубы, я заставил себя отвернуться и с удивлением обнаружил, что стою в шаге от кассы, и передо мной больше никого нет.

Молодая девушка в зеленой форме пробила то, что я выбрал, и широко улыбнулась мне.

— С вас четыреста девяносто девять долларов и девяносто девять центов.

В чем прикол таких цен?

Я протянул ей пять сотен, взял глянцевую коробку с «Ламборджини» внутри и поплелся к выходу из магазина, протискиваясь через копошащихся у полках с игрушками людей. Перед тем, как закрыть за собой стеклянную дверь, я невольно обернулся и увидел счастливую физиономию мальчика, крепко прижимающего к себе робота-трансформера, и женщину, со снисходительной улыбкой глядящую на сына.

Я вздохнул.

— Все-таки купила... — пробормотал себе под нос.

А ведь игрушка не из дешевых.

Развернувшись, я улыбнулся ожидающей меня у внедорожника Наоми. Она стояла со скрещенными руками на груди, прислонившись к переднему капоту, и постукивала левой пяткой по шине. Нервничала. Причем сильно. Сгрызла все ногти и искасала нижнюю губу.

Наоми не заметила того, как я вышел. Глядя куда-то в сторону, она дергала собачку замка на теплой жилетке. Я воспользовался ее рассеянностью, чтобы понаблюдать и подумать о правильности своих действий.

Встреча с Лукасом должна состояться через час на городской детской площадке Рапид-Сити. Конечно же, там будет Шарлотта. Я. И Наоми. Я потратил весь вечер на то, чтобы уговорить ее пойти со мной.

Она будет нужна мне, когда я впервые увижу Лукаса.

— Хэ-эй, — я оторвал ноги от места, на которомостоял неподвижно несколько минут, и вяло протянул это, двигаясь к вздрогнувшей Наоми. — Я вернулся.

Ее черные глаза уставились на меня, чуть расширившись, а затем Наоми издала громоздкий выдох.

— Ты долго, — она заправила за ухо выбившуюся прядь длинную прядь волос и оттолкнулась от капота.

— Им, — я указал большим пальцем за спину, в сторону детского магазина, — следует сделать объявление, что по выходным там разверзается ад.

Мимолетно улыбнувшись, Наоми кивнула на коробку в моих руках.

— Крутая. Уверена, ему понравится.

Это было сказано не без тоски в голосе. Наоми была переисполнена неуверенностью, и я знал это без каких-либо слов.

— Тачка стоит пятьсот долларов, — я осторожно встряхнул игрушку. — Она просто обязана понравиться.

Честно говоря, я сомневался, что Лукас будет в восторге. Вдруг, он не любил красные машины, или машины вообще? Возможно, он предпочитал тех дурацких роботов-трансформеров, и мне стоило купить ему одну из таких игрушек...

Сев за руль внедорожника, я целую минуту не решался повернуть ключ зажигания и поехать к назначенному месту встречи. Наоми не обращала внимания на мою медлительность, потому что чувствовала то же самое.

— Ты уверен, что я не буду четвертой лишней? — спросила она, отвернувшись к окну.

Я нахмурился.

— Не говори так.

— Хорошо. Тогда перефразирую. Ты уверен, что мое присутствие обязательно? Шарлотте наверняка не понравится то, что я буду с вами... И я пойму ее, — грусть в понизившимся до шепота голосе Наоми сковало мое сердце тяжелыми цепями.

— Во-первых, — начал я угрюмо и даже со злостью, ведь в последнюю очередь она должна думать о том, что нравилось, а что не нравилось Шарлотте. — Ты делаешь это ради меня. Разве нет?

— Да, — незамедлительно и едва слышно согласилась Наоми, слабо кивнув.

— Во-вторых, даже если Шарлотта станет что-то говорить, не обращай внимание.

— Легко тебе говорить, — фыркнула Наоми, рисуя на окне указательным пальцем линии. — Знаешь, если бы отец моего ребенка пришел знакомиться с ним, приведя с собой

свою девушку, которая не имеет совершенно никакого отношения к моей семье, я бы разозлилась, пусть мы и не были бы в отношениях.

— Мне казалось, ты на моей стороне, — я сузил глаза, чувствуя разжигающее пламя обиды.

— Я просто стараюсь мыслить трезво, — она пожала плечами.

— Я все равно отказываюсь так думать.

— Я не хочу все испортить, Зак. Не хочу, чтобы из-за меня у тебя в будущем были проблемы с общением с Лукасом.

— Не понимаю, причем здесь это, — раздраженно сказал я.

— Ты не представляешь, на что может быть способна обиженная женщина, — с усталостью продекларировала Наоми.

— Мы с Шарлоттой не в таких отношениях, чтобы она злилась и обижалась на меня, — хмыкнул я.

— Возможно, она думает иначе.

Я помотал головой.

— Больше не хочу говорить об этом.

— Как скажешь. Но...

— Наоми, — я повернул голову в ее сторону. Услышав свое имя, твердо произнесенное мною, она замерла. — Закрыли тему. Что бы ни случилось в будущем, я разберусь с этим.

Я ждал, что Наоми ответит, но она так и не взглянула на меня...

Не смотрела до тех пор, пока я не остановил внедорожник рядом с детской площадкой, где с минуты на минуту должен увидеться с Лукасом.

***

Одной рукой придерживая у груди коробку с игрушкой, а второй сжимая ледяную ладонь Наоми, я уверено шел вперед, но с каждым шагом все больше удостоверялся в том, что играть непоколебимость чертовски сложно. Но я так хотел поддержать Наоми, которая ни разу не подняла головы, покинув салон автомобиля, поэтому старался изо всех сил не показывать свой страх перед встречей с сыном.

Наоми думала, будто я не боюсь реакции Шарлотты на ее появление? Да я уверен, что блондинка что-нибудь вычудит. Я был готов к любой ее реакции и не рассчитывал на теплый прием. Но вопрос в том, готова ли к этому Наоми?

— Зак!

Я обернулся на знакомый звонкий голос.

Шарлотта Скарлетт выглядела безупречно, словно собиралась на встречу как минимум с губернатором штата. Ее светлые уложенные волосы и белое пальто сильно выделялись на фоне темно-серого неба и блеклых зданий, обрамляющих площадку со всех сторон. Даже при самом огромном желании ее невозможно было не заметить.

Я почувствовал, как Наоми напряглась, остановившись рядом. Инстинктивно сжал ее кисть сильнее, как бы напоминая, что я не дам ее в обиду, никому, хотя прекрасно знал, что Наоми может постоять за себя и без моей помощи.

Сверкающая улыбка сошла с накрашенных губ Шарлотты, когда ее взгляд скользнул немного в сторону. Краем глаза я заметил, что Наоми смотрела на нее в ответ, прямо и неподвижно.

По спине пробежался неприятный холодок, но я проигнорировал нарастающее предчувствие беды, ища взглядом главную и единственную причину, по которой оказался здесь.

— Пойдем, — я потянул Наоми за руку и направился к блондинке, вокруг которой сгущалась темная аура, а приветливое выражение лица резко сменилось на маску отчетливого недовольства.

— Где Лукас? — холодно спросил я.

— Как это понимать? — голубые глаза Шарлотты продолжали сверлить Наоми. — Зачем ты привел ее с собой?

Враждебность в голосе Шарлотты разозлила меня.

— Не твое дело, — сухо ответил я.

— Ошибаешься, — прошипела она и сдвинула брови, показывая степень своей сердитости. — Это — мое дело! Как я объясню ему то, что его пapa пришел с чужой... девушкой?

— Не вижу ничего плохого в том, чтобы Лукас знал о Наоми, — спокойно пояснил я.

— Ты идиот! — она вскинула руками.

— Сбавь обороты, — предупредил я со всей серьезностью.

Шарлотта поджалла губы и скрестила руки на груди.

— Он — ребенок, Зак! Он думает, что мы вместе, ведь мы его родители! Все дети так считают! Он ничего не знает о том, что между нами.

— Между нами ничего нет, — я поморщился. — И в таком случае... как ты объяснила ему то, что я появился только сейчас? — я не заметил, как перешел на повышенный тон.

— Зак, — предостерегающе шепнула Наоми.

Я моментально успокоился и сделал глубокий вдох.

Шарлотта, сверкая негодующим взглядом, развернулась в сторону качелей, вокруг которых бегали двое мальчиков, и крикнула:

— Лукас, милый, подойти к маме!

На нее тут же откликнулся тот, что был в светло-изумрудной куртке и белой шапке, из-под которой торчали волосы золотистого оттенка.

Я замер, пытаясь разглядеть черты его лица, но мешало впечатительное расстояние между нами. Что-то сказав второму мальчику, Лукас побежал к нам. Словно загипнотизированный, я пристально смотрел только на него, забыв о существовании Шарлотты, Наоми и всего мира.

— Дорогой, — с такой нехарактерной для Шарлотты искренней любовью пропела она и прижала к себе Лукаса. Он устроился подбородком на ее плече и заинтересовано разглядывал нас.

В мгновение ока я растеря все мысли и слова, которые хотел бы произнести в первую встречу с сыном.

— М-а-ам? — протянул он детским, тоненьким голоском и приблизился к уху Шарлотты, громко зашептав: — Это мой пapa, да?

Он не сводил с нас внимательного взгляда.

— Да, — отстранившись, Шарлотта повернулась к нам лицом и сжала маленькую ладошку Лукаса. — Твой папа, — сказала не без удовольствия.

Однако глаза ее вернули себе прежнюю злобу. Она вновь впилась ими в Наоми, но все мое внимание сконцентрировалось на мальчике пяти лет, и я погрузился в сумасшедший вихрь эмоций, раздирающих мою грудную клетку.

— Я...

Я был настолько ошеломлен, словно заново пережив события последних дней за такой короткий промежуток.

Я был растерян, хотя ждал этого события.

И что удивительно — страх улетучился. Я не боялся своих чувств, не боялся Лукаса и того, что этот красивый ребенок мой.

Мое сердце еще никогда не билось так быстро. Он похож на меня. Совершенно неожиданно в памяти всплыли образы моих детских фотографий.

Словно две капли воды. Только цвет глаз разный.

— Привет, приятель, — наконец, выйдя из ступора, я сделал шаг вперед и опустился перед мальчиком на корточки. — Это тебе.

Прижавшись к боку Шарлотты, Лукас мешкал подойти ко мне. Но после того как Шарлотта одобрительно кивнула и нежно улыбнулась ему, он отлепился от нее.

— Держи, — я протянул ему коробку с красной машиной, которая за это время успела прирасти ко мне.

— Спасибо, — внутри растеклось невероятной силы тепло, когда щеки Лукаса порозовели, и это была одна из самых милых вещей, которые я когда-либо видел в своей жизни. Он принял подарок и вдруг широко улыбнулся. У него ямочки. Дерьмо. Этот ребенок великолепен. Он точно мой сын. — Классная! Ма-а-ам! Смотри!

— Я вижу, — рассмеялась Шарлотта, гладя его по шапке. — Замечательная машина. Твой папа просто умница.

— Ты крутой, папа!

Я улыбнулся ему, чувствуя восторг от похвалы. Черт, я даже покраснел. Будет ли правильно обнять его? Потому что я хотел этого. Притянуть Лукаса к себе и узнать, каково это — ощущать тепло своего ребенка. Или мальчик испугается, если я так сделаю?

Проклятье.

Сердце защемило от боли, когда я понял, сколько всего упущено. Его рождение, его первые шаги и первые слова... Я мог видеть все это, если бы Шарлотта заявила о себе раньше.

Я мог видеть, как мой сын растет.

Нет.

Я еще увижу это.

Я стану свидетелем того, как он пойдет в школу, как впервые влюбится. Я буду подкалывать его на тему секса и предохранения, рассказывать о том, каким ходком был в молодости, и что не пропускал ни одной юбки до тех пор, пока не встретил Ту Единственную...

— А кто та тетя? — хлопая длинными ресницами, Лукас кивнул круглым подбородком на Наоми.

Наши с Шарлоттой взоры устремились на нее, и внутри что-то больно кольнуло, где-то в области сердца, когда я увидел смятение на медленно рдеющем лице Наоми, которая не знала, что ответить мальчику.

— Я... просто Наоми.

«Исчерпывающий ответ» подумал я с улыбкой.

— Ты его девушка? — догадался Лукас.

А он смышленый парень для своих пяти.

— Ну, да, — Наоми с опаской подняла взгляд к Шарлотте, которая демонстративно отвернулась.

— Вы любите друг друга?

— Да, — сказал я.

Большие зеленые глаза Лукаса вернулись к моему лицу.

— А мою маму? Ты любишь мою маму?

Вот этого вопроса я точно не ждал.

— Милый, может, покажешь машину Гарри? — Шарлотта не растерялась и быстро перевела тему.

— Он от зависти умрет! — быстро отвлекся Лукас.

— Пожалуйста, будь аккуратнее, — нагнувшись к нему, она лизнула подушечку большого пальца и провела им по лбу Лукаса, стирая темное пятнышко. — И не задерживайся. Хорошо? Твое любимое кафе-мороженое закрывается через два часа. Если хочешь успеть...

— Понял! Я быстро, мама! — прижав коробку с машиной к себе, которая была едва ли не больше Лукаса, он, довольно хихикнув, взглянул на меня, вновь зардевшись, и убежал к своему другу.

— Что я тебе говорила, — мрачно произнесла Шарлотта, глядя ему вслед. — Ты мог бы подождать и для начала дать Лукасу привыкнуть к тебе. Так не терпелось? Теперь он не отстанет, расспрашивая о... Наоми.

Господи боже. Откуда в этой девушке столько неприязни?

ПЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Я знал, что Шарлотта стерва.

Я был уверен, что во время встречи с Лукасом она непременно попытается выкинуть какой-нибудь грязный фокус. Она вела себя мило и дружелюбно... с первого взгляда. И если бы я не был знаком с ее истинной стороной непревзойденной сучки, то посчитал бы ее хорошей.

Но я знал Шарлотту Скарлет.

Так же я убедился в том, что совершил еще одну большую ошибку в своей жизни. Мне не следовало брать с собой Наоми, чтобы познакомить с моим сыном. Я думал, что поступал правильно по отношению к своей девушке, к самому себе. Я думал, что, возведя определенные границы, таким образом, крыл главный козырь Шарлотты.

Если бы у меня появился шанс переиграть тот вечер, я бы воспользовался им, не раздумывая. Я бы оставил Наоми дома, чтобы защитить ее от боли и грусти, сделавшими ее лицо бледным и непроницаемым.

Я бы хотел все время держать ее за руку, сжатую в кулак, которую она прятала под столом, пока мы сидели в кафе-мороженом, чтобы не выдать своего беспокойства. Я сблизился с Лукасом, но отдалился от нее. Мое общение с сыном не останется бесследным на наших отношениях с Наоми. Я понимал это и то, что возникшая между нами маленькая пропасть не исчезнет, но я бы не хотел позволить ей разрастись и превратиться в причину нашего краха.

Я сохраню все, что мне дорого. Я приложу к этому все усилия.

Шарлота всячески намекала на лишнее присутствие Наоми. Конечно, Лукас не понимал завуалированного раздражения в голосе своей матери. Он не понимал, что она далеко не ангел, не святая. Мне так же бы хотелось уберечь его в будущем от осознания очевидной правды, которая рано или поздно откроет ему Шарлотту не в самом лучшем и выгодном свете.

Наоми терпела детское поведение Скарлет, не смотрела в сторону Шарлотты и с непробиваемой решимостью игнорировала ее. Она была сдержанной и в то же время умудрялась смеяться с Лукасом. Я знал, что такая ложь стоила ей невероятного самоконтроля и усилий над чувствами.

Наоми была сильной ради меня.

После ужина я полюбил ее еще больше. За ее терпение. За то, что она была рядом, когда я был слаб. Она поддерживала меня, — ведь я такой трус, — хотя сама страдала.

Если бы не Наоми, я бы не выдержал. Ни минуты из той, что провел в компании Шарлотты. Я полон эгоизма и осознавал свою вину, но ни за что не справился бы без Наоми.

Теперь мне казалось, что я вообще ни на что не способен, когда этой девушки не было рядом. Я полностью зависел от нее, эмоционально и физически. Минута, час, день без нее... от мысли о разлуке мне хотелось разрушить весь мир, сломать все преграды, мешающие нам быть вместе всегда и везде.

Я так любил ее.

Обещаю, Наоми, отныне я не стану обрекать тебя на такие муки.

Прошло шесть дней, и я скучал по Лукасу. Безрадостная тоска рвала мое сердце на части. На работе я мог часами смотреть на единственную фотографию мальчика, которая у меня была. Я хотел видеть его каждый день, я хотел, чтобы Лукас как можно скорее стал неотъемлемой частью моей жизни. Наоми не имела ничего против этого, но мы оба были против Шарлотты — единственной причины, по которой я буду видеть Лукаса раз в неделю. По крайней мере, наши встречи обязуются проходить в ее присутствии до тех пор, пока я официально не стану его отцом (больше я просто физически не смогу вынести присутствия блондинки, ее прекрасно хватает в стенах офиса). Но я уже занялся устранением этой проблемы.

В уголках моей души теплилось чувство вины, ведь мне казалось, что думая о сыне столько времени, я предаю Наоми и свои чувства к ней... Глупости, да?

— Чувак, — Джейсон отвесил мне подзатыльник. Я проморгался и уставился на него полуувопросительным, полуубийственным взглядом. Жить надоело? Увидев на моем лице хмурую недружелюбную маску, он кашлянул в кулак. — О чём ты, черт возьми, думаешь в такое время?

Теперь на меня смотрели еще две пары глаз.

Отлично.

Я послал ему взгляд: «Заткнись-пока-я-не-треснул-тебе». Он моментально понял меня, невинно пожал плечами и отвернулся к телику. Джессика, наблюдая за нами, тихо хмыкнула, закинул в рот крекер и последовала примеру своего парня. Но перед тем как вернуть все свое внимание к игре, она ткнула локтем в бок Наоми, которая все еще пристально наблюдала за мной. Я заерзal на диване, вдруг ощущив себя так, будто сижу на битом стекле, и отвернулся от нее первый.

Вечер пятницы мы решили посвятить просмотру футбольного матча, — долгожданного для меня и Джейсона. Ради этого события он приехал из Индианаполиса на все выходные. Заручившись поддержкой закусок и пива, наша скромная компания обстроилась перед телевизором в гостиной нашего с Наоми дома.

Планы несколько изменились, ведь изначально мы думали зависнуть в крохотном спорт-баре Спирфиша, — единственном во всем городе, надо отметить, обиталище уставших от жизни сорокалетних женатиков. Но благодаря «своевременной» драке местных ребят бар закрыли на ремонт и откроют только на следующей неделе.

Я пялился на экран, но едва представлял, что там творилось. Судя по ликующему выражению на лице Джейсона, дела у команды, за которую он болел, шли прекрасно. Исходя из этого, я пришел к выводу, что у моей команды не все так замечательно.

Сейчас я завидовал другу. Он мог сидеть у меня дома, пить мое пиво, смотреть мой телевизор, смеяться и громко комментировать подачи игроков. Он выглядел беззаботным и спокойным. Я надеялся, что сумею расслабиться и повеселиться с друзьями, но в очередной раз оказался не прав.

Интересно, совершая ошибки — это талант? Тогда я чертовски крут.

Я вздохнул.

Все, о чем у меня хватало сил думать, так это о том, что Шарлотта должна позвонить на выходных и назначить следующую встречу с Лукасом.

У меня закончилось пиво.

Я резко встал с дивана, чтобы пойти на кухню, и заметил, как Наоми вздрогнула. Ее агатовые, широко распахнутые глаза были наполнены безмолвной тревогой. Каждый раз, когда я видел ее лицо таким, мне становилось очень паршиво.

Я выдавил натянутую улыбку и вновь поспешил отвернуться, чтобы она не видела моих плотно сжатых губ, стиснутой челюсти и сведенных у переносицы бровей.

Никто, кроме нее, не смотрел мне в спину, пока я плелся из гостиной в сторону кухни.

Я взял баночку «Budweiser⁴», но вместо того, чтобы вернуться к остальным, проскользнул во двор в надежде, что вечерний густой воздух сможет немного охладить мои раскаленные мысли.

Я погрузил руки в карманы джинсов и смотрел, как слабо мерцают звезды. Услышав позади себя приглушенное движение, я напрягся, потому что сразу узнал в нерешительных шагах Наоми.

Через несколько секунд ее руки обвились вокруг моей талии. Она уткнулась носом между лопаток и шумно выдохнула. Ее горячее дыхание отозвалось волной мурашек по моей коже, заставив волосы встать дыбом. Я прикрыл глаза. Я искал покой, и я обрел его.

---

⁴ Марка чешского пива.

Ощущение абсолютного спокойствия поглотило меня без остатка, хотя минуту назад мне казалось, будто я вот-вот свихнусь.

— Почему ты ушел? — спросила Наоми, все еще прижимаясь ко мне.

Я покал плечами. Хотелось просто стоять и наслаждаться ее теплом.

— Ты какой-то странный в последнее время, — кажется, что она не разделяла моего желания насладиться тишиной. Она говорила тихо и робко, наверняка боялась оступиться, сказать что-нибудь неосторожное.

Наоми волновалась обо мне, и я не мог проигнорировать это.

Я прочистил горло.

— Все в порядке, детка, — ответил с опозданием.

Наоми фыркнула и отстранилась щекой от моей левой лопатки.

— Мне ты можешь не лгать, — заверила она с толикой обидой в голосе. — Просто поговори со мной, Зак. Не отдаляйся. Пожалуйста.

Я хрюкло застонал и дернулся, чтобы развернуться к ней лицом и впиться в ее пухлые розовые губы, чтобы поглотить сомнения и переживания глубоким, крепким поцелуем.

Но Наоми не позволила мне сделать этого. Она усилила свою хватку, удерживая меня в одном положении, практически лишая возможности доказать ей, что она не права.

Мои брови изумленно взметнулись вверх.

Наоми ждала ответа.

Я свесил руки вдоль тела, признав поражение, и опустил голову.

— Наоми, я... я никогда не отдалюсь от тебя, — сказал, от всей души желая, чтобы она верила мне. — Никогда.

— Никогда? — переспросила она.

Я расправил плечи.

— Никогда.

Наоми замолкла, и я мог поклясться, что сейчас она кусала нижнюю губу.

— Но ты все-таки не в порядке, — она прислонилась ко мне лбом.

На этот раз Наоми не стала останавливать меня, когда я встал к ней лицом. Может быть, оттого, что не ожидала, что я повернусь к ней так быстро. Может быть, тоже сдалась. Я поместил ее поникшее лицо в свои ладони и приподнял так, чтобы она могла беспрепятственно смотреть на меня, а я на нее.

Я наклонился вперед, понизив голос до шепота:

— Я люблю тебя. Прошу, не беспокойся обо мне, хорошо? Я обещаю, что скоро все наладится. Только дай мне немного времени разобраться с этим, — я поцеловал Наоми в лоб и с мольбой взглянул в бездонные черные глаза, обрамлены густыми длинными ресницами.

— Зак, — ее голос слегка дрогнул, — тебе не нужно просить меня дать тебе время.

— Нет. Нужно. И я представить не могу, через что ты сейчас проходишь из-за меня... Наоми закатила глаза.

— Прекрати.

Я покачал головой.

— Позволь мне сказать, что я восхищаюсь твоей стрессоустойчивостью. Сомневаюсь, что смог быть таким же спокойным, если бы узнал, что у тебя неожиданно появился ребенок.

Ее щеки зарумянились.

— Во-первых, это не было бы неожиданностью, для меня, по крайней мере. Во-вторых, — она сузила глаза, — вот значит как, да?

— Да. Я бы тут же бросил тебя.

— Не смешно! — она вырвалась из моих рук и шлепнула меня по плечу.

Я засмеялся и прежде, чем Наоми успела сделать шаг к дому, вновь заключил ее в кольцо объятий. Теперь я прижался к ней всем своим телом, не собираясь отпускать ни при каких обстоятельствах. Не сейчас.

Наоми откинула голову назад, подставив шею для поцелуев. Я нежно прикоснулся губами к пульсирующей жилке и лизнул кончиком языка этот небольшой участок соленой, мягкой кожи. Издав шумный вздох, она вцепилась пальцами в мои руки, сжимавшие ее талию.

— Кажется, мы еще не занимались любовью во дворе, — проговорил я, опьяняемый ароматом ее смуглого тела. Наоми всегда пахла великолепно.

— С ума сошел? — запаниковала она, пытаясь отстраниться. — У нас вообще-то гости.

— Разве это может остановить меня?

Она громко проглотила возражения.

Я оголил от ткани вязаного бежевого свитера ее плечо и стал покрывать неторопливыми короткими поцелуями острые ключицы. Длинные, густые волосы, пахнущие яблоком и медом, то и дело оказывались у меня во рту, поэтому я аккуратно собрал их в хвост и перебросил на другое плечо.

Однозначно поздно останавливаться. Я всегда возбужден, когда рядом находилась Наоми. Стоило прикоснуться к ней, и утолить голод моего тела становилось практически невозможно. От поцелуев сносило голову; слова, ласковые и теплые, будоражат рассудок, лишая возможности мыслить трезво. Когда я входил в нее, то перемещался в рай. Возносился к небесам и не хотел спускаться на землю, к реальности. Именно она, каждая частичка ее естества делала меня самым счастливым мужчиной на свете.

Сейчас я хотел окунуться в это маленькое, темноволосое счастье и потеряться в нем настолько, насколько хватит сил.

— Мы должны вернуться к Джесс и Дж...

Я не дал ей договорить, ловко просунув ладонь в джинсы, пробравшись сквозь трусики и накрыв пальцами чувствительную зону.

Наоми вскрикнула, сексуально и громко, мгновенно обмякнув. Я сильнее прижался своей потвердевшей плотью к ее упругой попке.

— Тише, малышка, — второй рукой закрыл ей рот, чтобы нас не услышали.

Я повел ее вглубь двора, в тень раскидистого дерева, куда не проникал слабый фонарный свет с дороги. Я прижал Наоми к мощному широкому стволу, по-прежнему упираясь в нее стояком. Мои губы скользили по задней стороне тонкой шеи, а пальцы правой руки вытворяли дикие вещи с ее киской. Наоми сладко стонала и извивалась, доводя меня до безумия. Стиснув зубы, я приказал себе не торопиться, но все внутри меня изнемогало от желания трахнуть ее. Боль возбуждения была чертовски невыносимой.

Я прикусил мочку ее уха, и Наоми выгнулась в спине, подаввшись назад, навстречу моей каменной эрекции. Еще немного, и я точно кончу в штаны.

Она шептала мое имя, когда я целовал ее скулы и опускал вниз джинсы, свои и ее. Опершись руками о дерево, она наклонилась вперед. Я провел ладонью по гладкой коже спины и впился пальцами в бока.

Я пристроился и вошел в нее.

— Боже! — шепотом выкрикнула Наоми.

Я сморщился от боли и наслаждения, одновременно пронзивших мое тело, и начал яростно двигаться в ней.

Наши учащенные неровные вдохи и выдохи вспыхивали и гасли в тишине, как звезды на иссиня-черном небе. Шуршание одежды сливалось в унисон с шелестом листвы.

Вспотевший и изнеможенный от приближающегося цунами экстаза, я бился в Наоми, тратя последние силы на то, чтобы заставить этот мир разлететься на мелкие кусочки. У нее дрожали колени, и я помогал ей держаться на ногах, чтобы мы оба не упали.

Толчок.

Еще один.

Протяжный хриплый стон. Мой стон.

Отрывистый шепот и горячие губы, ищащие в ночи мои.

Я кончил в Наоми, изливая все свое естество, заполняя ее собой до краев.

Она выпрямилась, и я вжал ее тяжестью своего тела в дерево. Затем мы оба скатились вниз. Я слышал громоподобное биение наших сердец. Я все еще был в Наоми.

Так тепло. Так хорошо. Так уютно.

— Я люблю тебя, — сказал я.

Она ответила не сразу, приводя дыхание в норму.

— Я люблю тебя, — вторил моему ее негромкий голос.

Мы неторопливо поднялись с холодной земли и оделись, отряхивая друг друга от влажных после недавнего дождя опавших листьев.

Я ожидал, что наши друзья хотя бы сделали вид, будто потерял нас, и им интересно, где мы пропадали столько времени. Но они были полностью охвачены матчем, который подходил к концу.

ШЕСТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Никогда бы не подумал, что так быстро привыкну к Лукасу.

Оглядываясь назад, во времена моей жизни, когда все было до лампочки, и единственное, в чем я видел смысл — это тонны бухла и случайные связи для развлечений — я бы ни за что не поверил, что полюблю, когда меня будут называть папой.

Прекрасный ребенок — мой сын, моя кровь (в чем я теперь абсолютно уверен) — покорил мое сердце своей невинной широкой улыбкой и большими, искрящимися теплотой и задором глазами.

Я встречался с Лукасом еще пять раз, по выходным. Я виделся с сыном без Наоми и испытывал двоякое чувство. С одной стороны я мог дышать спокойно, потому что знал, что Наоми вне зоны воздействия Шарлотты, которая, к моему огромному сожалению, так же присутствовала. Игнорировать ее не составляло труда, ведь я был чертовски поглощен Лукасом. Каждый раз, видя мальчика, мне казалось, будто из мира стерты гнев и злость. Своим переливающимся звонким смехом Лукас очищал мою душу. С другой стороны под

маской смелого парня я испытывал пустоту, потому что рядом со мной не было той, кому я вручил свое сердце. Но меня спасало то, что Наоми верила в меня.

В водовороте нахлынувших событий, перевернувших реальность с ног на голову, я не заметил, как пролетели недели, и до Рождества оставалось всего несколько дней.

Наше первое совместное Рождество с Наоми.

Яркое воспоминание, которое мы сохраним в своей памяти, и через пять, десять лет, нянчась с нашими детьми, будем вспоминать об этом с улыбками на лице.

Наше первое Рождество, которое я ожидал с приятным волнением.

Я ненавидел суматоху и беготню по магазинам, я терпеть не мог стоять в очереди больше десяти минут, но исключением стала подготовка к празднику. Это настоящий ад. Чертовски изматывающая гонка за подарками семьям и друзьям. Будто кто-то опустил рычаг, и люди сошли с ума, превратившись в одичавших созданий с единственной запограммированной целью: смести все на своем пути, чтобы купить как можно больше на предпраздничных распродажах.

Серьезно. Это смешно.

Наверное, за несколько дней я обошел столько магазинов, во скольких ни был за всю свою жизнь.

Наоми основательно загрузила мой несчастный мозг, составив длиннющий список того, что я должен приобрести для Рождства. Любой ценой.

— Даже ценой собственной жизни, достань эти неоновые лампочки, — с непоколебимым выражением лица сказала она решительным голосом, тыкая указательным пальцем в открытый каталог одного из супермаркетов Рапид-Сити.

— Серьезно, детка? Ты готова пожертвовать моей жизнью ради этих безделушек?

— Без сомнений, малыш.

— Ауч. Мое сердце разбито.

Наоми была беспощадна, когда я умолял ее помочь, но она наотрез отказалась составить мне компанию в битве за неоновыми лампочками, гирляндами, ароматическими свечами, гигантской елкой, которую я едва успел купить. Я промолчу о том, как затащил ее в дом, чуть не сломав входную дверь. И еще сотней других мелочей, из-за которых я несколько дней подряд возвращался поздним вечером и заваливался на кровать без малейших сил.

Я был поражен тем, что Наоми не подавала признаков усталости и демонстрировала по-настоящему боевой дух. Она была полна сил и энергии, хотя прилагала вдвое больше усилий в подготовке к празднику. То, как горели ее глаза, когда она тщательно выбирала блюда, которые будут стоять на столе, побуждали мой дух хорошенъко постараться, чтобы наше первое Рождество было идеальным.

Ранним утром двадцать пятого декабря я проснулся от шума, исходящего с улицы. Детские крики, смешавшиеся с визгливым высоким смехом, заставили меня поморщиться и плотнее укутаться в толстое одеяло. Моя рука машинально потянулась к Наоми, чтобы крепко обнять ее и притянуть к себе, но... мои пальцы нашупали лишь небольшие складки на прохладной простыне.

Я тут же распахнул глаза, ощущив непривычный укол беспокойства в груди.

Сквозь неясную пелену, мешающей рассмотреть комнату, я неторопливо присел на кровати и начал оглядываться в поисках своей девушки. Одеяло соскользнуло с моей

обнаженной груди, и холодный воздух, прогнавший волну мурашек по всему телу, быстро вывел меня из дремоты.

— Какого черта? — пробормотал я, протирая глаза.

Идеальное Рождество должно было начаться с совместного пробуждения и ленивого поцелуя, после чего мы бы отправились в душ. А после еще час торчали бы в спальне, выбирая друг для друга одежду. Но из всех вариантов остановились бы на подарках наших родителях — вязанных свитерах в тепло-зеленых тонах, — которые они прислали нам накануне. Мы выглядели бы немного глупо, но уютно. И только ближе к обеду нам бы удалось добраться до кухни. Я бы сидел за кухонной стойкой и наблюдал, как Наоми готовит нам горячий шоколад. Осушив пару стаканов в умиротворяющей тишине, мы бы завершили подготовку к Рождеству.

Но я проснулся один. Соседские детки орали так громко, что у меня сложилось впечатление, будто стены дома сделаны из картона, и случайный бросок снежного комка мог разрушить его. Покинув постель и оставив после себя беспорядок, я напялил первую попавшуюся футболку и отправился искать Наоми.

Я не нашел ее.

Дом был пуст.

Я звонил ей, но ни одна из тринадцати попыток не увенчалась успехом.

Куда она, черт возьми, пропала?!

Раздражение, перемешавшееся с паникой, уничтожило во мне уверенность, что это Рождество пройдет безупречно.

День с самого начала был обречен стать не таким, каким мы его планировали с Наоми.

«Детка, где ты? Ответь мне, пожалуйста. Я проснулся и не нашел тебя дома. Ты чертовски напугала меня своим отсутствием».

Я нажал «отправить» и плюхнулся на диван, откинув голову назад. Сфокусировав взгляд на потолке, я теребил в руке телефон. Так старательно украшенная Наоми гостиная почему-то стала вызывать во мне злость. Словно декорации к мелодраме, и я в роли главного героя-неудачника, которого собирались бросить девушка.

«Дерьмо. Клянусь, если ты не ответишь мне через минуту, я накажу тебя, как только ты вернешься домой».

Мой телефон продолжал молчать и через пять, шесть, десять минут.

«Ты мазохистка. Так жаждешь быть отшелепанной?».

Засранка.

«Ты действительно решила бросить меня, малышка?».

Ничего.

«Умоляю, ответь мне хоть что-нибудь. Я дико переживаю».

Наоми потребовалось всего лишь час, чтобы погрузить меня в отчаяние.

Наше идеальное Рождество...

Оно останется совершенным и *нашим* только в мечтах?

***

— Ты должна была сказать, куда отправляешься, с кем, и как долго тебя не будет.

— Знаю. Прости. Мне следовало оставить тебе записку.

— Да. Тебе следовало это сделать.

— Просто Джесс позвала меня так неожиданно! Я, правда, хотела дождаться, когда ты проснешься.

— Ты хоть представляешь, через какие круги ада мне пришлось пройти за эти три часа, пока я не мог дозвониться до тебя?

Вздох. Наоми чувствовала себя виноватой. Я не видел ее, но слышал голос, и даже закрыв глаза, мог представить, как она, раскаявшись, кусает губу.

— Я не слышала твоих звонков. В магазине было так шумно. Две дамочки устроили бои без правил в продуктовом павильоне из-за клюквенного соуса. Боже. Зак, это было... я даже не знаю, как передать тебе то, что видели мы с Джесс, — Наоми хрипло рассмеялась.

— Я словно побывала на бое Дэна Хендерсона⁵ и Джейффа Монсона⁶.

— Рад, что ты повеселилась, — сказал я, усердно сдерживая смех, но улыбка все же растянулась на моих губах.

— Это было отвратительно. В смысле, те женщины наверняка имеют детей и мужей. Бьюсь об заклад, они отличные домохозяйки, которые тусуются на кулинарных блогах. Но то, что они вытворяли сегодня, едва не лишило меня психики. В безумие впали не только они. Спирфиш свихнулся. В Индианаполисе я не сталкивалась ни с чем подобным. Рождество так влияет на маленькие города, да?

— Скорее возвращайся домой. Здесь безопасно. Я защищу тебя от свихнувшихся домохозяек.

— Мы на заправке. Тут все глухо, а это странно, и немного жутковато.

— Детка, я могу приехать и забрать тебя прямо сейчас.

— Нет. Все в порядке. Правда. Если что, я напишу, или позвоню тебе, ладно? Не беспокойся.

— Хорошо.

— Прости, Зак. Мне очень жаль, что так вышло.

— Дорогая, ты хорошенко потрепала мне нервы своим исчезновением. Не жди, что легко отделаешься, и не думай, что эту рождественскую ночь мы проведем в обнимку на диване за просмотром комедий. Ты. Я. Спальня. Твои громкие стоны до рассвета.

---

⁵ Американский спортсмен, борец вольного и греко-римского стиля, специалист в смешанных боевых искусствах. На 10 июля 2015 года занимал 13 место в рейтинге лучших бойцов UFC в среднем весе.

⁶ Американский и российский спортсмен, выступающий в смешанных единоборствах и бразильском джиу-джитсу. Является двукратным победителем ADCC Submission Wrestling World Championship и чемпионом мира по бразильскому джиу-джитсу.

Американский и российский спортсмен, выступающий в смешанных единоборствах и бразильском джиу-джитсу. Монсон является двукратным победителем ADCC Submission Wrestling World Championship и чемпионом мира по бразильскому джиу-джитсу.

— Договорились. Ты прощаешь меня?

— Я скажу об этом утром.

Наоми усмехнулась.

— Хорошо. Я скоро буду.

Я ждал ее.

В гостиной, погруженный в абсолютную тишину и рой своих спутанных мыслей.

Я ждал ее, не представляя, что через считанные мгновения совершу ужаснейшую ошибку. Очередную.

Еще одну.

Секундная стрелка часов беспощадно отбирала у меня спокойствие, на которое я смотрел сквозь мягкую пелену волнения.

Когда раздался телефонный звонок, и на экране мобильника высветилось это имя, я должен был проигнорировать.

Эта девушка...

Просто нажать на красную кнопку. Все, что от меня требовалось. И жить дальше. Счастливо. С Наоми.

Но я ответил. Прислонил телефон к уху и услышал ее жалостливый голос.

Придурок.

Очень скоро я пожалею об этом, ведь все на самом деле будет кончено.

СЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА

— Малышка, возьми трубку, — нервно бормотал я, напряженно сжимая пальцами смартфон. Вторая рука лежала на руле. Я сверлил рассеянным взором дорогу перед собой и хотел разнести все к дьяволу, потому что слушать монотонные длинные гудки вместо хрипловатого родного голоса было выше моих сил.

Наоми снова не отвечала.

— Проклятье! — я начал шипеть ругательства, отбросив телефон на соседнее кресло автомобиля.

Ну почему именно сейчас? Почему сегодня?

Шарлота, черт бы ее побрал.

Она позвонила полчаса назад. По ее глупому хихиканию и бессвязному лепету я понял, что Шарлотта пьяна. Первым делом, конечно же, я спросил о Лукасе. Хорошо, что у нее хватило ума отправить его к ее родителям прежде, чем напиться.

Каким-то «чудесным» образом сумасбродную мисс Скарлет занесло в Спирфиш. На самом деле, я не успел узнать, какого хрена она оказалась здесь, потому что, промямлив о своем местонахождении, она начала всхлипывать и просить отвести ее домой, прохныкала, что очень замерзла, а затем сбросила вызов.

Идиотка! И это самое мягкое ругательство, которое плавило огнем гнева кончик моего языка.

Я был так зол и взбешен, что не сомневался: как только увижу ее, то придуши собственными руками. А затем оставлю. И больше никогда — никогда, черт подери, — не буду отвечать на ее звонки.

Первые несколько минут я смело игнорировал зарождающееся беспокойство.

«Господи, абсолютно плевать, что она напилась. Она взрослая девочка и должна хоть немного думать серым веществом» я убеждал себя в этом, размеряя спальню большими шагами, блуждая из угла в угол.

Но, проклятье...

Я был не в состоянии игнорировать тревожные мысли о Лукасе. Если с Шарлоттой что-нибудь случится, ему будет очень больно. Я просто не имел права позволить своему сыну испытать нечто настолько опустошающее и страшное.

Я пытался вызвать Шарлотте такси, но, стоит признать, мне не следовало рассчитывать на везение в Рождественский вечер.

Я смирился с тем, что у меня не осталось других вариантов.

Я должен был забрать ее.

Ругаясь вслух, я схватил куртку и помчался к машине, чтобы отправить неугомонную задницу Шарлотты домой. Она должна была ждать меня на перекрестке улиц Уэст Гранд-стрит и Майер-авеню — это примерно в пятнадцати минутах езды, если не превышать скорость в сорок километров в час. Но я импульсивно вдавил педаль газа в пол, до упора, шкала спидометра дрожала между цифрами восемьдесят и восемьдесят три.

Я волновался за Шарлотту и ненавидел себя, потому что вновь поступал не правильно по отношению к Наоми. Снова, в тысячный — нет — миллионный раз. Почему она любила такого, как я? Я ведь лгал. Все время. Нет. Я вовсе не жаловался. Эта девушка — лучшее, что судьба могла даровать мне.

Возможно, уже сейчас Наоми подъезжала к *нашему* дому, чтобы мы *вместе* отпраздновали Рождество.

Я крепко держался за руль двумя руками. Мои пальцы впивались в кожаную обивку с такой силой, что, казалось, я сумею прорезать материал.

Я снова написал ей, уповая на то, что моя малышка все поймет и не станет сердиться. Я пообещал, что вернусь вечером.

Чтоб всех, я обязан вернуться к Наоми как можно скорее, чтобы крепко обнять и спокойно выдохнуть, потому что Шарлотта не наделает глупостей, а Наоми будет ютиться в моих руках, прижавшись щекой к груди, в которой дико колотится уставшее сердце.

Я сжал переносицу, остановившись на светофоре. За мной пристроились еще три машины. Люди в них едут к своим семьям? Друзьям? Мой взгляд ненавязчиво устремился на боковое зеркало заднего вида. Мужчина в «Ниссане» улыбался и что-то восторженно говорил женщине рядом. Своей жене, я так думаю. Она улыбалась, наблюдая за тем, как бурно жестикулировал ее муж. Парочка выглядела счастливой. Я сумел разглядеть, что на них были одинаковые свитера под расстегнутыми куртками.

Светофор переключился на зеленый свет. Я встряхнул головой и отвернулся, вновь сосредоточившись на дороге.

Спустя пару минут я заметил Шарлотту, одетую в короткое пальто кричащего красного оттенка. Она неуверенно стояла на ногах, прислонившись к невзрачному фургончику с горячими напитками, и дышала в сложенные у рта ладони. Улицы

пустовали, и это было совершенно неудивительно, потому что легкий, утренний снегопад превратился в завывающую метель.

В машине был выключен обогреватель, но внезапно я ощутил прилив лихорадочного жара.

Резко нажав на тормоз в двух метрах от трясущейся фигуры Шарлотты, я не смог сдержать злорадства, когда она вздрогнула от испуга.

Угрюмо насупившись, я мотнул головой в сторону соседнего кресла, как бы говоря, чтобы она немедленно опустила туда свою задницу, и мы тут же отправились в Рапид-Сити. Робко улыбнувшись, Шарлотта качающейся подходкой направилась к автомобилю. Серьезно?! Она напялила обувь на высоких каблуках, когда так скользко?

— У тебя есть ровно десять секунд, чтобы найти действительно стоящую причину для того, почему я, черт бы тебя побрал, Шарлотта Скарлет, нахожусь здесь вместо того, чтобы спокойно готовиться к празднику в компании своей девушки, — процидил я, как только она заползла в салон внедорожника.

Ухмыльнувшись, Шарлотта неторопливым движением поправила укладку, которой удалось сохранить приличный вид, невзирая на порывистый ветер, и наклонясь в мою сторону.

— Ради бога, — я поморщился, потому что от нее за милю тащило текилой.

— Ты такой милашка, когда злишься, Зак, — промурлыкала она, пытаясь коснуться своим пальцем моего носа, но я отбросил ее руку в сторону. Шарлотта фыркнула. — У меня были дела в Спирфише. Кое-что пошло не так, и ради спасения ситуации мне пришлось выпить. Признаю. Я переборщила. Совсем чуть-чуть. Нет, вообще-то, в этом нет моей вины. Все из-за тебя. Все безумие, происходящее в моей жизни, из-за тебя.

— Сколько ты выпила? Клянусь, если ты хоть раз появлялась перед Лукасом в таком состоянии, то я...

— Успокойся. Я бы ни когда не позволила Лукасу увидеть меня такой. Просто... поехали уже, пожалуйста, — ее голос резко сделался тихим.

Провозившись минуту с ремнем безопасности, Шарлотта шумно выдохнула от неожиданно резкого толчка вперед, когда автомобиль тронулся с места.

***

По новостям передавали штормовое предупреждение.

В Рапид-Сити творился настоящий хаос.

За два часа расчищенные дороги замело снегом так, что по всему городу образовались огромные пробки — белая пурга, из-за которой видимость происходящего на улицах снизилась до минимума, лишила водителей возможности свободно перемещаться на своем транспорте. Едва добравшись до дома, в котором жила Шарлотта (я был там впервые), я осознал, как нам повезло, потому что, задержи нас что угодно минут на десять-двадцать, и мы бы оказались среди бесчисленного ряда словно застывших во времени автомобилей. Мы бы застряли там на черт знает сколько часов.

Но я и так застрял.

Только в доме Шарлотты, потому что у меня не было шанса сесть в машину и вернуться в Спирфиш незамедлительно. И мысль об этом заставила меня усомниться:

действительно ли случилось везение, что мы не застряли на одной из заснеженных улиц Рапид-Сити? Мне уже так не казалось.

Я не смогу вернуться к Наоми до тех пор, пока не закончится снежный ураган.

— Ты выглядишь напряженным, — безучастно констатировала Шарлотта, бросая пальто на стеклянный столик в прихожей. — Проходи, чувствуй себя, как дома.

Нахмутившись ее последним сказанным словам, я огляделся.

Просторная гостиная, совмещенная с обеденной зоной, напомнила мне магазин детских игрушек. Потому что игрушки были повсюду, но не возникало ощущение беспорядка. Наоборот, это выглядело очень милым и пахло уютом. На журнальном столике лежали небрежно раскиданные листы с рисунками. Почти половину громоздкого углового дивана занимал огромный мягкий лев в пиратской шляпе, а под одной из передних лап находился сверток. Карта?

Заметив мой заинтересованный взгляд, Шарлотта пояснила:

— Лукас обожает Джека Воробья, поэтому мы часто играем в пиратов и ищем сокровища.

Уголки моих губ невольно приподнялись вверх.

У длинного аквариума, встроенного в стену, стоял синтезатор. Шарлотта умела играть?

— Я собираюсь принять душ, — ее приглушенный хриплый голос раздался совсем близко. — Не хочешь составить мне компанию?

— Не в этой жизни.

— Что с тобой не так, Зак? — сложив губы в трубочку, она напустила на себя обиженный вид. — Любой другой мужчина на твоем месте давно бы пускал слюни только при виде моего тела.

Вероломно вторгнувшись в мое личное пространство, Шарлотта провела ладонью по моему торсу, облизнув верхнюю губу.

— Ты давным-давно перестала привлекать меня, — я закатил глаза и мягко оттолкнул ее от себя.

Но она подошла снова.

— Прекрати. Я не шучу.

Кажется, она хорошо постаралась напиться как можно сильнее, потому что, в очередной раз проигнорировал мое предупреждение, приподнялась на носочки и прильнула к моей шее. Шарлотта сделала глубокий вдох, вдыхая аромат моего парфюма. Ее руки ловко обвились вокруг моей талии. Она действовала поразительно быстро для пьяной и была на удивление сильной.

— Это ты прекрати, Зак. Строишь из себя недотрогу? Весь такой правильный, верен своей девушке... Серьезно? На это смешно смотреть. Такие, как ты, не становятся пай-мальчиками, не влюбляются в хороших девочек. Такие, как ты, не меняются и не становятся хорошими мужьями.

— Ты заходишь слишком далеко, — я поморщился, пытаясь избавиться от ее рук, которые навязчиво исследовали мою спину. — Не заставляй меня становиться последним поддонком.

— О, не сдерживай себя со мной! — мои слова только раззадорили ее, зажгли в ее глазах огонь и нарисовали на губах насмешливую улыбку. — Пройдет время, и ты поймешь, что правильная жизнь не подходит тебе. И от щенячьей преданности к Наоми не

останется следа. Ты бросишь ее. Разобьешь ей сердце и оставишь ни с чем. Как делал это с остальными.

— Мои отношения с Наоми тебя совершенно не касаются, уясни раз и навсегда, — прорычал я, перехватив тонкие запястья Шарлотты и с силой сжав их. — По-моему, выглядишь смешно здесь только ты. Ты — моя самая большая ошибка в жизни, и знание того, что ты мать моего сына, мне омерзительнее всего. Я ненавижу вспоминать то, каким идиотом был, когда мечтал держать тебя за руку, когда мне казалось, будто ты самая прекрасная девушка во всем мире. Потому что ты была, есть и останешься эгоистичной дрянью.

Возможно, я переборщил, но не смог остановиться даже тогда, когда увидел застывшие слезы в голубых глазах, с неожиданной робостью глядящих на меня.

— Кажется, ты хотела принять душ? — выдавил я на шумном выдохе и подхватил Шарлотту, закинув на плечо.

Она вырывалась, нечленораздельно вопила ругательства вперемешку с проклятиями и требовала отпустить. Я нашел ванную комнату и завел нас туда, поставил Шарлотту на кафельный пол и включил душ. Удерживая девушку одной рукой так, чтобы она не могла побить меня, второй я направил на нее струи ледяной воды.

Шарлотта извивалась и плакала. Она говорила и говорила, но я не понял и слова из всей ее гневной тирады, обрушенной в мой адрес. Спустя несколько минут она перестала сопротивляться, сдавшись, и выглядела полностью отчаявшейся. Ее одежда — бардовая блузка и черная юбка — промокла, прилипнув к телу. И моя фланелевая рубашка попала в «зону поражения». Вода струилась по длинным светлым волосам, уничтожив прическу, и по ничего не выражавшему бледному лицу, оставив черные разводы от туши под глазами.

Я выключил душ, взял с умывальника аккуратно сложенное ванное полотенце и бросил его Шарлотте.

— Прости, — просипела она, устремив взгляд в пол.

Я проглотил сарказм и отвернулся от нее, чтобы уйти.

— Считаешь меня отвратительной? — краем глаза увидел, как Шарлотта обернула вокруг плеч полотенце и села на край ванны.

Я промолчал.

— Мне не стыдно. Кто бы что ни думал, я ни о чем не жалею. Да. Я отвратительна. Я плохая, потому что хочу быть счастливой. Я плохая, потому что хочу, чтобы мой сын вырос в полноценной семье. И если для этого потребуется причинить кому-то боль, то я рискну. Если борьба за счастье для тебя зло, то я согласна быть дьяволом.

Я покинул дом, чтобы переждать метель в машине.

ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА

Дьявольски хотелось спать.

Ночевать в машине — последнее, что я когда-либо захочу повторить.

Протрезвев и успокоившись, Шарлотта пыталась уговорить меня вернуться в дом, но я даже не посмотрел в ее сторону. Я предпочел замерзнуть в холодном автомобиле, на половину утонувшем в стремительно выросшем сугробе, чем провести хотя бы еще несколько минут в одном помещении с сумасбродной блондинкой.

Хорошо, что я все-таки не замерз насмерть.

К четырем часам утра снегопад прекратился. Уже к обеду дороги Рапид-Сити были благополучно расчищены, и я мог ехать.

Я нервно тарабанил пальцами по рулю весь обратный путь в Спирфиш, поглядывая на телефон.

Наоми ни разу не позвонила мне со вчерашнего дня и не ответила ни на один из трехсот моих звонков. Я набирал ее номер каждые две минуты, надеясь услышать голос вместо гудков. Она решила игнорировать меня? Обиделась? Проклятье. Это плохо, если так. Очень плохо.

Но я заслуживал это. Заслуживал все, что бы она сейчас ни чувствовала. Будь то обида, злость и даже ненависть. Из-за меня наши планы на Рождество пошли коту под хвост. Наверняка она плакала в одиночестве, укрывшись одеялом с головой.

Стоило мне хоть на мгновение закрыть глаза, передо мной всплывал образ ее воодушевленной мечтательной улыбки и взгляда, устремленного в будущее — в наше идеальное Рождество, к которому она так усердно готовилась.

Я заслуживал хорошей пощечины. Определенно.

Но Наоми не оказалось дома, когда я вернулся. Ни в гостионой, ни на кухне, ни в спальне — я зашел в каждую комнату. Переступив порог, единственное, что я услышал, это отчетливое и громкое тиканье настенных часов. Меня встретила звонкая тишина и чувство вины, витавшее в морозном недвижном воздухе.

За эту ночь не произошло никаких изменений. Похоже, Наоми не стала встречать Рождество без меня. Праздничный стол так и не был накрыт. На кухне я увидел не распакованные пакеты с продуктами, которые Наоми привезла из супермаркета.

Наверняка, она с Джессикой.

Я позвонил Джессике, и она подтвердила, что Наоми с ней. Они в общежитии — единственные оставшиеся во всем здании — и я сказал, что сейчас подъеду.

Заезжая в университетский городок, я лихорадочно подбирал слова оправданий. Но у меня сперло дыхание и сердце, издав приглушенный болезненный толчок, рухнуло в желудок. Оно стало пульсировать с яростной силой, когда мой взгляд наткнулся на знакомую «Porsche Panamera» серебристого цвета, припаркованную у общежития.

Я уже видел эту тачку.

Видел ее владельца.

Темноволосый мудак, который однажды рискнул подкатить к моей девушке и, к его несчастью, был замечен за этим мной.

В прошлый раз я был слишком добр, и он отделался лишь вмятиной на бампере его «Porsche». Мне следовало оставить вмятину и на лице наглого ублюдка.

Я раздраженно сдвинул брови у переносицы, когда, подъехав чуть ближе, увидел того самого парня у входа в общежитие. И я едва не взорвался, обнаружив Джессику и Наоми в его компании. Более того, он стоял чертовски близко к Наоми, всей своей позой экспонируя желание оказаться еще ближе. Намного ближе. Возможно, даже обнять ее. Взять за руку. Прикоснуться.

Она плакала.

Я увидел это, остановив внедорожник в нескольких метрах от «Porsche».

Наоми плакала, и Джессика утешала ее, гладя по плечу.

Она плакала перед тем парнем, и он смотрел на нее с таким трепетным сочувствием, от которого у меня скрутило желудок в узел необузданное желание сравнять его смазливое лицо с землей.

Я демонстративно громко хлопнул дверцей, буквально вылетая из машины, и широкими шагами преодолел расстояние, разделявшее нас. Наоми подняла голову и изумленно посмотрела на меня, как и остальные. Но меня будоражил только ее взгляд. Густая пелена слез застилала черные глаза — прекрасные, бездонные глаза, — и первым делом, оказавшись перед ней, я вытер влагу с маленького лица, которое выглядело изнуренным, имело слегка сероватый оттенок, словно она не спала всю ночь.

Мы были вдали друг друга лишь одну ночь, но всем своим естеством я ощущал уверенность, что прошло гораздо, гораздо больше времени. Это вызвало панику и слабую дрожь. Сделав глубокий вдох, я вдруг понял, что что-то изменилось. Между нами. Но я старательно пытался прогнать эти мысли прочь и сосредоточиться на том, чтобы как следует принести свои извинения и все объяснить.

— Малышка, — прошептал я предательски дрожащим голосом и прижал Наоми к своей груди.

Как только я сделал это, то получил полный недовольства взгляд брюнета. Он смотрел на меня с враждебностью, стиснув челюсти и сжав кулаки. Он хотел мне врезать, — я чувствовал, — и это желание было взаимным. Я ответил ему не менее пристальным взором, вложив в него всю недоброжелательность, которая клокотала в груди.

— Поехали домой, — наклонившись к Наоми, тихо сказал я ей на ухо.

Она ничего не ответила. Она не шевелилась и больше не всхлипывала.

Я был растерян и так же обездвижен. Видеть, как Наоми плачет — самое худшее, что только возможно себе представить. И невыносимее было лишь то, что я являлся причиной ее грусти.

Возможно, я бы даже хотел, чтобы парень на Porsche» хорошенъко удариł меня.

Я кратко кивнул Джесс в знак прощения и, крепко обвив плечи Наоми рукой, повел ее к внедорожнику.

— Наоми, — неуверенно окликнул ее брюнет.

Она остановилась, поэтому и я замер на месте. Вытянув шею, она обернулась к нему через мое плечо, к которому была прижата виском.

— Ты... точно будешь в порядке? — спросил он со стремительно тающей в голосе решительностью.

Мне хотелось вмешаться и сказать, чтобы он не лез в наши дела, или я лишил его глаз и языка, чтобы он больше никогда не смог ни смотреть, ни говорить с ней. Но Наоми ответила прежде, чем я открыл рот:

— Не беспокойся, Эрик. Спасибо, — меня разозлило то, как мягко звучал ее голос.

— Я напишу тебе вечером, — она обратилась к Джесс.

— Хорошо, — Джессика напряженно помахала рукой.

Я закрыл за Наоми дверь и оббежал машину, заняв место за рулем. Некоторое время я не решался завести мотор. Наоми смотрела в окно и тоже молчала. Все мои попытки начать разговор с извинений не увенчались успехом. Внутри меня происходила борьба с ревностью, которая была подобна лаве, смешавшейся с кровью, текущей по венам, целиком и мгновенно заполнившей меня без остатка.

— Почему он ошивается рядом с тобой? — с порицанием бросил я. — Тот парень.

— Что? — Наоми была ошарашена моим внезапным обвинением.

— Насколько близко вы общаетесь? — стоило мне начать, и я не мог остановиться, заткнуться, когда это просто необходимо было сделать. — Ты была с ним очень милой.

— Мы друзья, Зак, — отчеканила она. — Эрик — мой друг.

— Твой друг — Джессика. Но точно не тот болван.

— Кто дал тебе право решать за меня, с кем дружить, а кого обходить стороной?! — прикрикнула она. — Ты не должен так говорить. Ты просто... черт возьми, Зак, ты не имеешь права так говорить, когда... — Наоми резко оборвала себя, отвернувшись, запустив пальцы в волосы и запрокинув голову.

Она тяжело и глубоко дышала, а я чувствовал себя последним кретином на Земле. Я позволил своей идиотской ревности овладеть здравым рассудком очень не вовремя. За вспыхнувшей злостью я легко забыл, что должен объяснить Наоми о ситуации с Шарлоттой.

— Прости. Ты права. Я действительно не должен был говорить ничего подобного. Прости. Мне очень жаль, — слегка покраснев, спешно проговорил я севшим от внезапной сухости во рту голосом. — Насчет Шарлотты. Я должен объясниться. Она позвонила мне вчера. Она была пьяна...

Я подробно рассказал ей о том, как все было. Наоми слушала на протяжении нескольких минут, не перебивала. Я запинался и иногда путался в словах. Я чертовски волновался, как будто был повинен во всех смертных грехах и от того, как я преподносил события, приключившиеся со мной, напрямую зависела моя жизнь.

— Я звонил и писал тебе, наверное, миллион раз, — нервозный смешок слетел с моих губ, когда я закончил. — Ты видела мои звонки? Читала сообщения?

— Да, — Наоми коротко кивнула.

Я был удивлен.

— Тогда почему не отвечала?

Она ничего не сказала, и я начал нервничать.

— Ты злишься на меня? — нежно и осторожно спросил я.

— Нет, — послышался ее шепот.

— Тогда в чем дело?

Разные, нелепые мысли отыскали путь в мою голову, и я повторил свой вопрос, чтобы исключить их.

Тогда Наоми посмотрела на меня со всей серьезностью, и я заставил каждый мускул моего тела напрячься. Я был готов услышать все... ну почти, я бы вытерпел любые ее ругательства, если бы она вдруг разозлилась. Честно говоря, я ждал этого. Выплеснув злость, она почувствовала бы себя лучше. Приняв ее негодование, я бы успокоился, потому что стало бы гораздо проще искать новые точки соприкосновения.

Наоми продолжала испытывать меня немигающим, пронзительно утомленным взглядом, от которого мне стало не по себе.

— Давай сделаем перерыв.

Мы сидели на расстоянии вытянутой руки друг от друга, и вдруг салон автомобиля показался мне чертовски тесным — размером с птичью клетку, — но тем же временем я и Наоми оказались по разные стороны бескрайней непроглядной пропасти.

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ ГЛАВА

— Это невыносимо. Каждый день мориться с мыслью, что ты не принадлежишь мне. Что теперь ты принадлежишь кому-то еще. Знаю, что ревновать к ребенку чертовски глупо, но мои чувства... Зак, если бы я только могла контролировать их! Я, правда, пыталась сохранить все, как есть. Я люблю тебя. Люблю очень сильно, и это не изменится...

Проклятье.

Ее голос в моей голове. Опять.

Нет.

Он всегда там — в недосягаемой, крошечной части мозга. Но я слышал его повсюду и всегда, словно мое сознание сделало аудиозапись того разговора в машине, четыре дня назад, и прокручивало слова снова и снова. Чертов замкнутый круг. Заевшая кассетная пленка, разрушающая мою заблудившуюся в сомнениях и тоске душу.

— Я думаю... Дай мне немного времени. Я запуталась. В себе и своих чувствах.

Наконец, в ее голосе появились эмоции.

Настала моя очередь впасть в леденящее оцепенение.

Я неподвижно сидел рядом с ней, пристально глядываясь в нежные черты лица, исказившиеся в гримасе сожаления и печали. Руки тряслись, когда Наоми жестикулировала ими, страстно пытаясь выразить свои истинные чувства, максимально донести до меня, что она искренне расстроена тем, что приходится говорить мне эти бесконечно мучительные слова.

Потом она снова заплакала. Спрятала лицо за ладонями, несчастно сотрясаясь в рваных приступах рыданий. Если бы я только мог шевелиться, то незамедлительно прижал бы к себе и попытался успокоить. Я бы, не останавливаясь, шептал ей, что люблю ее и ни за что на свете не позволю уйти от меня, пусть даже на время.

— Когда я вернулась домой вечером и не увидела тебя, мне стало так плохо, Зак... Я знаю, что ты не изменил мне. Но мне страшно, понимаешь? Я боюсь, что однажды ты оставил меня.

Глупая.

— Ты же сама оставила меня.

К кому я обращался?

Дом был пуст.

Я был пуст.

В моем сердце было пусто.

— Шарлотта красивая и эффектная. И ты уже был влюблен в нее. Так что может помешать чувствам вспыхнуть вновь? У вас есть сын, и, как бы мне это ни нравилось, но ты будешь видеться с этой женщиной. И... господи, я просто ненавижу думать об этом — о вашем совместном времяпрепровождении всей семьей.

— Мы не семья, — это был единственный раз, когда я вставил свое слово.

— Я так часто вижу эти картинки, когда закрываю глаза, что скоро свихнусь! — но Наоми не слышала меня. — Я ревную тебя. Я пытаюсь понять, что ты не можешь отказатьсь от встреч с Лукасом из-за моих прихотей и неуверенности в себе. Я люблю тебя, поэтому никогда бы не попросила тебя ни о чем подобном. И именно поэтому мне так трудно делать вид, что все в порядке, и что внезапное появление Шарлотты, новость о Лукасе не сломает меня.

Она ушла?

Действительно ушла?

На самом ли деле это так?

На время... ушла?

Да. Верно.

После трех литров текилы, которые я успешно заливал в себя на протяжении очередного, необыкновенно чудовищного дня, я едва различал видения — слуховые и зрительные, — вызванные моим подсознанием, от реальности — жестокой, непревзойденно омерзительной реальности, которая беспардонно швырнула меня с небес в самое пекло грабаного ада, как какой-то бесполезный мешок мусора,

— Но я сломлена.

Ее голос вернулся, рассеяв неистовый, раскатистый звон в ушах.

— Пожалуйста, не думай, что ты в чем-то виноват, потому что это не так. Проблема исключительно во мне, малыш. Я не представляю, как быть дальше, как все должно происходить. Все стало сложным и запутанным. Возможно, прося сделать перерыв, я совершаю самую огромную ошибку в своей жизни, в то время как ты пытаешься все делать правильно. Но, боюсь, что иначе не справлюсь.

Сморщившись не от обжигающей жидкости, скользящей по горлу огненной лавиной, а от тупой боли, скжавшей сердце в тиски, я откинулся назад и раскинул руки вдоль спинки дивана.

Белый потолок кружился, гипнотизируя меня, отправляя в приятные туманные воспоминания одного далекого вечера. Я и Наоми были на свидании в одном из парков Индианаполиса, который я снял на целый вечер только для нас двоих. Она была удивительно великолепна в небесно-голубом платье, ее красивые, длинные, темные волосы струились по плечам и тонкой спине, они пахли медом и океаном, и я до сих пор отчетливо помнил каждую деталь, как будто это было только вчера. Сперва Наоми вела себя сдержанно при виде аттракционов, которые были полностью в ее распоряжении, но я видел, как сверкали детской радостью большие агатовые глаза, обрамленные пушистыми ресницами.

Я видел все это ошеломляюще ясно в белом плывущем потолке, отразившем в себе счастливые времена.

Я засмеялся.

Это вообще реально?

Наоми собрала вещи в тот же день и уехала вечером.

Я не умолял ее отказаться от своих слов. Я полностью доверял решению своей девушки. Имел ли я право препятствовать Наоми? Нет, черт возьми. Она была права во всем. Я и Шарлотта были юными, подвыпившими и безответственными подростками, мы не могли всерьез представить, что случайный секс подарит Лукасу жизнь.

Я отпусти ее, потому что понимал, как она страдала от груза, взвалившегося на нее.

За свою любовь я расплачивался жуткими муками в одиночестве.

ДВАДЦАТАЯ ГЛАВА

Сколько бы ни пытался, но не смог вспомнить ни одного случая, когда бы мне было настолько же хреново, как сейчас. За всю мою бурную молодость я не напивался столь сильно и самозабвенно.

Я состоял на девяносто семь процентов из алкоголя, потому что глотал его, как содовую. Изо дня в день. Страшно представить, на кого я походил со стороны. Я пренебрегал стандартными гигиеническими процедурами, и наверняка от меня ужасно пахло.

Я поселился на диване в гостиной, потому что не мог находиться в спальне без Наоми, превратив ее в свалку. Мое достоинство затерялось где-то в пустых стеклянных бутылках виски, скотча и крепкого ирландского пива.

Наоми.

Прошла... неделя? Не уверен. И я почти убедил себя, что выдумал ее в пьяном бреду. В моих мыслях она представляла слишком прекрасной для того, чтобы быть реальным человеком, а не плодом воображения сдавшегося глупца, каким я являлся.

Как бы я хотел вновь увидеть ее. Дотронуться до ее лица и вдохнуть сладкий аромат ее мягкой, упругой кожи. Я бы хотел прижаться к ее соблазнительно пухлым губам своими губами и простоять, целуя ее, всю жизнь.

Я считал себя человеком, который не знает слов «принять поражение».

Но кем я был сейчас?

Трусом. Последним слабаком, который все пустил под откос.

Я тонул в сожалениях о сотнях утраченных возможностях предотвратить уход Наоми. В день, когда она ушла, я мог вернуть ее три тысячи раз. Может, чуть больше.

Как она сейчас? Все ли с ней в порядке? Она плакала? Скучала? Она по-прежнему любила меня? Любила так же до сумасшествия сильно, как я сходил с ума по ней?

Точно не помню, но... кажется, я звонил ей. Вчера?... И позавчера, вроде тоже.

Мы говорили с ней? Если да, то о чем? Умолял ли я ее вернуться, и что она отвечала?

Я не помнил.

***

— Эй, Зак, я знаю, что ты там.

Я поморщился, пробудившись ото сна, из которого меня выдернул глухой монотонный звук со стороны прихожей.

— Впусти меня, придурок. Если ты еще жив, конечно...

Я замычал, потому что настойчивый долбеж в дверь не прекращался. Прошла минута, а, может, несколько, прежде чем я смог пошевелить онемевшими конечностями. Когда я в последний раз поднимался с дивана?

Попытка принять сидячее положение провалилась с треском, и я свалился вниз, по пути к полу стукнувшись лбом о низкий столик.

— Дьявол, — выругался я, потирая ушибленное место.

— Э-э-эй, Зак, — сквозь утихающий гул в ушах я распознал голос Джейсона. — Я не уйду, пока не удостоверюсь, что твоя задница, которую ты называешь головой, в порядке.

Как мило.

Дневной свет, пробивавшийся сквозь окна, оказывал убийственное воздействие на мои глаза, поэтому я щурил их, чтобы минимизировать режущую боль. Я продвигался к входной двери путем ощупывания перед собой пространства руками.

— Слава богу, ты... Ох, мать моя, — Джейсон поперхнулся и закашлял в кулак, когда я открыл дверь. — Ди Каприо в «Выжившем» просто красавчик по сравнению с тобой. Что, черт подери, ты сделал со своим лицом?

— Ага. Я тоже рад тебя видеть.

Джейсон зашел внутрь.

— Bay, — присвистнул он. — Сейчас я мечтаю, чтобы мои глаза развидели этот бардак. Какого хрена ты устроил? Просто... Наоми убьет тебя, если все ЭТО, — он обвел рукой гостиную, погрязшую в мусоре, — по-прежнему будет находиться в доме, когда она вернется.

Я скривился.

— Да-да. Понял.

— Слушай, чувак, я понимаю, как тебе нелегко. Но это не является чертовым поводом заниматься саморазрушением!

Я зевнул в кулак и прошел мимо него. К моему любимому дивану — пристанищу одиночек. Кажется, у меня оставалась бутылочка с элем.

— Приятель, — Джейсон плелся за мной, — кончай с этим. Я серьезно.

— Какое сегодня число? — непринужденно спросил я.

— Тридцать первое.

— А месяц?

Джейсон издал тяжелый вздох.

— Декабрь.

— О.

— Завтра Новый Год, чувак.

— Я рад.

— Ты... Иисусе.

— Отнюдь, дружище.

— Ты безнадежен.

— Ох, вот ты где, малышка, — я улыбнулся и потянулся к бутылке с темным пивом.

— Так не пойдет.

— Эй! — возмутился я, когда Джейсон отобрал у меня единственное лекарство от дичайшей головной боли.

— Склонись же передо мной в благоговении, потому что сегодня я — твоя фея спасительница.

Я скептически вскинул брови.

— Не нужно вплетать ваши ролевые игры с Джессикой в мое неприметное, ничтожное существование, окей?

— Ха-ха, остряк. Давай же сотворим из тебя человека. Для начала прими-ка душ.

***

— Ну вот. Другое дело. Теперь с тобой не страшно разговаривать, — иронично подметил Джейсон, когда я угрюмо вышел из ванной комнаты. Блеск его самодовольной улыбки в тридцать два зуба был виден из кухонного проема. — Итак.

— Итак, — пробурчал я, лениво накинув влажное полотенце на взъерошенные волосы. — Что ты делаешь в Спирфише?

— Да так. Приехал вытащить твою задницу из запоя.

Хмыкнув, я проскользнул мимо него на кухню и подошел к холодильнику. Контрастный душ значительно помог мне привести свои мысли в порядок, и я почти протрезвел. Но с ясностью ума ко мне пришел нестерпимый голод. М-да. И что я рассчитывал найти в холодильнике, к которому не приближался последнюю неделю?

— Проголодался? — поинтересовался Джейсон, хлопнув меня по плечу. — Я знал, что так будет, поэтому купил продуктов по пути. Они в машине. Подожди пару минут, и я что-нибудь приготовлю.

Я хотел поблагодарить его, но он скрылся из поля моего зрения. Вдохнув, я провел ладонью по лицу. Осознание того, что я забил на все дела и на работу, навалилось на меня огромным бетонным комом. Я почувствовал себя жалкой букашкой под многотонным грузом проблем, которые навлек на себя, поддавшись слабости.

Чем я, черт возьми, думал все эти дни?

Я старался не показывать, как на самом деле был счастлив появлению Джейсона. Если бы он не свалился на мою голову, то и я бы не прекратил сходить с ума и погружаться во тьму.

Он помог мне с уборкой, и вечером мы устроились уже в сверкающей чистотой гостиной.

— Как ты? — негромко спросил Джейсон.

Я пожал плечами.

— Не знаю, — это действительно было так. Без Наоми я не чувствовал себя собой.

— Я... дьявольски скучаю, но она сказала, что вернется, как только разберется в своих чувствах.

— Ты должен понять ее, Зак.

Я кратко мотнул головой в знак согласия.

Я чувствовал себя лучше, потому что мог рассказать Джейсону обо всем накипевшем и мучившем. С алкоголем у меня был более душевный и глубокий разговор, но ни виски, ни эль, ни водка не поддержали меня словами, что все обязательно наладиться — то, что я желал услышать больше всего на свете в трудные минуты. И я в очередной раз сказал Господу спасибо за друга, который у меня был.

— Как она? — я долго не решался задать этот вопрос, но все же озвучил, так как услышать о Наоми было наиважнейшим.

И я не сомневался, что у Джейсона был ответ.

— Она тоже скучает, — опустив ресницы, чуть склонив голову, сказал он, и в гостиной повисла затянувшаяся пауза.

Я долго не мог подобрать слов, испытывая внутри бурю противоречивых чувств: счастья и смятения, волнительной истомы и сокрушительного томления. Чувства, накатившие на меня цунами, подкатили к горлу не проглатываемым комком. Я сжал руки в кулаки, ощущив с приливом многочисленных эмоций несильное головокружение.

Я ненавидел мысль о том, что Наоми переживала не лучшие времена, чем я, но был спокоен, потому что она не находилась одна.

Улыбка, расплывшаяся на моем лице, была посвящена Джессике, потому что эта рыжая бестия разбьется в лепешку, но не позволит Наоми погрузиться в печаль.

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ ГЛАВА

«Хэй».

Электронные часы показывали двадцать минут третьего ночи.

«Ты спишь?».

Дурацкий вопрос.

Конечно, Наоми спала в такое время.

Я не мог уснуть, долго ворочался в кровати, ощущая рядом с собой непривычную пустоту, и решил написать ей. Я с трудом заставлял свои окостенелые пальцы строчить сообщение.

«Ладно. Я просто хотел сказать, что мне тебя не хватает. Прошло чуть больше недели, когда ты... В общем, эти дни были очень паршивыми. Я чуть не спился, представляешь? Ха-ха-ха. Но наверняка ты уже знаешь обо всем от Джейсона. Хорошо. Это не важно. Я рад, что могу писать тебе, хотя ты не отвечаешь на мои звонки. Ты ведь видела, что я звонил тебе? На самом деле, я рад, что ты игнорировала меня, потому что я был отвратителен всю неделю».

Я нажал «отправить» и закусил нижнюю губу.

«Я целый час смотрю на подушку и пытаюсь разглядеть в темноте черты твоего лица... Я на верном пути к безумию. Но я не против, если это поможет мне видеть тебя».

Мой взгляд напряженно впивался в телефон, пока экран не потух. Выдохнув с шумом безнадежность, я превратился в пружину, когда ощутил короткую вибрацию в руке, сигнализирующую о полученном сообщении.

«Привет. Мне тоже не спится».

О боги. Я был самым счастливым мужчиной в мире.

Она ответила мне.

Я ощутил, как воздух стал густым и тяжелым, я больше не мог с легкостью вдыхать его. Мое дыхание участилось и стало поверхностным. Значительно и резко поднялась температура, а буквально несколько секунд спустя после того, как я прочел сообщение Наоми, мое тело начало пылать с адской силой. Сердце отчаянно колотилось в тесной грудной клетке. Оно рвалось наружу. Каждой клеточкой стремилось в Индианаполис, к девушке, которую я любил больше своей жизни.

Я набирал случайный набор слов, первых пришедших в голову, и стирал. И снова что-то печатал, и вновь удалял. Я потратил на блуждание по замкнутому кругу нерешительности и растерянности около десяти минут.

Затем мне пришло еще одно сообщение.

«И я не могу привыкнуть к тому, что тебя нет рядом, когда я открываю глаза... когда я засыпаю... Думаю, что тоже схожу с ума...».

Я точно не сплю?

Я зажмурил глаза, широко улыбаясь, словно мальчишка. Значило ли это, что между нами все в порядке? Что в скором времени она вернется, и будет, как прежде? Она пришла в себя? Успокоилась? Разобралась в своих чувствах? Я безумно хотел узнать об этом, но боялся отпугнуть ее давлением.

«Я скучаю по твоим губам, в которые каждое утро впивался жгучим долгим поцелуем» — написал ей.

Наоми не заставила долго ждать.

«Находиться вдали тебя — самая мучительная вещь, Зак Роджерс. Я безумно хочу обнять тебя».

«Только обнять?» — парировал я, предвкушая грандиозное продолжение переписки.

Я представил, как сейчас она закатила глаза и усмехнулась, уловив подтекст. Мое сознание воссоздало образ ее смущено рдеющих щек и сияющих черных глаз.

«Не только...» — ответила Наоми.

«Что ты еще хочешь?».

«Поцеловать тебя».

«А еще?».

«Зак...».

Я вообразил, что она произнесла мое имя со стоном, испытывая возбуждающее томление внизу живота.

«Я мечтаю исследовать каждый сантиметр твоего идеального тела. Неторопливо ласкать твою грудь, спускаясь губами ниже, к животу. Хочу касаться твоей бархатистой кожи и слышать, как ты приглушенно вздыхаешь, пытаясь сдерживать себя».

«Прекрати, прошу...».

«Поздно. На мгновение, представив тебя обнаженную, я больше не могу контролировать себя. Я хочу тебя. Чертовски сильно хочу. Хочу чувствовать свой член внутри тебя, кусать твои губы и тонуть в твоих хриплых стонах. Малышка, я бы все сейчас отдал, чтобы ты была здесь, рядом со мной, сгорающая от моих прикосновений. Я бы заставил тебя кричать мое имя всю ночь».

«Господи, сейчас не лучшее время. Джесс остается ночевать у меня, я чуть не разбудила ее, потому что застонала. Что тытворишь со мной?».

О, да, детка. Это я и добивался.

«По школе от одного до ста?» — спросил я.

«Что?».

«Насколько ты возбуждена сейчас?».

Наоми ответила незамедлительно.

«Тысяча. Возможно, две тысячи».

«Возвращайся ко мне, малышка. Я завтра же приеду в Индианаполис, чтобы забрать тебя. Пожалуйста, скажи, что ты согласна? Это все, что мне нужно».

«Есть возможность приехать прямо сейчас?».

«Уже в пути. Умоляю, не начинай без меня».

***

Мой голос доводил Наоми до крайностей. Ее хрупкое тело тряслось от желания в моих руках. Я прижимался к ней сзади, покрывая поцелуями лебединую шею, лопатки, пальцами блуждая по спине и ягодицам.

Мы стояли под тугими струями душа в номере одного из отелей Индианаполиса. Мокрые, безрассудно влюбленные, поглощенные лихорадочной страстью, мы утратили контроль над собой, как только увидели друг друга.

— Зак, пожалуйста, войди в меня, — ей достаточно было произнести это, чтобы вожделение превратило в пепел остатки рассудка. Сердце пропустило несколько глухих ударов, а после принялось колотиться как сумасшедшее, отчаянно желая нагнать упущенное нами время.

Наоми жалостливо простонала и слегка подалась назад, прижавшись упругой попкой к моей эрекции. Я что-то нечленораздельно бормотал ей в ухо, вжимаясь в нее, но не входил, а лишь дразнил и касался кончиком члена ее киски. Моя ладонь, не спеша, скользила вниз по линии талии.

— Хватит играть со мной, — она кусала губы от сладостной истомы.

Я улыбнулся, легонько укусив ее за плечо и, взяв в свободную руку твердый член, ввел головку в лоно. Наоми ахнула, сильнее прогнувшись в спине, а я продолжал с наслаждением смотреть, как вода заставляла ее смуглую кожу блестеть.

— Глубже, малыш, — шелестела она, глядя на меня с мольбой через плечо. — Умоляю... прошу, глубже...

Черт.

Я ведь не железный. Тем более, когда она так стонала и просила.

Резким движением, не отпуская Наоми, я развернул ее к себе лицом и вжал в стену душевой. Накрыв ее раскрытые губы своими губами, я жадно поглощал горячее сбивчивое дыхание, проникая языком как можно глубже, исследуя и изучая, словно впервые. Я не мог думать и едва контролировал силу, разжигающуюся во мне, силу, пробужденную телом, которое я ласкал. И эта сила — невероятная, дикая и яростная — рвалась из меня. Я чертовски хотелекса с Наоми — грубого и животного. Желательно, во всех существующих позах. Прямо здесь и сейчас.

Ее знойные пухлые губы мучили, истязали меня. Я был уничтожен, я был рожден. Наоми была моим всем. Сегодня, завтра, и всегда.

Наоми начала оседать вниз, и я крепче схватил ее ягодицы, чтобы мы оба не свалились. Обвив руками мою шею, она захихикала, и я поцеловал ее в лоб.

— Я люблю тебя, — сказал и вошел в нее.

Медленно, растягивая удовольствие. Я ясно чувствовал приятное скольжение внутри нее, каждый изгиб совершенного стройного тела.

— Ты очень тесная, малышка.

Когда я вошел до упора, то замер и посмотрел в хмельные глаза Наоми. Ей нравилось, я видел это и слышал в каждом рваном вдохе, срывающемся с ее пылающих алых уст.

Я приподнял ее и резко насадил на член обратно, заставляя Наоми вскрикнуть от наслаждения. Меня пронзила боль исступления, когда она стала играть с мочкой моего уха, облизывая и кусая его. Я рычал, ощущая себя неприрученным зверем, и опустил голову, захватив языком твердый сосок. Жестко целуя, оставлял бардовые отметины по всей ее груди, и отстранялся ненадолго, чтобы шептать: «Больше не отпущу».

Уткнувшись в ее шею, я начал ускорено двигаться.

Быстро, грубо, чертовски быстро.

Наоми вскрикивала каждый раз, когда я заполнял ее полностью. Мучительно бесконечные, тлеющие в ласках и поцелуях секунды неумолимо приближали нас к апогею. И вновь я почувствовал в воздухе тяжесть, но теперь она пахла не безнадежностью и одиночеством, а плениительным дурманом страсти, обволокшей, окутавшей наши раскаленные тела.

— Зак! Боже! — Наоми громко ахнула, распахнув глаза.

— Тебе больно? — я нежно погладил ее по щеке.

— Нет... это... невыносимо хорошо, — испустив томный стон, она вцепилась ногтями в мои плечи.

— Рад слышать, — я растянул губы в самодовольной ухмылке.

— Мне кажется, я сейчас сгорю.

— Давай сгорим вместе.

Увеличив интенсивность толчков, я возвысил нас до агонии, плавленым золотом растекшись по венам. Кончив в унисон, мы затихли, слившись с шумом воды и биением трепещущих сердец.

Но затишье длилось недолго.

— Повторим? — спросил я.

— Угу.

Мы были ненасытны в своих неугомонных, бурных желаниях, и спустя несколько минут впились в губы друг друга.

ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ ГЛАВА

В понедельник, двенадцатого января, произошло кое-что неожиданное. И радостное, и горькое одновременно.

Тихо постучавшись в дверь моего кабинета, Шарлотта просунула голову в небольшой проем и с улыбкой спросила, может ли она войти.

— Да, заходи, — с видом напускной занятости, я кивнул и свернул «Overwatch⁷» с рабочего стола компьютера.

Проводив Шарлотту напряженным взглядом, я оперся локтями о стол и сцепил пальцы в замок.

7

Компьютерная игра в жанре MMOPPS, разработанная компанией Blizzard Entertainment.

— Что ты хотела? — вежливо поинтересовался, стараясь не дать неприязни в душе просочиться в голос.

В конце концов, мы на работе. Все личное должно оставаться за дверьми этого офиса.

— Вот, — остановившись напротив, Шарлотта положила передо мной лист бумаги.

— Что это?

— Заявление об увольнение.

Я едва не поперхнулся воздухом.

— Я... вижу, что это заявление об увольнении, — пробормотал, чувствуя легкую растерянность. — С чего вдруг?

— Пожалуйста, подпиши, — блондинка уклонилась от ответа. — Я буду рада, если ты сделаешь это как можно скорее. Честно говоря, мне нужно, чтобы ты подписал его сегодня. В восемь часов вечера у меня прямой рейс до Портленда, так что мне бы не хотелось задерживаться, и я уже купила билеты.

— О-о-о, — на выдохе протянул я, не имея представления, что ответить на неожиданное известие. — Постой, — она сказала билеты? — Как же...

Улыбнувшись одним уголком губ, Шарлотта склонила голову в бок.

— Конечно, Лукас летит вместе со мной.

Дерьмо.

Теперь я был повержен шоком.

Сотни вопросов, сливающиеся с потоком ругательств, метались в мыслях, путая их, создавая в моей голове неразбериху. Я смотрел на Шарлотту и пытался сказать ей хоть что-нибудь, но не сумел выговорить ничего вразумительного и внятного. По крайней мере, первые несколько минут после того, как она заявила, что улетает с Лукасом в чертов Портленд, я вообще не мог издать и звука.

— Прости. Ты удивлен? — она снисходительно рассмеялась.

Я бросил на нее угрюмый взгляд.

— Мне предложили хорошую должность в Портленде, — опустив глаза к полу, быстро произнесла она. — Само собой, я согласилась. Лукасу должно понравиться там, — вернув на свое лицо улыбку, Шарлотта откинула копну волнистых волос за плечо. — В часе езды океан, так что мы могли бы часто гулять по побережью. Это гораздо веселее, чем смотреть на унылые виды Рапид-Сити.

— И как давно?

Она вопросительно приподняла бровь.

— Как давно решила уехать и забрать Лукаса?

Шарлотта закатила глаза и, пододвинув кресло к столу, села в него.

— Спустя несколько дней после Рождества, — она закинула ногу на ногу, не сводя с меня неподвижного взгляда. — И я не забираю у тебя Лукаса. Ты можешь приезжать к нему и видеться с ним столько, сколько пожелаешь. Все в порядке.

Сумасшествие какое-то!

Я только-только привык к мысли, что у меня есть сын. Я привык к ответственности, которую обязан нести за него до конца своих дней. Черт. Встречи по выходным — ничтожная часть того времени, которое я бы хотел проводить с ним. Моим сыном.

Я чувствовал несправедливость по отношению к себе и Лукасу. Ненависть к Шарлотте за ее решение была сильнее и горячее облегчения, теплившегося спокойным морем в душе.

Проклятье.

Я буду скучать за Лукасом.

— Я буду приезжать, когда захочу, — отчеканил я, впиваясь в Шарлотту пронизывающим взглядом.

Ее улыбка стала шире.

— Конечно, — она слабо кивнула. — Я не собираюсь запрещать тебе. Я буду рада, если ты не позволишь Лукасу забыть твоё лицо.

Ни за что на свете.

Издав громоздкий выдох, я сжал пальцами переносицу.

— Дело не только в том, что я нашла работу лучше, — вдруг призналась Шарлотта.

— Меня мало заботят причины твоего переезда, — сказал я.

— Да. Но я хочу, чтобы ты знал.

— О чём?

Закусив нижнюю губу, Шарлотта склонилась над столом.

— Я скажу это один раз. Только один, — как бы в подтверждение своим словам она вскинула указательный палец. — Потому что мне будет не уютно, если я не использую свой единственный шанс изъясняться.

Я чуть сощурил глаза, пытаясь прочувствовать подвох.

— Снова что-то затеяла? — предположил саркастично.

Шарлотта усмехнулась, подперев ладонью щеку.

— Нет. На этот раз я просто хочу сказать тебе несколько слов на прощание. Ради бога, не нужно делать такое лицо, — кажется, мой недоверчивый, недоуменный вид искренне забавлял ее.

— Говори и уходи, — небрежно проронил я. — У меня куча дел.

— Буду краткой. Я ни о чём не жалею, Зак. Я пыталась заполучить тебя, прибегая к не честным способам. Поступая не правильно по отношению к твоей девушке и твоим чувствам к ней. Думаешь, я конченая эгоистка? Все не так. И у стервы, вроде меня, есть принципы. Немного иные, но все же они есть.

Я был на грани смеха и приятного удивления. Шарлотта Скарлет умеет признавать собственные ошибки? Ух-ты.

— Чтобы ты знал, Зак — я не жалею, что хотела разрушить ваши отношения с Наоми ради себя. Ради Лукаса. Но я признаю, что потерпела поражение. У меня есть гордость, поэтому я отступаю, так как осознала, что наши дороги далеки друг от друга. Поздновато, но я поняла, что здесь не на что рассчитывать. Ты чересчур упрямый сукин сын.

— Я даже не знаю, что сказать, Шарлотта, — проговорил я, пожав плечами. — Оказывается, ты не такая идиотка, какой я тебя считал.

— Умерь свое высокомерие, грубиян, — она смерила меня бесстрастным взглядом.

— Не думай, будто ты лучше меня. Ты такой же испорченный и эгоцентричный, как я. В этом мы похожи.

— Не льсти себе. Я не идеальный человек, но не сравнивай меня с собой.

— Да-а-а, — она вздохнула и замотала головой. — Надеюсь, что Лукас не пойдет в нас и станет достойным человеком.

В этом я охотно согласился с ней.

— Что ж, на этом, я думаю, мы поставим точку, — подвела итог Шарлотта, встав с кресла и пригладив черную юбку. — Не забудь подписать заявление, — она указала пальцем на документ, который я, оказывается, все это время не выпускал из рук. — Может, пообедаем вместе? Ну, знаешь, прощальный ланч.

Я помахал ей.

— Обещаю, скучать не буду.

Запрокинув голову в звонком смехе, словно мы были старыми добрыми друзьями, и я только что рассказал приятельскую глуповатую шутку, Шарлотта развернулась и легкой осанистой походкой покинула мой кабинет.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ГЛАВА

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

— Готова загадать желание?

Максимально сосредоточившись на пяти разноцветных свечах, воткнутых в огромный торт с небольшими декоративными фигурками улыбающихся панд из белого и черного шоколада, Алексис поджала губы, сжала маленькие, пухлые кулачки и кивнула Наоми.

— Да, мамочка.

Моя жена с любовью погладила девочку по светлым кудряшкам.

— На счет раз, два, три!

— Хочу, чтобы мама и пapa сделали младшего братика, потому что старший братик Лукас не хочет играть со мной, потому что он уже большой! — громко проговорив это, Алексис крепко зажмурилась и задула свечи.

Воцарилась тишина, которую я нарушил глухими смешками. Густо покрасневшая Наоми, придя в себя от неожиданного желания нашей дочери, стрельнула на меня растерянными глазами. Я приложил кулак ко рту и закашлял, скрывая смех.

Я не мог поверить, что сегодня Алексис Роджерс исполнилось пять лет.

— С днем рождения, детка! — улыбнувшись с любовью, Наоми захлопала в ладони.

Задорный детский смех заполнил просторный зал с высоким сводным потолком нашего дома в верхнем Манхэттене.

— С днем рождения, моя Пандочка, — я подхватил Алексис на руки и закружил в воздухе. — Я в восторге от твоего желания, — прижав к себе малышку, сказал я ей на ушко.

— Правда-правда, папочка? — все еще хохоча, Алексис потянула меня за щеку.

— Конечно. Торжественно клянусь, что мы приступим к его исполнению в самое ближайшее время, — я крепко подхватил ее одной рукой, а второй по-солдатски отсалютовал.

Я поцеловал дочку в маленький лобик и подмигнул Наоми. Она закатила глаза, одними губами произнесла: «Даже не думай» и принялась разрезать торт.

Ну-ну. Еще посмотрим.

Мы переехали в Нью-Йорк, как только Наоми забеременела. Я узнал, что она ждет ребенка, спустя три месяца после того, как мы поженились шесть лет назад. Те девять

месяцев были самыми непредсказуемыми и удивительными. И я до сих пор сомневаюсь, что Наоми страдала от токсикоза больше, чем я.

Наоми рожала в одной из лучших клиник США, и, слава богу, роды прошли благополучно и без осложнений.

Алексис Роджерс появилась на свет семнадцатого апреля ровно в двадцать три часа и семнадцать минут, спустя пять часов после того, как я привез Наоми в больницу.

Как только я увидел ее, плачущую и такую крошечную, мой мир изменился. Не окружающий меня мир (хотя он, в прочем, тоже), а внутренний. Мой мир. Моя душа. Впервые взяв свою дочку на руки, я понял, что стал другим человеком. И это ощущение совершенно отличалось от того, когда я полюбил Наоми, и даже когда в моей жизни появился Лукас.

У меня появилась возможность наблюдать, как растет мой ребенок.

Я запечатлел все значимые события в жизни Алексис. Ее первым словом стало «панда», вместо мамы и папы, поэтому в кругу семьи мы звали ее Пандочка. Она пошла, когда ей было девять с половиной месяцев. Я буду помнить всю жизнь те бессонные ночи и утомительные дни, когда у малышки резались первые зубки.

Я познал всю прелесть и горесть отцовства растущей девочки.

Я боялся будущего, когда спустя еще лет десять Алексис вступит в подростковый период, начнет интересоваться и встречаться с мальчиками. Я боялся мыслей о том, что не справлюсь, когда придет время поговорить с ней о смущающих нюансах половых отношениях между мужчиной и женщиной, когда она приведет какого-нибудь Райана к нам домой, чтобы представить в качестве своего бойфrenда.

Боже. Я был безбашенным и проблемным подростком. Мой отец прошел все круги ада, когда я был совсем юн.

Я мечтал, чтобы с Алексис все сложилось иначе.

В конце концов, я был уверен в Наоми.

Она была моей поддержкой и опорой. Она была моей гаванью, моим раем, моим домом. Когда я ломался под тяжестью неуверенности в себе и своих способностях, как отца, Наоми не переставала верить в меня. Ее улыбка была, есть и будет всегда моим маяком, освещющим путь к берегу.

Наши родители поддерживали нас, и я поражался, как они успевали справляться со своим сорванцом. Ричард был любознательным и неугомонным ребенком, мечтающим стать космонавтом. Мальчик был влюблен в небо и звезды.

Когда ему исполнилось семь, у него обнаружили лейкоз.

Он умер спустя полгода.

Это стало страшным ударом для Линдси, Наоми, моего папы. И меня. То, что мы были друг у друга в самые трудные времена, спасло нас. Наоми говорит, что Линдси до сих пор плачет... но я часто видел, как плакала сама Наоми.

Жизнь — череда непредсказуемых событий. Испытав взлет, достигнув вершины счастье, не всегда удается остаться в желанном Эдеме. Иногда судьба безжалостно бросает нас в самые пучины холодной тьмы, не проявляя милосердия.

Но, пролив слезы бессилия, мы все же находим путь обратно. Стирая себя в пыль тщетности, совершая попытки, которым нет конца, взобраться обратно — к недосягаемому, заслуженному счастью.

Я старался проявлять активное участие во взрослении Лукаса. Не всегда удавалось встречаться каждый месяц. Однажды мы не виделись полгода, и я дьявольски скучал. Я наблюдал в нем черты, присущие мне, и с каждым годом они выражали себя более ясно.

В пятнадцать Лукас стал точной копией меня и, честно говоря, помимо внутренней восторженности и в какой-то степени гордости я испытал не передаваемый на словах трепет перед величием времени, потому что, глядя на возмужавшего сына, я видел пятнадцатилетнего себя. И воспоминания сами собой погрузили меня в ужасающее прошлое без матери, ненависти к ней и кучей подростковых проблем.

Я знал, что Лукас не повторит мою судьбу, ведь у него есть я, есть Шарлотта (которая, кстати, вышла замуж за частного преподавателя йоги для людей с ограниченными возможностями), и мы не позволим ему сойти со своего пути.

— О чем-то задумался? — раздался позади вкрадчивый голос Наоми.

Ее руки обвились вокруг моей талии.

— Да так, пустяки, — встягнув головой, избавляясь от наваждения, я развернулся к Наоми лицом и притянул ближе к себе.

— Я уложила Алексис, — в полголоса сказала она. — Мисс Маленькое Чудо заявила мне, что теперь она взрослая, поэтому больше не хочет, чтобы я читала ей сказки перед сном, представляешь?

— Ужасно, — подтвердил я, воздушно касаясь своим носом ее щеки. — Такими печально стремительными темпами в десять лет она заявит, что больше не нуждается в наших услугах родителей.

Цокнув, Наоми шлепнула меня по плечу.

— Так когда? — я одарил ее соблазнительной улыбкой, неторопливо скользя пальцами вдоль швов ее бежевого платья, обтягивающего умопомрачительное тело, ласкать которое я был готов без остановки и всю жизнь.

— Ммм? — она запустила пальцы в мои волосы, и я блаженно сомкнул веки. — Что — когда?

— Когда мы начнем делать братика для Пандочки?

— Зак, ты ведь не серьезно? — простонала Наоми. — Я столько времени приводила себя в форму после Алексис.

— Оставишь ее без подарка? Это жестоко с твоей стороны, Наоми. Ты же сама видела, как она хочет этого!

— Боюсь предположить, здесь не обошлось без твоего вмешательства, — пожурила она, проделав дорожку легких поцелуев по линии скул.

— Ну... не стану исключать.

— Ты играешь нечестно, Зак Роджерс.

Сжав упругие ягодицы Наоми, я подхватил ее и усадил на кухонную тумбу. Раздвинув торсом изящные тонкие ноги, я устроился между ними и лизнул языком яремную впадинку. Аромат ее кожи, по-весеннему свежий и пленительно сладкий, будоражил мою фантазию.

Мы страстно целовались, исследуя тела друг друга, с неугасающим любопытством. Наоми постанывала мне в губы, поспешно расстегивая пуговицы моей рубашки.

— Так мы пришли к соглашению? — спросил я, с нескрываемым удовольствием наблюдая, как она торопится освободить меня от одежды.

Мои ладони покоялись на ее талии, а глаза смотрели в разрез декольте.

— Просто... хватит медлить и возьми меня! — требовательно прошипела Наоми, дернув меня за ремень.

Я дерзко ухмыльнулся.

Бережно обхватив Наоми руками, я снял ее с тумбы и понес в сторону спальни. Впереди нас ждала жаркая ночка.

КОНЕЦ